

**ЭДГАР РАЙС
БЕРРОУЗ**

**Принцесса Марса
Боги Марса
Владыка Марса**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Марсианин Джон Картер

Эдгар Райс Берроуз

**Принцесса Марса. Боги Марса.
Владыка Марса (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1912, 1918, 1919

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз Э.

Принцесса Марса. Боги Марса. Владыка Марса (сборник) /
Э. Берроуз — «Азбука-Аттикус», 1912, 1918, 1919 — (Марсианин
Джон Картер)

ISBN 978-5-389-11543-9

Межпланетные опасности и невероятные приключения на красной планете ждут вас на страницах знаменитой трилогии научно-фантастических романов Эдгара Райса Берроуза! Берроуз недаром считается основоположником современной научной фантастики. Его романы о Джоне Картере, увидевшие свет в 1920-е годы, мгновенно завоевали огромную популярность и проложили дорогу новому жанру – жанру приключенческой фантастики. Джон Картер, кавалерийский офицер из Виргинии, магическим образом переносится на Марс, где идет постоянная борьба между различными расами, обитающими на красной планете. Благодаря своему мужеству, решительности и находчивости Картер умудряется не только выжить, но и занять высокое положение в марсианском обществе, раздираемом интригами. Главной его наградой становится любовь прекрасной Деи Торис, принцессы Гелиума, которую он освобождает из рабства. Его многочисленные подвиги в сражениях с воинственными племенами, воздушными пиратами и прочими силами марсианского зла сделали Джона Картера самым популярным долгожителем фантастической литературы. В данной книге романы Берроуза впервые издаются в новом, более полном и точном переводе, с великолепными иллюстрациями Томаса Йейтса! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-11543-9

© Берроуз Э., 1912, 1918, 1919

© Азбука-Аттикус, 1912, 1918, 1919

Содержание

Принцесса Марса	7
Предисловие	8
I	12
II	17
III	20
IV	25
V	29
VI	32
VII	35
VIII	38
IX	43
X	47
XI	55
XII	60
XIII	63
XIV	67
XV	73
XVI	78
XVII	85
XVIII	91
XIX	94
XX	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Эдгар Райс Берроуз
Принцесса Марса
Боги Марса
Владыка Марса**

Illustrations © Thomas Yeates, 2009

© Т. Голубева, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моему сыну Джеку

Принцесса Марса

Предисловие К читателям этой книги

Представляя вам публикацию странной рукописи капитана Картера, я хочу немного рассказать об этом примечательном человеке. Уверен, это будет интересно читателям.

Мое первое воспоминание о капитане Картере касается тех немногих месяцев, что он провел в доме моего отца в Виргинии, как раз перед началом Гражданской войны. Мне тогда было около пяти лет от роду, однако я хорошо помню этого высокого, смуглого, атлетически сложенного мужчину, которого я называл дядей Джеком.

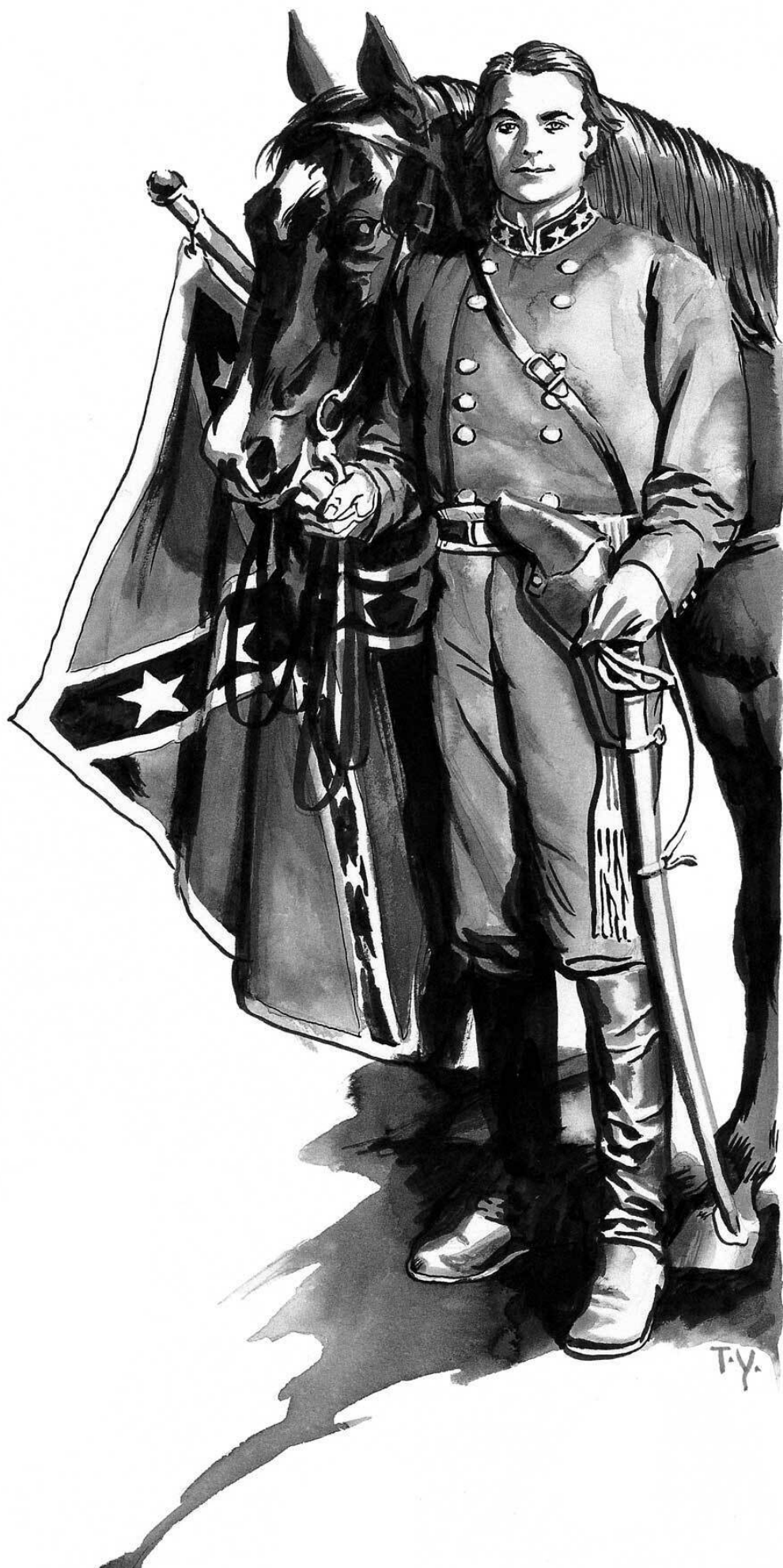
Казалось, капитан постоянно улыбался; он принимал участие в подвижных детских играх с той же дружеской сердечностью, какую являл и в светских развлечениях дам и кавалеров его возраста; порой он мог битый час просидеть с моей старой бабушкой, потчует ее историями о своих странных, необыкновенных приключениях в разных частях света. Мы все любили его, а наши рабы поклонялись земле, по которой он ходил.

Он представлял собой образец мужественности – при росте шесть футов и два дюйма Картер был широк в плечах, узок в бедрах и мог похвастать осанкой тренированного человека. Черты его лица отличались правильностью, он всегда был чисто выбрит и коротко стриг свои черные волосы. В его серых, стального оттенка, глазах отражалась сильная и прямая натура, полная огня и энергии. Его манеры были безупречны, а учтивость соответствовала представлениям о джентльмене-южанине высшего класса.

Его искусство верховой езды вызывало восторг и восхищение даже в этом краю великолепных наездников. Я частенько слышал, как мой отец предостерегал дядю Джека насчет его рискованной и беспечной манеры держаться в седле, но тот лишь смеялся в ответ и говорил, что еще не родилась лошадь, способная его сбросить.

Как только разразилась война, он уехал, и я не видел его около пятнадцати лет. Когда же он вернулся, без предупреждения, я был весьма удивлен тем, что он совершенно не постарел и внешне никак не изменился. На людях он выглядел тем же искренним и счастливым человеком, которого мы знали прежде. Но я замечал, как он сидит часами в одиночестве, глядя в небеса, и на его лице появляется выражение страстной тоски и отчаяния; и вечером и ночью можно было застать его за этим странным занятием, но причины такого поведения я не знал, пока не прочел спустя годы его рукопись.

Он рассказывал нам, что некоторое время после войны занимался горным делом в Аризоне и был весьма успешен в разведке полезных ископаемых. Слова капитана подтверждались неограниченными средствами, имевшимися в его распоряжении. Что же касалось подробностей его жизни в те годы, он в них не вдавался, то есть вообще об этом не упоминал.

Картер пробыл у нас около года, а потом уехал в Нью-Йорк, где приобрел небольшое поместье на Гудзоне. Я раз в год навещал его, когда мне приходилось бывать в Нью-Йорке по торговым делам, – мы с отцом в то время владели и управляли сетью универсальных магазинов по всей Виргинии. У капитана Картера был небольшой, но очень красивый дом, стоявший над обрывом у реки, и во время одного из моих последних визитов, зимой 1885 года, я отметил, что капитан много пишет; как я теперь предполагаю, он работал как раз над этой рукописью.

В тот раз Картер попросил меня позаботиться о поместье, если с ним что-нибудь случится, и отдал мне ключи от сейфа, стоявшего в кабинете. Он пояснил, что там находится его волеизъявление, а также некоторые инструкции, которым я должен буду следовать в точности, в чем он и заставил меня поклясться.

Перед тем как улечься в постель, я увидел в окно, что он стоит в лунном свете на краю крутого берега, спускавшегося к Гудзону, и протягивает руки к небесам, словно просит о чем-то. Тогда я подумал, что он молится, хотя никогда не замечал, чтобы капитан был религиозным человеком в строгом смысле этого слова.

Несколько месяцев спустя после моего возвращения домой, кажется, первого марта 1886 года, я получил телеграмму, в которой капитан просил меня немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем молодым членам семьи Картер, но именно я был его любимцем. Надо ли удивляться, что я поспешил выполнить его просьбу.

Я прибыл на маленькую станцию, расположенную примерно в миле от его владений, утром четвертого марта 1886 года. В ответ на просьбу отвезти меня к капитану Картеру кучер сказал, что для друзей капитана у него плохие новости: он был найден мертвым сегодня на рассвете, обнаружил его сторож соседнего имения.

Почему-то это известие ничуть меня не удивило. Я постарался добраться до дома капитана как можно скорее, чтобы позаботиться о покойном и о его имуществе.

Сторожа вместе с главой местной полиции я нашел в маленьком кабинете Картера. С ними были несколько горожан. Очевидец сообщил мне то небольшое, что касалось обнаружения тела, которое, по его словам, было еще теплым, когда он на него наткнулся. По описанию, капитан лежал на снегу, вытянувшись во весь рост и простирая руки над головой к краю обрыва. Когда сторож показал то место, мне сразу вспомнилось, что именно там я видел моего покойного друга с воздетыми к небесам руками.

Никаких признаков насилия на теле не было, и после краткого расследования местный коронер пришел к выводу о смерти от сердечного приступа. Оставшись в кабинете один, я открыл сейф и извлек содержимое того ящика, в котором, как говорил мне капитан, находятся все инструкции. Они были немного странными, надо признать, но я последовал им со всей скрупулезностью и преданностью, на какие только был способен.

Капитан распорядился доставить его тело в Виргинию, не бальзамируя, и положить в открытый гроб в склепе, подготовленном им заранее и, как я узнал позже, оборудованном отличной вентиляцией. В инструкции особо подчеркивалось, что я должен лично присмотреть за исполнением последней воли умершего и держать происходящее в тайне, если потребуется.

Что касается его собственности, то я должен был получать полный доход с поместья в течение двадцати пяти лет, после чего оно переходило ко мне. Дальнейшие инструкции касались как раз этой рукописи: предписывалось одиннадцать лет хранить ее в запечатанном виде без прочтения; также запрещалось обнародовать ее в течение двадцати одного года после его смерти.

Весьма странной особенностью склепа, где до сих пор лежит тело Картера, являлась массивная дверь, снабженная одной-единственной огромной золоченой пружинной задвижкой, которую можно было открыть только изнутри.

Искренне ваш, Эдгар Райс Берроуз.

I На холмах Аризоны

Я очень старый человек; сколько мне лет, я и сам не знаю. Возможно, сто, а может быть, и больше, точно сказать не могу, потому что не старею, как другие люди, а детство напрочь стерлось из памяти. Насколько помню, я всегда был мужчиной, мужчиной около тридцати лет. Сегодня я выгляжу точно так же, как сорок и более лет назад, и все же ощущаю, что не могу жить вечно; что однажды придет настоящая смерть, после которой нет воскрешения. Не знаю, с чего бы мне бояться конца, – ведь я уже дважды умирал и по-прежнему жив, – тем не менее я испытываю перед смертью тот же ужас, что и вы, ни разу не покидавшие этот свет, и, по моему, именно этот страх убеждает меня в собственной смертности.

И из-за этой убежденности я твердо решил записать историю самых интересных периодов моей жизни и моего небытия. Я не способен объяснить сей феномен; могу лишь изложить словами обычного солдата удачу хронику тех странных событий, что произошли за десять лет, пока мое мертвое тело лежало, скрытое в одной из пещер Аризоны.

Я никогда не рассказывал об этом, и ни один смертный человек не увидит эту рукопись до тех пор, пока меня не поглотит вечность. Знаю, обычный, средний человеческий ум не поверит в то, что не способен осмыслить, и мне вовсе не хочется быть осмеянным публикой, проповедниками и газетчиками и выглядеть величайшим лжецом, в то время как я всего лишь стремлюсь поведать простую правду, которую когда-нибудь подтвердит наука. Возможно, знания, полученные мною на Марсе, и сведения, которые я могу запечатлеть в этой хронике, отчасти помогут вам понять загадку близкой к нам планеты – для меня же ее тайны открыты.

Меня зовут Джон Картер, но я более известен как капитан Джек Картер из Виргинии. В конце Гражданской войны я обнаружил, что обладаю несколькими сотнями тысяч долларов (в деньгах Конфедерации) и званием капитана кавалерийского подразделения армии, которая больше не существовала; я был слугой государства, растаявшего вместе с надеждами южан. Лишенный руководства, денег и предоставленный сам себе, я преисполнился решимости отправиться на юго-запад и попытаться поймать удачу в поисках золота.

Я потратил почти год, ведя геолого-разведочные работы вместе с другим офицером Конфедерации, капитаном Джеймсом К. Пауэллом из Ричмонда. Нам очень повезло, потому что в конце зимы 1865 года, после множества трудностей и лишений, мы наткнулись на такую богатую золотоносную жилу, какую только могли вообразить в своих мечтах. Пауэлл, имевший образование горного инженера, заявил, что здесь за каких-нибудь три месяца ничего не стоит добыть металла на миллион долларов.

Поскольку оборудование у нас было чрезвычайно примитивным, мы решили, что один из нас должен вернуться к цивилизации, приобрести все необходимые машины и нанять солидное количество людей, чтобы начать разработку этой кварцевой жилы.

Пауэлл хорошо изучил эти места, был знаком с горным делом и знал, какие механизмы нам потребуются, поэтому мы пришли к выводу, что будет лучше, если именно он отправится в эту поездку. А я должен был охранять нашу заявку на тот случай, если вдруг на жилу наткнется какой-нибудь бродячий золотоискатель.

Третьего марта 1866 года мы погрузили необходимые припасы на двух осликов, и Пауэлл, попрощавшись со мной, вскочил на лошадь и начал спускаться по горному склону – первая часть его пути пролегла через долину.

То утро, как почти всегда в Аризоне, было ясным и замечательным; я наблюдал, как всадник и вьючные животные осторожно пробираются вниз по откосам, и время от времени замечал их, когда они поднимались на какой-нибудь холмик или пересекали ровное место. Послед-

ний раз я видел Пауэлла около трех часов дня, когда он приблизился к тени, что отбрасывал хребет по другую сторону узкой долины.

Примерно полчаса спустя я случайно посмотрел туда и был весьма удивлен, заметив три маленькие точки примерно в том же месте, где в последний раз мне попались на глаза мой друг и два его осла. Я вовсе не склонен к бессмысленной тревоге, но чем больше я старался убедить себя, что с Пауэллом все в порядке и точки на самом деле являются антилопами или мустангами, тем меньше мне верилось в это.

С тех пор как мы пришли в это место, нам ни разу не встречались враждебные индейцы, и потому беспечность наша не знала границ. Мы считали глупостью истории о многочисленных жестоких мародерах, что устраивают засады на дорогах, убивают и грабят белых путников, имеющих несчастье попасться к ним в лапы.

Пауэлл, насколько я знал, был отлично вооружен, более того, он мог похвастать опытом в сражениях с краснокожими. Однако я сам много лет воевал с индейцами-сиу на Севере, поэтому у меня были основания предполагать, что столкновение с бандой коварных апачей не оставит моему другу шансов. Наконец я не мог дольше выносить подозрений и, вооружившись двумя кольтами и карабином, надел на себя два полных патронташа и оседлал лошадь, чтобы ехать по утренним следам Пауэлла.

Добравшись до сравнительно ровного участка, я пустил своего коня легким галопом и скакал так все время, пока позволяла тропа. Ближе к сумеркам я очутился у места, где несколько тропинок пересекались с путем Пауэлла, и нашел отпечатки копыт трех неподкованных пони, причем они неслись во весь опор.

Я поспешил по их следу, пока не вынужден был остановиться из-за темноты, подождал, когда поднимется луна, и тут только принялся размышлять о разумности такой погони. Возможно, я просто навдумывал каких-то бессмысленных опасностей, словно нервная старая домохозяйка. Вот догоню Пауэлла, и мы вдоволь посмеемся над моими страхами. Однако я не был склонен к сентиментальности, и чувство долга, куда бы оно ни завело, всю мою жизнь являлось для меня чем-то вроде фетиша; и это сделало мне честь в трех республиках, которым я служил, и стало причиной награды, полученной от некоего старого и могущественного императора и нескольких менее сильных королей, на чьей службе мой клинок много раз обогрелся кровью.

Около девяти вечера луна наконец осветила тропу достаточно ярко, чтобы можно было продолжить путь. Я не встретил каких-либо трудностей, двигаясь дальше, временами даже пускал лошадь быстрой рысью и около полуночи добрался до небольшого озерца, возле которого Пауэлл, предположительно, должен был остановиться на отдых. Я выскочил на открытое место внезапно и увидел: там совершенно пусто – ни малейших признаков того, что кто-то устраивал стоянку.

Я с интересом отметил, что гнавшиеся за Пауэллом (в чем я теперь не сомневался) всадники лишь ненадолго задержались у озерца; они постоянно двигались с той же скоростью, что и мой друг.

Теперь я был уверен, что эти люди – апачи, желающие захватить Пауэлла живым, просто для того, чтобы получить дьявольское наслаждение, мучая его. Поэтому я поскакал вперед с опасной скоростью, вопреки всему надеясь, что сумею нагнать краснокожих негодяев, прежде чем они нападут на Пауэлла.

Мои размышления внезапно прервало слабое эхо двух выстрелов далеко впереди. Я понимал, что сейчас Пауэлл нуждается во мне, как никогда, и сразу же подстегнул лошадь, погнав ее по узкой и опасной горной тропе.

Я неслись вперед, наверное, с милую, не слыша больше никаких звуков, и тут вдруг дорога вышла на небольшое открытое плато возле самой высокой точки перевала. Перед этим я про-

скочил через узкое ущелье и теперь, очутившись на плоском участке земли, увидел нечто, наполнившее меня ужасом и отвращением.

Ровную площадку сплошь усеяли белые индейские вигвамы, чуть ли не полтысячи краснокожих воинов собрались в центре лагеря. Их внимание было так поглощено неким предметом, что они не заметили меня, и я легко мог бы вернуться в темное ущелье и сбежать без особого риска. Однако тот факт, что эта мысль пришла ко мне лишь на следующий день, еще не дает мне права претендовать на звание героя, каковым меня могли бы наградить после рассказа об этом эпизоде.

Я не верю, что создан из того же материала, что и герои, поскольку из всех тех сотен случаев, когда мои импульсивные действия сталкивали меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного примера, когда бы альтернативное решение приходило мне в голову раньше чем через несколько часов. Мой ум явно устроен так, что я неосознанно выбираю путь долга, не предаваясь утомительным мыслительным процессам. Но как бы то ни было, я никогда не сожалел о том, что мне не свойственна трусость.

Конечно, в то мгновение я пребывал в совершенной уверенности, что центром внимания индейцев является Пауэлл, однако не знаю, опередила ли эта мысль мои действия или наоборот – стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы и ринулся на целую армию воинов, бешено стреляя и крича во всю силу легких. Будучи один, я не мог бы выбрать лучшую тактику, потому что краснокожие, от неожиданности решившие, что на них напал полк регулярной армии, развернулись и бросились бежать во все стороны, хватая луки, стрелы и винтовки.

Картина, которая открылась мне в результате их поспешного бегства, наполнила меня мрачной тревогой и яростью. Под яркими лучами аризонской луны лежал Пауэлл, и его тело буквально оцетинилось вражескими индейскими стрелами. В том, что он погиб, сомневаться не приходилось, и все же я должен был спасти от рук апачей тело друга без промедления, как если бы вырывал его из объятий смерти.

Подскакав вплотную к нему, я наклонился в седле и, схватив мертвого Пауэлла за патронташ, быстро бросил его на холку своей лошади. Взгляд назад убедил меня, что отправляться по той тропе, по которой я добрался сюда, было бы куда более рискованно, чем двинуться вперед через небольшое плато, и потому, дав шпоры моей бедной лошадке, я помчался через открытую местность к перевалу, который отчетливо виднелся в дальнем конце поляны.

Стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы и ринулся на целую армию воинов.

К этому времени индейцы поняли, что я один, и с проклятиями пустились за мной в погоню, вслед мне полетели стрелы и пули из винтовок. Но при лунном свете в цель могут попасть разве что проклятия, к тому же дикари были слишком разозлены моей внезапной выходкой и тем, что противник оказался довольно шустрой мишенью. Все это спасло меня

от разнообразных вражеских снарядов и позволило укрыться в тени, окружавшей вершины, прежде чем апачи сумели организовать грамотное преследование.

Я отпустил поводья, потому что знал: лошадь отыщет верный путь скорее меня. Но вышло иначе, вскоре она вынесла меня в теснину, тянущуюся к верхней части хребта, а я-то надеялся, что выберусь в долину и окажусь в безопасности. Похоже, именно своей лошади я обязан жизнью и теми необычными испытаниями и приключениями, что выпали на мою долю в последующие десять лет.

Когда пронзительные крики гнавшихся за мной дикарей затихли где-то слева, мне стало ясно, что я еду по другой дороге.

Я сообразил, что они обогнули каменистые зубцы на краю плато с левой стороны, а моя лошадь увезла меня и тело Пауэлла вправо.

Заставив коня подойти к ровному выступу, с которого просматривалась тропа внизу и слева, я увидел банду дикарей, исчезающую за соседней вершиной.

Было ясно, что индейцы вскоре обнаружат свою ошибку и поиски возобновятся уже в правильном направлении, как только они отыщут мой след.

Я проехал немного дальше и тут увидел отличную тропу, огибавшую высокий утес. Она была ровной и довольно широкой, причем вела именно туда, куда я намеревался ехать. Скала поднималась справа от меня на несколько сотен футов, а слева примерно такой же высоты отвесная стена обрывалась в каменистое ущелье.

Через какую-нибудь сотню ярдов пришлось резко повернуть вправо, и я оказался у входа в большую пещеру – наверное, фута четыре в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Здесь тропа заканчивалась.

Уже наступило утро, и, как обычно в Аризоне, без всяких признаков рассвета внезапно вспыхнул солнечный свет.

Спешившись, я положил тело Пауэлла на землю. Самый тщательный осмотр не обнаружил в нем даже слабых признаков жизни. Почти целый час я хлопотал над ним, вливая воду из своей фляги в его мертвые губы, омывая ему лицо и растирая руки, хотя прекрасно понимал, что он мертв.

Я очень любил Пауэлла; он был во всех отношениях настоящим мужчиной – прекрасно воспитанный джентльмен, южанин, верный, стойкий, истинный друг. Наконец я с чувством глубочайшего горя бросил примитивные попытки оживить его.

Оставив тело Пауэлла там, где оно лежало, я забрался в пещеру для разведки. Она оказалась очень просторной, должно быть, не меньше сотни футов в диаметре и футов тридцать-сорок высотой; ровный, сильно истертый пол и многие другие свидетельства говорили о том, что некогда, в давние времена, эта пещера была обитаемой. Дальняя ее часть терялась в густой тьме, так что я не мог различить, есть ли из нее другие выходы или нет.

Продолжая исследование, я начал ощущать, как меня охватывает приятная сонливость, и решил, что это, конечно, результат усталости от долгого и трудного пути и реакция на возбуждение схватки и погони. Я чувствовал себя в относительной безопасности, потому что знал: один человек может защитить узкую тропу от целой армии.

Вскоре дремота совсем одолела меня, и я чуть не поддался сильному желанию упасть на пол пещеры и несколько минут отдохнуть, но я понимал, что делать этого нельзя: сон означал бы неминуемую смерть от рук моих краснокожих приятелей, которые могли найти меня в любой момент. С огромным усилием я направился к выходу из пещеры, но пошатнулся, прислонился к боковой стене – и бессильно сполз на пол.

II

Бегство от мертвеца

Чувство сладкой сонливости охватило меня, мои мышцы расслабились, и я уже готов был отдаться во власть Морфея, когда до моих ушей долетел стук копыт приближающихся лошадей. Я попытался вскочить на ноги, но с ужасом обнаружил, что тело отказывается подчиняться моей воле. Я полностью проснулся, но был так же не способен шевельнуться, как если бы обратился в камень. И лишь тогда, в первый раз, я заметил, что пещеру наполняет едва заметный, чрезвычайно легкий туман. Различить его можно было только на фоне выхода, сквозь который проникал дневной свет. Мои ноздри ощутили слабый острый запах – оставалось предположить, что я попал под действие какого-то ядовитого газа, но почему при полной ясности мысли мои конечности не слушались, объяснить было невозможно.

Я лежал лицом к выходу и видел короткий отрезок тропы между пещерой и краем утеса. Стук лошадиных копыт затих, и я рассудил, что индейцы, видимо, осторожно пробираются вдоль обрыва по узкому выступу, направляясь к моей обитаемой могиле. Я помню, как надеялся тогда, что они расправятся со мной быстро, поскольку мне вовсе не доставляла удовольствия мысль о бесконечных пытках, которым апачи могли меня подвергнуть, если бы им того захотелось.

Мне пришлось ждать не слишком долго. Тихий шорох предупредил меня о близости врагов, а потом из-за края скалы осторожно высунулось раскрашенное лицо, над которым колыхались перья боевого головного убора, – и глаза дикаря заглянули в мои глаза. В том, что он мог меня видеть в тусклом свете внутри пещеры, я был уверен – лучи утреннего солнца падали в отверстие входа.

Но индеец, вместо того чтобы двинуться ко мне, просто стоял и смотрел; его глаза выпучились, челюсть отвисла. Потом появилось еще одно раскрашенное лицо, и третье, и четвертое, и пятое, дикари вытягивали шею и заглядывали друг другу через плечо. И на каждом лице были написаны страх и благоговение, но почему – я понятия не имел и узнал это лишь десять лет спустя. Я понимал, что за спиной тех, кто рассматривал меня, толпились другие индейцы, – это следовало из того, что первые оборачивались и что-то шептали стоящим сзади.

Внезапно из глубины пещеры позади меня раздался негромкий, но отчетливый стонущий звук, и, как только он достиг ушей индейцев, они развернулись и убежали в ужасе, подгоняемые паникой. Они стремились оказаться как можно дальше от того невидимого, что таилось в темноте, и в этой спешке один из воинов сорвался с тропы и полетел с утеса на камни вниз головой. Яростные крики краснокожих еще некоторое время разносились над каньоном, а потом все снова стихло.

Звук, напугавший дикарей, не повторялся, но этого было достаточно для того, чтобы я принялся раздумывать о возможных ужасах, скрытых в тени за моей спиной. Страх – понятие относительное, так что сейчас я могу оценить свои чувства в тот момент лишь в сравнении с прошлым и будущим опытом, ведь я оказывался в опасности и до, и после этого случая. Признаюсь без стыда: если то, что я испытал в несколько последующих минут, было страхом, то пусть Бог поможет трусам, потому что трусость, без всякого сомнения, сама по себе является наказанием.

Парализованный, лежа спиной к чему-то ужасному, к некоей неведомой угрозе, один звук которой заставил свирепых апачей развернуться и броситься бежать, словно стадо овец при виде волков, я думал, что нет и не может быть худшего положения для мужчины, который привык сражаться за свою жизнь со всей силой и энергией.

Несколько раз мне казалось, будто я слышу тихие звуки позади, словно там кто-то осторожно двигался, но и этот легкий шум исчез, и я мог размышлять о своем положении, ни на

что не отвлекаясь. Впрочем, мне оставалось лишь строить неопределенные догадки о причинах своего паралича и надеяться, что он пройдет так же внезапно, как одолел меня.

Позже, днем, моя лошадь, стоявшая без привязи перед пещерой, медленно отправилась куда-то по тропе, явно решив поискать себе пищи и воды, а я остался один с таинственным невидимым компаньоном и мертвым телом моего друга. Оно лежало так, что я мог его видеть, на том же месте, где я его положил ранним утром.

Примерно до полуночи, насколько я мог судить, вокруг было тихо, стояла полная, глубокая тишина; а потом внезапно ужасающий стон, такой же как утром, ворвался в мои уши, и снова из черной тени в глубине пещеры послышался шум чьего-то движения и тихий шорох, будто кто-то ворошил сухие листья. Потрясение для моих и без того перенапряженных нервов было чрезвычайным, и я с нечеловеческим усилием попытался разорвать чудовищные невидимые путы. Это была работа ума, воли, нервов; мускулы тут не участвовали, потому что я не мог шевельнуть даже мизинцем, тем не менее в бой были брошены все внутренние резервы. И тут что-то поддалось, я испытал краткое ощущение тошноты, раздался щелчок, словно лопнула стальная проволока, – и вот я уже стою, прислонившись спиной к стене пещеры, лицом к неведомому врагу.

А потом в пещеру хлынул лунный свет, и я увидел прямо перед собой мое собственное тело – оно лежало так все эти часы, глаза смотрели на вход, а руки бессильно раскинулись на земле. Я уставился сначала на бесчувственное тело на полу пещеры, а потом на себя самого, пребывая в крайнем замешательстве: ведь на земле я лежал одетым и в то же время стоял рядом нагой, как в миг своего появления на свет.

Переход был столь внезапным, столь неожиданным, что на время я забыл обо всем, кроме моей удивительной метаморфозы. Мелькнула мысль: вот она, смерть! Неужели я действительно перешел грань между жизнью и небытием? Но в это не слишком верилось, ведь я ощущал, как сердце бьется у меня в груди после отчаянных усилий освободиться от странного наркоза, который сковывал меня. Мое дыхание было быстрым и неглубоким, холодный пот выступал из всех пор моего тела, а древнее испытание щипком подтвердило тот факт, что я могу быть чем угодно, только не призраком.

Тут зловеющий стон в глубине пещеры повторился, и я сразу вспомнил о своем удручающем положении. Будучи обнаженным и безоружным, я не имел никакого желания встречаться с невидимым существом, угрожавшим мне.

Мои револьверы находились на поясе моего же безжизненного тела, которого я, по постижимой причине, не мог заставить себя коснуться. Карабин же лежал в чехле, пристегнутом к седлу лошади, а поскольку та куда-то ушла, я остался без средств защиты. Похоже, единственным выходом было бегство, и это решение крепло оттого, что шелестящий звук повторился, и теперь, в темноте, при возбужденном воображении, мне мерещилось, будто зловеющее существо украдкой ползет в мою сторону.

Не в силах больше сопротивляться искушению бежать, я быстро выпрыгнул сквозь отверстие в скале под свет звезд тихой аризонской ночи. Свежий, прохладный горный воздух подействовал ободряюще, и я ощутил, как меня переполняют новая жизнь и новая отвага. Я остановился на краю каменного выступа и выбралил себя за то, что поддался необоснованному страху. В течение долгих часов, которые я провел в пещере в беспомощном состоянии, ничто, кажется, не повредило мне; и если хорошо подумать, применяя спокойную логику, то нетрудно будет убедиться: услышанные мной шумы наверняка имели совершенно естественные и безопасные причины; скорее всего, конфигурация самой пещеры такова, что даже легкий ветерок, ворвавшийся внутрь, мог породить напугавшие меня звуки.

Я решил в этом разобраться, но сначала вскинул голову, чтобы наполнить легкие чистым, бодрящим ночным воздухом гор. И тут моему взору открылся прекрасный вид на скалистое

ущелье и раскинувшуюся далеко внизу, поросшую кактусами плоскую равнину, которую лунный свет превратил в картину, исполненную великолепия и невиданного очарования.

Мало какие из западных чудес вдохновляют более, чем освещенные луной пейзажи Аризоны; серебристые горные вершины вдали, странный свет и тени на склонах и в руслах ручьев, гротескные очертания сухих, но прекрасных кактусов создают зрелище, которое зачаровывает и воодушевляет; как будто перед вами предстает некий умерший забытый мир, абсолютно не похожий ни на одно место на Земле.

Погрузившись в созерцание, я перевел взгляд на небо, где мириады светил образовали гигантский плотный шатер над земными красотами. И тут же мое внимание привлекла большая красная звезда, повисшая над далеким горизонтом. Глядя на нее, я ощутил ее неотразимые чары – это была не просто звезда, на меня взирал Марс, бог войны, а для меня, солдата, он всегда обладал обаянием непреодолимой силы. Я смотрел на него в глубокой ночи, и он как будто звал меня сквозь немыслимую пустоту, манил, притягивал, как магнит притягивает к себе крупницы железа.

Страстное желание охватило меня; я закрыл глаза, протянул руки к богу, олицетворяющему военное искусство, и почувствовал, как с внезапностью мысли меня влечет сквозь пустое необъятное пространство. И это было мгновение невероятного холода и беспредельной тьмы.

III

Мое прибытие на Марс

Я открыл глаза и увидел странный и таинственный ландшафт. Я знал, что очутился на Марсе. Меня не покидала твердая уверенность, что я вижу его наяву, находясь в здравом рассудке. Я не спал, мне незачем было себя щипать; мое глубинное сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, как вы осознаете себя на Земле. Вы ведь в этом не сомневаетесь; не сомневался и я.

Я обнаружил, что лежу ничком на плотном ковре из желтоватых, похожих на мох растений, расстилающихся во все стороны куда хватал глаз. Судя по всему, я оказался в глубокой круглой впадине, над краями которой виднелись вдали неровные очертания низких холмов.

Стояла середина дня, солнце вовсю сияло надо мной, опалая жаром мою обнаженную кожу, но зной ощущался не сильнее, чем в то же время суток где-нибудь в пустыне Аризоны. Тут и там выступали из почвы похожие на кварц камни, блестевшие на солнце, а слева, примерно в сотне ярдов, я заметил приземистое ограждение высотой фута четыре. Ни воды, ни других растений, кроме мха, я не видел, а поскольку сильно хотелось пить, решил исследовать окрестности.

Велико же было мое удивление, когда я вскочил на ноги, – пожалуй, это был первый сюрприз, преподнесенный мне на Марсе. Дело в том, что рывок, который на Земле просто привел бы человека в вертикальное положение, здесь подбросил меня в воздух не меньше чем на три ярда. Но я мягко опустился на мох, не испытав особого потрясения. Пришлось постепенно приспосабливаться, что поначалу выглядело глупым до невозможности. Я обнаружил, что должен заново учиться ходить, ведь мышечные усилия, позволявшие легко и спокойно передвигаться на Земле, здесь, на Марсе, играли со мной странные шутки.

Вместо того чтобы шагать в нормальной и достойной манере, я в результате своих попыток совершал разнообразные прыжки, поднимался надо мхом на пару футов и после второго или третьего скачка падал на живот или на спину. Мышцы, идеально приспособленные и привыкшие к условиям земного притяжения, не слушались меня в первые минуты пребывания на Марсе, где гравитация и атмосферное давление были куда ниже.

Однако я преисполнился решимости добраться до низкой постройки, которая была единственным видимым свидетельством чьего-то присутствия, поэтому быстро додумался до первого способа передвижения человека – и пополз на четвереньках. Это мне удалось отлично, и через несколько секунд я уже достиг невысокой круглой ограды.

С ближайшей ко мне стороны не видно было ни дверей, ни окон, но, поскольку стена не превышала четырех футов в высоту, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее... Моим глазам открылось зрелище, способное поразить самое смелое воображение.

Окруженное стеной пространство защищала крыша из стекла дюйма в три или четыре толщиной, а под ней лежали несколько сотен больших яиц, идеально круглых и снежно-белых. Яйца были почти одинаковыми по размеру, примерно два с половиной фута в диаметре.

Пять или шесть из них уже треснули, и в солнечном свете сидели, моргая, гротескные существа, заставившие меня усомниться в собственном здравомыслии. Они как будто состояли в основном из головы, хотя и имели крошечные тощие тела, длинные шеи и по шесть ног – то есть, как я узнал впоследствии, по две ноги и руки и по паре «сменных» конечностей, которые могли служить и руками, и ногами. Глаза уродцев были чрезвычайно широко расставлены чуть выше центральной линии и вращались назад или вперед, независимо один от другого, что позволяло странным созданиям смотреть в любом направлении или в двух сразу и при этом не поворачиваться.

Уши, расположенные немного выше глаз и ближе друг к другу, были маленькими, похожими на чашевидные антенны, и у этих юных представителей марсианского вида выступали не более чем на дюйм. Нос же представлял собой длинную щель посредине лица, между ртом и ушами.

Шерсть на их телах не росла, а кожа имела очень светлый желтовато-зеленый оттенок. У взрослых марсиан, как я узнал довольно скоро, она становилась оливкового цвета, причем мужские особи были темнее женских. Да и голова с возрастом приобретала более правильные пропорции по отношению к телу, чем у новорожденных.

Радужные оболочки их глаз были кроваво-красными, точно у альбиносов, а зрачки – темными. Зато белки сверкали белизной, как и зубы. И это добавляло свирепости и без того пугающей, ужасной внешности марсиан, равно как и острые клыки, загнутые вверх до того уровня, где у землянина расположены глаза. Зубы по цвету вовсе не напоминали слоновую кость, скорее белейший и самый блестящий фарфор. На фоне темноватой кожи клыки выделялись поразительным образом, придавая этому оружию особенно грозный вид.

Большую часть этих подробностей я отметил позже, у меня не было времени на то, чтобы поразмышлять о чуде моего открытия. Я видел, что яйца начинают трескаться, и, пока наблюдал за тем, как маленькие чудовища выбираются на свет, ко мне незаметно подкрались сзади два десятка взрослых марсиан.

Беззвучно шагая по мягкому мху, который покрывал практически всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей на полюсах и возделанных земель, они могли без труда захватить меня в плен, однако их намерения были куда более зловещими. И только звякнувшее случайно вооружение предводителя предупредило меня.

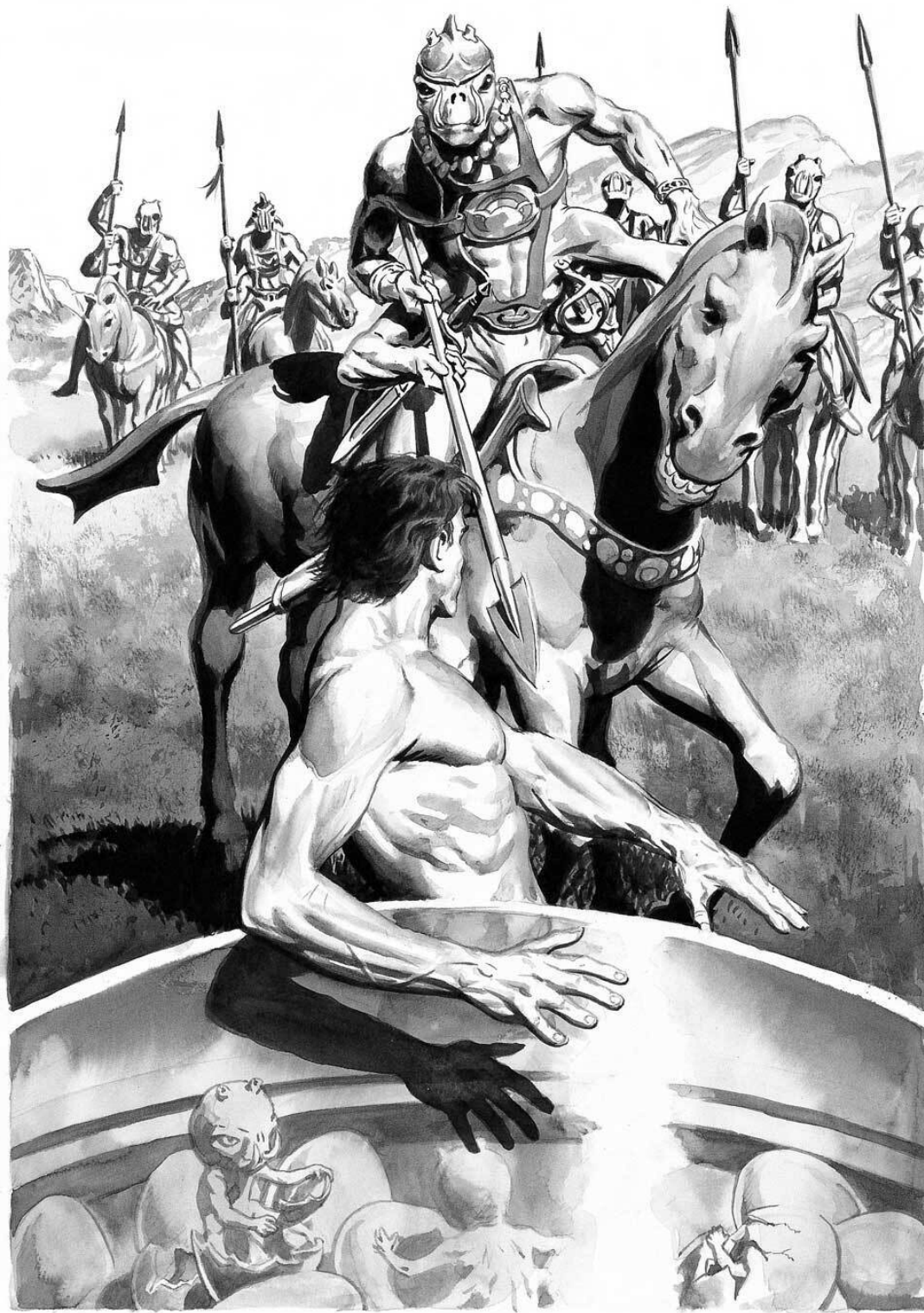
Моя жизнь висела на тончайшем волоске, и я частенько изумляюсь тому, что сумел спастись с такой легкостью. Если бы ружье вождя, висевшее на ремнях сбоку седла, не задело о толстый конец здоровенного копья с металлическим наконечником, я бы не успел заподозрить приближения гибели. Однако негромкий звук заставил меня оглянуться, и тут я увидел меньше чем в десяти футах от моей груди острое огромного копья длиной в сорок футов с наконечником из блестящего металла, а держала его верховая копия тех маленьких дьяволов, за которыми я наблюдал.

Но какими же хилыми и безвредными казались они теперь, рядом с гигантской и пугающей инкарнацией ненависти, мести и смерти... Насколько я мог понять, передо мной высился марсианин мужского пола. Он был ростом в полных пятнадцать футов и на Земле при таких размерах весил бы добрых четыреста фунтов. Вождь сидел в седле, подобно всаднику на лошади; он сжимал брюхо животного нижними конечностями, в то время как ладони его правых рук держали низко, у бока «скакуна», чудовищное копье; две левых руки были вытянуты в сторону, чтобы удерживать равновесие, потому что монстр, на котором он ехал, не имел ни уздечки, ни поводьев, ни каких-либо иных средств управления.

А этот зверь! Есть ли вообще земные слова, чтобы описать его! В холке он достигал около десяти футов; у него было по четыре ноги с каждого боку; широкий плоский хвост, шире на конце, чем у корня, выпрямлялся горизонтально, когда существо бежало; огромная пасть разверзалась от рыла до длинной мощной шеи...

Как и его хозяин, чудовище было полностью лишено растительности на теле, его темная синевато-серая кожа отличалась чрезвычайной гладкостью и блестела. Живот был белым, а на лапах цвет менялся от шиферно-серого на плечах и бедрах до ярко-желтого на ступнях, снабженных подушками, что также объясняло бесшумность приближения инопланетян. Надо сказать, отсутствие когтей в совокупности со множеством ног является одной из характерных черт фауны Марса. Только высшее существо, человек, и еще одно животное, единственное местное млекопитающее, имеют хорошо сформированные ногти. На планете вовсе нет копытных представителей животного мира.

За первым угрожавшим мне демоном тащились еще девятнадцать, очень похожих друг на друга, различать их по индивидуальным признакам я научился уже потом. Точно так же не найти двух абсолютно одинаковых людей, хотя все мы отлиты по одной форме. В общем, эта картина или, скорее, материализовавшийся ночной кошмар, только что описанный мною во всей красе, произвел на меня ужасное впечатление, когда я повернулся.

Я увидел меньше чем в десяти футах от моей груди острие огромного копья с наконечником из блестящего металла.

Поскольку я был безоружен и наг, первый закон природы сработал сам собой, будучи единственным возможным решением насущной проблемы, – я ринулся в сторону от направленного на меня наконечника копья. И, как следствие, совершил вполне земной и в то же время сверхчеловеческий прыжок на крышу марсианского инкубатора (именно так я называл про себя эту конструкцию).

Мое усилие увенчалось успехом, изумившим меня самого ничуть не меньше, чем марсианских воинов, поскольку я взлетел на добрых тридцать футов в воздух и приземлился в сотне футов от преследователей, на противоположной стороне огороженного пространства.

Я легко, даже не пошатнувшись, опустился на мягкий мох и обернулся. Мои враги столпились у дальней стены. Одни таращились на меня с выражением, которое я потом научился распознавать как крайнее изумление, а другие вроде были довольны тем, что я не повредил их молодняку.

Они переговаривались тихими голосами и жестикулировали, показывая на меня. Когда они поняли, что я не сделал ничего плохого маленьким марсианам и у меня нет оружия, их ярость, должно быть, поутихла, но позже я узнал, что в первую очередь мне на пользу послужил мой невероятный прыжок.

Хотя марсиане огромны и кости у них очень крупны, их мускулы приспособлены лишь к той силе притяжения, которую они должны преодолевать. И в результате жители Красной планеты несравнимо менее проворны и сильны по отношению к весу, чем любой землянин, и у меня есть сомнение, что кто-то из них смог бы сдвинуться с места, перенесись он вдруг на Землю; то есть я просто уверен, что они не сумели бы этого сделать.

Моя ловкость выглядела столь же невероятной на Марсе, какой показалась бы на Земле, и от желания уничтожить меня мои враги внезапно перешли к восторгу. Теперь они смотрели на пришельца как на некое чудо, которое следовало немедленно поймать и показать друзьям.

Отсрочка, полученная благодаря моему неожиданному проворству, позволила мне построить планы на ближайшее будущее и хорошенько приглядеться к инопланетным воинам, ведь мысленно я все еще не мог отделить их от тех людей, что всего за день до этого преследовали меня.

Я отметил, что каждый марсианин вооружен еще кое-чем, кроме огромного копья, описанного выше. Оружие, которое заставило меня отказаться от попытки бегства, выглядело определенно как винтовка, и я почему-то не сомневался, что противники умеют отлично обращаться с ним.

Марсианские ружья были из белого металла, с деревянными прикладами, и позже я узнал, что это дерево с очень легкой древесиной крайне трудно вырастить, поэтому оно высоко ценилось на Марсе, а на Земле не нашлось бы ничего подобного ему. Металл ружейных стволов представлял собой некий сплав, в основном состоявший из алюминия и стали, которую марсиане научились закалять до гораздо более прочного состояния, чем умеем мы. Вес такого оружия сравнительно невелик, и при малом калибре, силе взрывчатки и огромной длине ствола оно смертельно опасно на расстояниях, просто немыслимых на Земле. Теоретически дальность действия для этих винтовок – триста миль; правда, фактически, даже при хорошем видоискателе, они могут поразить цель не более чем на расстоянии около двухсот миль.

Но в тот момент мне было достаточно вида марсианского огнестрельного оружия, чтобы проникнуться к нему большим уважением, и, должно быть, некие телепатические силы предостерегли меня от попытки бежать при ясном свете дня под прицелом двадцати таких вот смертельных механизмов.

Марсиане, немного посоветовавшись, ускакали в том направлении, откуда прибыли, но один из них остался возле ограды. Проехав примерно двести ярдов, они развернули своих скакунов к нам и оттуда принялись наблюдать за воином около инкубатора.

Это был именно тот, чье копье оказалось так близко от меня, и он явно являлся предводителем банды, потому что все остальные как будто отъехали в сторону по его приказу. Когда отряд остановился, командир спешился, положил копье и пошел вокруг инкубатора в мою сторону, такой же безоружный и обнаженный, как и я, если не считать украшений на голове, руках, ногах и груди.

Примерно в пятидесяти футах от меня он снял громадный металлический браслет и протянул его мне на открытой ладони, что-то говоря чистым звучным голосом на языке, которого я, разумеется, понять не мог. Потом марсианин замер, словно ожидая моего ответа, насторожил похожие на антенны уши и еще сильнее скосил странные глаза в мою сторону.

Поскольку молчание стало невыносимым, я решил рискнуть и вступить в диалог, ведь у нас с инопланетянином, предположительно, началось нечто вроде мирных переговоров. То, что вождь оставил оружие и отогнал подальше свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, на Земле означало бы вполне добрые намерения. Может, и на Марсе есть схожий ритуал?

Прижав ладони к сердцу, я низко поклонился марсианину и объяснил, что, хотя чужая речь мне непонятна, его действия говорят о мире и дружбе и в настоящий момент это для меня самое дорогое. Конечно, в его глазах я мог выглядеть бессмысленно мычащим существом, но он понял жест, сделанный мной сразу после краткого приветствия.

Протянув к марсианину руки, я подошел, взял с его раскрытой ладони браслет и застегнул над своим локтем; улыбаясь, я замер в ожидании. Его широкий рот расплылся в ответной улыбке, и, соединив одну из своих промежуточных рук с моей, инопланетянин повлек меня к скакуну. В то же время вождь взмахом велел своим подчиненным приблизиться. Они рванулись к нам стремительно, но тут же сбавили ход по его сигналу. Главный марсианин явно побоялся, что я могу снова очень испугаться и упрыгать слишком далеко.

Обменявшись несколькими словами со своими людьми, он знаком показал мне, что я могу сесть позади одного из них, а потом вскочил на свое чудовище. А тот, с которым должен был ехать я, протянул ко мне две или три конечности и поднял меня на блестящую спину своего скакуна. Мне пришлось крепко ухватиться за ремни и пряжки, удерживающие оружие и украшения всадника.

Вся кавалькада развернулась и помчалась прочь, в сторону далекой гряды холмов.

IV Пленник

Отряд проскакал, наверное, уже с десятков миль, когда начался крутой подъем. Мы приближались, как я узнал позже, к берегу давно пересохшего моря, на дне которого и произошла моя встреча с Марсом.

Вскоре мы добрались до подножия холмов и, после того как проехали по узкому ущелью, очутились на открытой равнине. Вдали я увидел плоскую возвышенность, где стоял огромный город. К нему мы и помчались по подобию разрушенной дороги. У края плоскогорья она резко обрывалась и переходила в широкие ступени.

Скакуны одолели их, и при ближайшем рассмотрении я понял, что здания пусты. Хотя с виду они не казались совсем разрушенными, все равно было похоже, что здесь никто не жил долгие годы, а может быть, и века. Ближе к центру города располагалась большая площадь, на ней и в округе устроили лагерь примерно девять или десять сотен существ того же вида, что и мои захватчики, – именно так я теперь думал о них, несмотря на учтивую форму моего пленения.

Если не считать украшений, все эти существа были совершенно нагими. Женщины мало чем отличались от мужчин, разве что клыки у них выглядели намного крупнее по отношению к росту и у некоторых загибались почти до ушей, высоко сидящих на голове. «Дамы» были помельче, посветлее мастью, а на пальцах рук и ног у них виднелись рудиментарные ногти, полностью отсутствовавшие у мужских особей. Взрослые женщины достигали в росте десяти-двенадцати футов.

Дети тоже были светлыми, даже светлее женщин, и, на мой взгляд, казались совершенно одинаковыми, разве что старшие переросли младших.

Среди марсиан я не заметил стариков, разница в возрасте в глаза не бросалась, все выглядели существами зрелыми, лет эдак сорока, – и оказалось, что они с годами не меняются. А тысячелетние инопланетяне добровольно отправлялись в последний путь – странное паломничество к реке Исс. Никто не знал, куда она течет, никто оттуда не возвращался, да никому бы и не позволили остаться в живых после того, как он погрузился в ее холодные темные воды.

Всего лишь один марсианин из тысячи мог умереть от какой-нибудь болезни, и примерно двадцать уходили в добровольное изгнание. Остальные девятьсот семьдесят девять погибали на дуэлях, охоте или войне, но, пожалуй, большая часть не доживала до взросления из-за огромных белых марсианских обезьян – их жертвами становилось огромное количество малышей. В среднем после достижения зрелости марсиане живут около трехсот лет, но могли бы дотягивать и до тысячи, если бы не разнообразные обстоятельства, приводящие их к гибели. Из-за того что ресурсы планеты истощились, стало необходимо сокращать продолжительность жизни, тогда как весьма развитое искусство терапии и хирургии обеспечивало долголетие. Судя по всему, жизнь для марсиан утратила ценность: они увлекались рискованными видами спорта, а между разными сообществами почти непрерывно шли войны.

Были и другие, вполне естественные причины, ведущие к сокращению населения, но ничто не могло сравниться по действенности со смертельным оружием, которого не выпускали из рук ни один взрослый мужчина и ни одна взрослая женщина Марса.

Когда мы приблизились к лагерю и мое присутствие было замечено, нас тут же окружили сотни существ, выразивших намерение стащить чужака со спины скакуна. Но командир отряда что-то крикнул, шум поутих, и отряд легкой рысью пересек площадь и подъехал к входу в здание, поразившее меня немыслимым великолепием.

Оно было невысоким, но занимало обширное пространство. Это чудо выстроили из сияющего белого мрамора с орнаментами из золотых и бриллиантовых камней, которые сверкали

и искрились на солнце. Портал главного входа шириной примерно в сто футов немного выступал вперед, а над центральным холлом раскинулся гигантский балдахин. Лестницы не было, ко второму этажу здания вел пандус с небольшим наклоном, наверху он выходил в огромное помещение, окруженное галереями.

В этом зале, уставленном резными деревянными столами и стульями, собралось примерно сорок-пятьдесят марсиан мужского пола; они стояли у ступеней помоста. На нем сидел на корточках огромный воин, увешанный металлическими украшениями, яркими перьями и кожаными ремнями прекрасной выделки, которые были усыпаны драгоценными камнями. С его плеч свисал короткий плащ из белого меха, подбитый блестящим алым шелком.

Но что сильнее всего поразило меня в этом собрании и в самом зале, где толпились марсиане, так это явное несоответствие размеров имевшихся здесь столов, стульев и прочей мебели росту хозяев; все эти предметы подходили разве что для людей вроде меня, громадные марсиане едва ли могли устроиться на таких стульях и в таких креслах, а под столами просто не нашлось бы места для их длинных ног. Мне стало ясно, что на Марсе были и другие обитатели, кроме тех диких гротескных существ, в чьих руках я очутился. Следы глубокой древности на всем, что я видел вокруг, свидетельствовали: эти дома и вещи могли принадлежать давно исчезнувшей и забытой расе, сгинувшей в тумане прошлого.

Наш отряд спешил к входу в здание, и по знаку предводителя меня спустили на землю. Он снова взял меня за руку, и мы вошли в приемный зал. При встрече с марсианским военачальником формальности не соблюдались. Мой захватчик быстро подошел к помосту, а остальные шагали следом. Вождь поднялся на ноги и назвал моего сопровождающего по имени, а тот в свою очередь остановился и произнес имя правителя и его титул.

В тот момент церемония и слова, сказанные инопланетянами, ничего для меня не значили, но позже я узнал, что это обычное приветствие между зелеными марсианами. Если же они сталкивались с чужаком и не могли озвучить свои имена, то с мирными намерениями молча обменивались украшениями, а в противном случае открывали пальбу или завязывали знакомство с помощью иного оружия.

Мой захватчик, которого звали Тарс Таркас, являлся фактическим заместителем главы сообщества и был искусен как в политике, так и в военном деле. Судя по всему, он вкратце объяснил суть того, что произошло во время его экспедиции, включая захват меня в плен, а когда он умолк, вождь обратился ко мне и говорил довольно долго.

Я ответил на старом добром английском языке, просто чтобы показать ему: ни один из нас другого не понимает. Между тем, когда я слегка улыбался, он делал то же самое. Сей факт, а также сходное поведение Тарса Таркаса при нашем первом разговоре убедили меня: кое-что общее у нас все-таки есть – способность улыбаться, а значит, и смеяться, и это означало наличие чувства юмора. Но позже мне пришлось признать, что улыбка марсианина – всего лишь сокращение мышц, механическая мимика, ну а марсианский смех может заставить сильного мужчину побледнеть от ужаса.

А идея смешного у зеленых жителей Марса весьма отличается от нашего представления о причинах для веселья. Зрелище смертельной агонии себе подобных вызывает у этих странных существ бурное веселье, и их главное массовое развлечение – убивать захваченных в сражении пленников самыми изобретательными и ужасными способами.

Собравшиеся воины и их вождь внимательно рассматривали меня, ощупывали мускулы и кожу. Затем главный явно выразил желание увидеть мое выступление и, жестом велел мне следовать за собой, вместе с Тарсом Таркасом направился к площади под открытым небом.

Теперь я уже не делал попыток нормально идти, поскольку знал, что ничего у меня не получится, если Тарс Таркас не будет крепко держать меня за руку, – и просто запрыгал среди столов и стульев, как какой-нибудь чудовищный кузнечик. Несколько раз сильно ушибившись

– к немалому веселью марсиан, – я снова попытался ползти, но это им не понравилось, и меня грубо поднял на ноги высоченный парень, весьма радовавшийся при виде моих неудач.

Когда он, наклонившись, рывком поставил меня на пол, его лицо приблизилось к моему, и я сделал то единственное, что может сделать джентльмен при подобных обстоятельствах, отвечая на грубость, невоспитанность и неуважение к правам другого человека: врезал кулаком точно ему в челюсть, и он рухнул как подкошенный. Я обогнул упавшего и встал спиной к ближайшему столу, ожидая, что на меня набросятся мстительные приятели поверженного грубияна, полный решимости дать им хороший отпор и держаться, пока жизнь не покинет меня.

Но мои страхи оказались беспочвенными, потому что другие марсиане, поначалу ошалевшие от изумления, в итоге разразились грохочущим смехом и аплодисментами. Я, правда, не понял тогда, что это овация, но позже, когда ознакомился с местными обычаями, узнал: в тот момент мне досталась редкая награда – выражение похвалы.

Марсианин, которого я ударил, лежал на том же месте, но ни один из его дружков не подошел к нему. Тарс Таркас приблизился ко мне, протягивая одну из рук, и мы выбрались на площадь без дальнейших происшествий. Я, конечно, не знал, по какой причине мы должны были выйти на открытое пространство, но мне недолго пришлось пребывать в недоумении. Сначала марсиане принялись повторять слово «сак», а потом Тарс Таркас несколько раз подпрыгнул на месте, твердя то же самое перед каждым прыжком; затем, повернувшись ко мне, он еще раз сказал: «Сак!»

Я наконец понял, чего они хотят, и, собравшись с силами, «сакнул» с таким удивительным успехом, что покрыл расстояние в добрых полтораста футов и на этот раз не потерял равновесия, а приземлился точно на ноги, не упав. А потом вернулся к небольшой группе воинов более скромными прыжками, по двадцать пять – тридцать футов.

За представлением наблюдали несколько сотен обычных марсиан, и они тут же стали требовать повторения. Главный приказал мне это сделать, но я умирал от голода и жажды и в тот момент рассудил, что у меня есть только один способ спасения – завоевать уважение этих

существ, ведь сами они не готовы были его проявить. Поэтому я проигнорировал повторявшуюся команду «Сак!», и каждый раз, когда марсиане выкрикивали это слово, я показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас переговорил с вождем, затем вызвал из толпы какую-то молодую женщину, отдал ей распоряжение и жестом велел мне отправиться с ней. Я схватил предложенную ею руку, и мы вместе пересекли площадь, направляясь к большому зданию в дальнем ее конце.

Моя любезная спутница, примерно восьмифутового роста, еще не достигла полной зрелости. У нее была светлая оливково-зеленая кожа, гладкая и блестящая. Звали ее, как я узнал позже, Солой, и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в просторное помещение в одном из зданий, выходивших на площадь, – судя по разбросанным на полу шелкам и шкурам, там жили несколько инопланетян.

В комнате было светло благодаря большим окнам, чудесные фрески и мозаики украшали стены, но на всем этом лежала невыразимая печать древности, что убедило меня: архитекторы и строители этих прекрасных сооружений не имели ничего общего с грубыми полудикарями, ныне обитавшими здесь.

Сола жестом предложила мне сесть на груду шелков в центре комнаты и, повернувшись, издала своеобразный шипящий звук, как бы подавая сигнал кому-то в соседнем помещении. И в ответ на ее призыв я получил возможность увидеть новое марсианское чудо. Оно вразвалку вышло на десяти коротких ногах и присело перед девушкой с видом послушного домашнего питомца. Существо это было размером примерно с шотландского пони, его голова напоминала лягушачью, вот только в пасти сверкали три ряда длинных острых клыков.

V

Я сбегая от сторожа

Сола заглянула в свирепые глаза чудовища, произнесла какую-то команду из двух слов, показывая на меня, и вышла из комнаты. Я мог лишь гадать, на что способно столь злобное на вид существо, оставшееся без надзора рядом с относительно мягким куском мяса, но мои страхи оказались напрасными: зверь внимательно посмотрел на меня, а потом направился через комнату к единственному выходу на улицу и растянулся во весь рост на пороге.

Это был мой первый опыт общения с марсианским сторожевым псом, но далеко не последний, поскольку это существо старательно охраняло меня все то время, что я оставался в плену у зеленых инопланетян, дважды спасало мне жизнь и по собственной воле не отходило от меня ни на миг.

В отсутствие Сола я воспользовался возможностью более внимательно осмотреть комнату, которая стала местом моего заключения. На стенах изображались картины редкой и удивительной красоты: горы, реки, озеро, океан, луг, деревья и цветы, извилистые дороги, залитые солнечным светом сады. Пейзажи могли бы быть и земными, если бы не другая окраска растений. Росписи, безусловно, были выполнены рукой большого мастера; безупречные по технике, они тонко передавали атмосферу, но при этом я нигде не заметил изображений каких-нибудь животных или людей – должно быть, исчезнувших ныне обитателей Марса.

Пока я позволял своей фантазии искать самые невероятные объяснения тем странным аномалиям, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвращалась с едой и питьем. Она поставила все на пол рядом со мной, а сама уселась неподалеку, внимательно глядя на меня. Еда состояла примерно из фунта некой твердой субстанции, похожей на сыр и почти безвкусной, а вот жидкость определенно была молоком какого-то животного. Она оказалась вполне приятной на вкус, хотя и немного кисловатой, и я очень скоро к ней привык и стал высоко ее ценить. Как я узнал позже, этот продукт был вовсе не животного происхождения, потому что на Марсе встречается лишь одно млекопитающее, да и то воистину редко. Молоко добывали из большого растения, которое может существовать практически без воды, – видимо, оно способно производить солидное количество млечного сока прямо из почвы, влаги воздуха и солнечных лучей. Один куст данного вида дает от восьми до десяти кварт молока в день.

После трапезы сил у меня весьма прибавилось, но, чувствуя потребность в отдыхе, я растянулся на куче шелков и вскоре заснул. Пробудился я, видимо, спустя несколько часов, потому что уже стемнело, вдобавок мне было очень холодно. Я заметил, что кто-то набросил на меня шкуру, но она сползла, а во тьме не удалось нащарить ничего похожего на одеяло. Тут вдруг ко мне протянулась чья-то рука и снова укрыла меня шкурой, а потом и второй.

Я предположил, что моим бдительным стражем была Сола, и не ошибся. В этой девушке – единственной из марсиан, с которыми я уже сталкивался, – я обрел приветливого, доброго и преданного друга; ее готовность заботиться обо мне была неизменной, и именно ее неусыпная опека избавила меня от многих страданий и многих трудностей.

Как мне вскоре пришлось убедиться, марсианские ночи чрезвычайно холодны, здесь практически нет сумерек или рассвета, скачки температуры внезапны и весьма неприятны, как и резкие переходы от сияющего дня к темноте. Ночи тут или очень ясные, или чернее чернил. Если не восходит ни одна из двух марсианских лун, падает беспросветный мрак, ведь из-за отсутствия атмосферы, точнее, из-за того, что она весьма разрежена, звездный свет сюда почти не проникает; с другой стороны, если в небе висят обе луны, все вокруг освещено очень ярко.

Спутники Марса намного ближе к его поверхности, чем наша Луна – к Земле; ближайший расположен примерно в пяти тысячах, а второй – чуть дальше чем в четырнадцати тысячах миль от Красной планеты, тогда как нас отделяет от нашего спутника четверть миллиона

милль. Ближайшая из лун совершает полный оборот вокруг Марса примерно за семь с половиной часов, так что она может проноситься по небу, как некий огромный метеор, дважды или трижды за ночь, каждый раз демонстрируя все свои фазы.

Дальняя луна делает полный оборот вокруг Марса примерно за тридцать с четвертью часов и вместе со своей сестрой превращает ночные марсианские пейзажи в нечто великолепное и таинственное. И очень хорошо, что природа столь милостиво и щедро озаряет марсианские ночи, ведь зеленые жители планеты, будучи не слишком прогрессивным кочевым народом, применяют лишь самые примитивные средства искусственного освещения: это факелы, подобия свечей и своеобразные масляные лампы, горящие без фитиля благодаря выделению какого-то газа.

Последнее приспособление дает весьма яркий белый свет, распространяющийся очень далеко, но, поскольку природное масло, которое для них требуется, можно раздобыть только в шахте – в одной весьма отдаленной и дикой местности, эти лампы используются редко. Зеленый народ привык жить сегодняшним днем и ненавидит ручной труд, из-за чего марсиане и остаются полудикарями в течение бесчисленных веков.

После того как Сола снова укрыла меня шкурами, я опять заснул и не просыпался до наступления дня. Пять других обитателей этой комнаты оказались женщинами, и они еще спали, навалив на себя груды шелков и шкур. На пороге все так же лежала бессонная сторожевая тварь, точно в такой же позе, в какой я ее видел накануне, – видимо, она даже лапой не шевельнула. Глаза пса буквально прилипли ко мне, и я попытался угадать, что за участь ожидала бы меня в случае побега.

Я всегда был склонен искать приключений, исследовать и экспериментировать там, где мудрый человек предпочел бы оставить все как есть. И потому мне сразу пришло в голову, что наилучшим способом выяснить отношение ко мне странного существа будет попытка выйти из комнаты. Я не сомневался, что за пределами дома смогу сбежать от пса, вздумай он за мной погнаться, – ведь у меня была способность прыгать, которой я весьма гордился. Короткие лапы чудовища помешали бы ему состязаться со мной в прыжках, более того, оно едва ли умело быстро бегать.

В общем, я медленно и осторожно поднялся на ноги, и мой страж сделал то же самое; я медленно приблизился к нему, передвигаясь шаркающей походкой, чтобы не потерять равновесия. Когда я подошел к животному, оно слегка попятилось от меня, а когда шагнул к выходу, оно отступило в сторону, давая мне дорогу. А потом последовало за мной шагах в десять по пустынной улице.

Я подумал, что ему приказали лишь охранять меня, но на самой окраине города пес вдруг скакнул вперед, загородив мне путь, издавая странные звуки и злобно скаля уродливые клыки. Решив немного позабавиться за его счет, я ринулся к зверю, а когда был уже совсем рядом, подпрыгнул в воздух и приземлился далеко за его спиной и вдали от города. Монстр сразу же развернулся и помчался за мной с такой скоростью, какую мне едва ли приходилось видеть. Я-то думал, что его короткие лапы станут помехой для бега, но пес неслился как настоящая гончая, внезапно вскочившая с коврика у двери и кинувшаяся в погоню. Как мне пришлось узнать впоследствии, это было самое быстрое животное на Марсе. Эти псы отличались умом, преданностью и вместе с тем свирепостью, поэтому их использовали для охоты, на войне и для защиты марсиан.

Я сразу сообразил, что мне нелегко будет избежать клыков зверя, двигаясь по прямой, и в ответ на его преследование развернулся и перепрыгнул через него, когда он был совсем близко. Этот маневр дал мне значительное преимущество, и я смог добраться до города, немного опередив пса. Однако он почти нагнал меня, и тогда я устремился к окну примерно в тридцати футах над землей, на фасаде одного из зданий, смотревших на долину.

Вцепившись в раму, я подтянулся и сел, не удосужившись заглянуть внутрь, и уставился на озадаченного зверя. Но мое торжество было недолгим: едва я надежно устроился на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шею и бесцеремонно втощила внутрь. Тут меня бросили на спину и прижали к полу, и надо мной нависло колоссальное существо, похожее на обезьяну, белое и безволосое, если не считать здоровенного пучка волос на голове.

VI

Схватка, подарившая мне друзей

Существо куда больше походило на земных людей, чем знакомые мне марсиане. Оно придавило меня к полу огромной ногой и при этом что-то быстро лопотало и жестикулировало, обращаясь к кому-то позади меня. Этот другой, очевидно приятель первого, вскоре подошел ближе, держа громадную каменную дубину, которой явно собирался разmozжить мне голову.

Странные создания были, наверное, ростом в десять, а то и в пятнадцать футов, когда выпрямлялись во весь рост, и имели, как и зеленые марсиане, дополнительный комплект рук или ног, расположенный между верхними и нижними конечностями. Глаза у них сидели близко друг к другу и не выпучивались; уши торчали высоко, но ближе к бокам, чем у зеленых марсиан, а мордой и зубами они удивительно напоминали африканских горилл. В целом же белые обезьяны выглядели менее неприятными по сравнению с зеленым народцем.

Дубина уже описала в воздухе дугу, устремляясь к моему лицу, когда в дверь, мелькая мириадами ног, ворвался воплощенный ужас и бросился на грудь моему мучителю. С испуганным визгом обезьяна, державшая меня, выскочила в открытое окно, но второе существо сцепилось в смертельной схватке с моим спасителем, которым оказался мой преданный страж; язык не поворачивается назвать это чудовище собакой.

Я как можно быстрее вскочил на ноги и прижался спиной к стене, наблюдая за битвой, какую достаивались увидеть лишь немногие. Сила, проворство и слепая ярость двух монстров не знали бы себе равных на Земле. Мой сторож имел преимущество напавшего, поскольку успел вонзить свои мощные клыки в грудь противника. Но огромные лапы обезьяны, чьим мускулам могли только позавидовать марсианские мужчины, сжались на горле моего хранителя и медленно выжимали из него жизнь, наклоняя голову многоногого все дальше назад, и я уже ожидал, что тот вот-вот упадет со сломанной шеей.

К тому же обезьяна вцепилась в грудь своего противника челюстями, похожими на тиски. Они катались по полу взад-вперед, но никто из них не издал ни единого звука страха или боли. Я увидел, что большие глаза моего сторожа буквально вылезают из орбит, а из ноздрей течет кровь. Было очевидно, что он заметно слабеет, хотя то же самое происходило и с обезьяной, чья хватка становилась не такой жесткой.

Внезапно я спохватился, и, повинуясь непонятному инстинкту, который вечно подталкивал меня исполнить свой долг, схватил дубину, что упала на пол в самом начале схватки, и, размахнувшись, изо всех сил опустил ее на голову обезьяны, раздробив ее череп с такой легкостью, словно это была яичная скорлупа.

Едва я нанес удар, как мне стала угрожать новая опасность. Приятель обезьяны опомнился от первого испуга и вернулся на место сражения. Я заметил его как раз в тот момент, когда он появился в дверном проеме. При виде чудовища, которое с пеной на губах зарычало над простертым на полу безжизненным телом друга, я, признаюсь, решил, что мне несдобровать.

Я всегда готов был давать отпор и сражаться, если обстоятельства не слишком превосходили мои возможности, но в данном случае мне не досталось бы ни славы, ни выгоды. Я мало что мог противопоставить железным мускулам и звериной ярости этого обозленного обитателя неведомого мира, и для меня такое столкновение наверняка закончилось бы неминуемой смертью.

Тут меня осенило. Поскольку я стоял рядом с окном, у меня был шанс очутиться в безопасности, прежде чем эта тварь нападет. По крайней мере, стоило сделать попытку перелететь на площадь, в противном случае меня ждала неминуемая смерть в безнадежной схватке.

Да, конечно, у меня была дубина, но что я мог сделать против четырех гигантских рук? Если бы я даже сломал одну из них первым ударом, обезьяна тут же постаралась бы уклониться от второго и просто разорвала бы меня, так что мне вряд ли удалось бы повторить атаку.

Эти рассуждения пронеслись у меня в голове в одно мгновение, и я уже повернулся к окну, но мой взгляд остановился на моем бывшем стороже, и все мысли о бегстве улетучились. Зверь лежал на полу, задыхаясь, его большие серые глаза смотрели на меня как будто с мольбой о защите. Я не смог выдержать этого взора и, конечно, не бросил бы своего спасителя, не постаравшись воздать ему сторицей за его заслуги.

В общем, отбросив страхи, я повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с разъяренной обезьяной. Она была уже слишком близко от меня, так что размахивать дубиной не имело смысла, и потому я просто ткнул ею в атакующую махину из всей силы. Удар пришелся ниже колена, у чудища вырвался пронзительный вой боли и злобы, и, потеряв равновесие, оно рухнуло на меня, широко раскинув руки, чтобы смягчить падение.

И снова, как накануне, я использовал земную тактику и двинул обезьяну правым кулаком в челюсть, а левым сразу же – в середину живота. Результат оказался изумительным; когда я отскочил в сторону после второго удара, зверь согнулся вдвое и упал на пол, рыча и хватая ртом воздух. Перепрыгнув через его распростертое тело, я схватил дубину и покончил с монстром до того, как он собрался с силами.

В эту минуту я услышал у себя за спиной негромкий смех и, обернувшись, увидел Тарса Таркаса, Солу и трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда я встретился с ними взглядом, они захлопали в ладоши. Так я во второй раз заслужил редкие аплодисменты.

Мое отсутствие было замечено Солой сразу после пробуждения, и она тут же сообщила об этом Тарсу Таркасу, а тот немедленно отправился на мои поиски с несколькими подчиненными. На окраине города они увидели взбешенную обезьяну, которая ворвалась в здание.

Они тут же поспешили вслед за зверем, подумав, что его действия могут быть связаны со мной, и стали свидетелями моей короткой, но решительной схватки. Эта победа вкупе с уроком, который я преподавал марсианину накануне, и искусством прыжков весьма возвысила меня в их мнении. Явно не страдая сантиментами по части дружбы, любви или привязанности, эти люди откровенно ценили силу и храбрость, и ничто так не восхищало их, как физическая мощь и бесстрашие.

Сола, по собственному желанию присоединившаяся к поисковому отряду, была единственной из марсиан, чье лицо не исказилось от смеха, когда я сражался за свою жизнь. Наоборот, она выглядела озабоченной и серьезной и, как только я покончил с чудовищем, бросилась ко мне и внимательно осмотрела мое тело в поисках возможных ран или ушибов. Убедившись, что я вышел из боя невредимым, она осторожно улыбнулась и, взяв меня за руку, повела к выходу из комнаты.

Тарс Таркас и остальные воины вошли внутрь и остановились рядом с быстро приходившим в себя псом, который спас мою жизнь и которого я защитил в свою очередь. Они, похоже, о чем-то горячо спорили, и наконец один из них обратился ко мне, но, вспомнив о том, что я не знаю их языка, снова повернулся к Тарсу Таркасу. Тот, словами и жестами отдав ему какой-то приказ, направился к двери.

Мне почудилось нечто зловещее в их отношении к моему сторожу, и я задержался, решив подождать, чем все кончится. И не ошибся в своих подозрениях, потому что воин вынул из кобуры пистолет весьма угрожающего вида и направил его на пса. Я тут же прыгнул вперед и ударил марсианина по руке. Пуля врезалась в деревянную раму окна, пробив в ней дыру насквозь, и из стены дождем брызнули каменные осколки.

А я опустился на колени возле ужасного зверя и, подняв его на ноги, жестом велел следовать за мной. Выражение удивления, появившееся на лице марсиан при виде моих действий, было просто смешотворным; они совершенно не могли понять таких чувств, как благодарность

и сострадание. Тот воин, которому я не дал убить пса, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот жестом дал ему понять, что меня следует оставить в покое. В итоге мы вернулись на площадь, мой здоровенный страж тащился за мной по пятам, а Сола крепко держала меня за руку.

Теперь у меня было по меньшей мере два друга на Марсе: молодая женщина, что присматривала за мной с материнской заботой, и уродливое бессловесное животное, которое, как я узнал позже, таило в своем сердце куда больше любви, преданности и благодарности, чем можно было бы обнаружить в пяти миллионах зеленых марсиан, бродивших по опустевшим городам и пересохшим морям Марса.

VII

Воспитание детей на Марсе

После завтрака, который был точным повторением ужина (за все время моего пребывания на планете меню у зеленых марсиан оставалось неизменным), Сола проводила меня на площадь, где я обнаружил местное сообщество, занятое делом: одни помогали запрягать гигантских, как мастодонты, животных в огромные трехколесные повозки, другие наблюдали за этим. Колесниц я насчитал примерно две с половиной сотни, и каждую тащило одно существо – уверен, такой «конь» без труда мог бы сдвинуть с места доверху нагруженный железнодорожный вагон.

Повозки были большими, просторными и ярко украшенными. В каждой ехала марсианка, увешанная металлическими бусами, вся в драгоценных камнях, шелках и мехах, а на спине каждого колосса, запряженного в повозку, сидел верхом молодой возница. Подобно тем животным, на которых ездили верхом воины, тяжеловозы не имели ни уздечек, ни поводьев, а управлялись исключительно средствами телепатии.

Это искусство удивительно развито на Марсе и является важной причиной простоты их языка и относительно малого количества слов, произносимых даже в долгой беседе. Телепатия и есть универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие существа этого парадоксального мира могут общаться в большей или меньшей мере, в зависимости от интеллектуального развития вида в целом и самой индивидуальности.

Когда кавалькада выстроилась по порядку, Сола затащила меня в какую-то пустую повозку, и мы последовали за процессией к тому месту, где я вошел в город накануне. Во главе каравана скакали верхом две сотни воинов, примерно пятьсот выстроились по обеим сторонам, столько же сопровождающих ехали в арьергарде, и несколько отрядов двигались чуть поодаль справа и слева.

Кроме меня, все до единого – мужчины, женщины и дети – были основательно вооружены. За каждой повозкой бежала марсианская гончая, и моя псина тоже не отставала от нас; вообще-то, преданное существо ни разу по собственной воле не оставляло меня в течение всех тех десяти лет, что я провел на Марсе. Наш путь пролегал через небольшую долину перед городом, потом через холмы и вниз – на дно мертвого моря, которое я пересек во время моего путешествия от инкубатора до городской площади. Инкубатор, как выяснилось, и был конечной целью поездки в этот день, и, когда кавалькада наконец пустилась бешеным галопом, мы очень быстро добрались до обширного морского дна и увидели круглое строение.

Доехав до места, все колесницы с военной точностью выстроились в каре вокруг ограды, и с десятков воинов, включая Тарса Таркаса и еще нескольких командиров ниже рангом, возглавляемых гигантским вождем, спешили и подошли к стене. Я видел, как Тарс Таркас что-то объясняет главному, чье имя, кстати, звучало в земном произношении как Лорквас Птомел. К нему почтительно обращались по титулу: джед.

Мне очень скоро стала ясна тема их разговора, потому что Тарс Таркас знаком велел Соле подвести меня к группе военачальников. К тому времени я уже освоился с искусством ходьбы в марсианских условиях и, быстро откликнувшись на его приказ, подошел к стене инкубатора, возле которой стояли воины.

Когда я к ним приблизился и бросил взгляд внутрь, то увидел, что почти все детеныши уже вылупились. Там кишмя кишели маленькие дьяволы. Ростом они были от трех до четырех футов и непрерывно копошились в замкнутом пространстве, как будто искали пищу.

Я остановился перед Тарсом Таркасом, он показал рукой куда-то за инкубатор и сказал: «Сак!» Мне стало понятно: он хочет, чтобы я повторил вчерашнее представление ради Лоркваса Птомела, а поскольку, должен признать, мое мастерство мне и самому нравилось, я

тут же откликнулся и перепрыгнул через стеклянную крышу и стоявшие по ту сторону колесницы. Когда я вернулся, Лорквас Птомел что-то проворчал и, повернувшись к своим воинам, произнес несколько слов, явно относившихся к инкубатору. На меня больше не обращали внимания, и мне, таким образом, было позволено оставаться рядом и наблюдать за действиями марсиан. Меж тем воины пробили в стене дыру, достаточно большую, чтобы детеныши могли выйти наружу.

По эту сторону стены взрослые женщины и молодежь мужского и женского пола образовали живой коридор – он шел между колесницами до самой долины. Марсианские детки ринулись в проход, точно дикие олени; им позволяли промчаться до конца коридора, где их ловили по одному: кто-то из замыкающих хватал первого малыша, который добегал до него, стоящий напротив – следующего. Так продолжалось, пока все детеныши не выскочили из ограждения и не были пойманы. Взрослая марсианка, подхватившая какого-нибудь кроху, выходила с ним из строя и возвращалась к своей колеснице. А малышей, попавших в руки девушек и юношей, затем передавали кому-то из женщин.

Я наблюдал за церемонией, если такой процесс может быть удостоен столь пышного названия, и когда все закончилось, пошел искать Солу: и обнаружил, что она сидит в нашей повозке, крепко держа уродливое маленькое существо.

Суть воспитания юных зеленых марсиан состоит исключительно в том, чтобы научить их говорить, а потом пользоваться военным оружием: с ним они знакомятся в самый первый год своей жизни. Вылупившись из яиц, в которых они лежали пять лет (таков период инкубации), малыши выходят в мир полностью созревшими, если не считать их роста. Они не знают своих матерей, а те в свою очередь затруднились бы точно назвать их отцов – новорожденные становятся детьми всего сообщества, и воспитание маленьких марсиан возлагается на женщин, которым доведется поймать их на выходе из инкубатора.

Приемные матери могут даже не оставлять яйцо в инкубаторе, как это и было в случае Солы, – она еще не начала откладывать яйца, хотя меньше года назад стала матерью чужого отпрыска. Но такое вовсе не берется в расчет у зеленых марсиан, потому что родительская и сыновняя любовь неведома им так же, как она обычна для нас. Я уверен, что ужасная система, существующая на Марсе многие века, и есть прямая причина полной утраты нежных чувств и высших гуманитарных инстинктов у этих несчастных существ. С самого рождения они не знают отцовской или материнской любви, они даже не понимают значения слова «дом»; им внушают, что лишь физическая сила и свирепость дают право на существование, а пока маленький марсианин не заслужил этого права, он живет из милости. Если же малыши оказываются калеками или неполноценными, их сразу убивают. Им не дано видеть ни единой слезинки, пролитой кем-либо при виде трудностей, которые им приходится преодолевать в самом раннем детстве.

Я не хочу сказать, что взрослые марсиане неоправданно или намеренно жестоки к юному поколению. Всему виной суровая, безжалостная борьба за существование на умирающей планете, где естественные ресурсы истощены до крайней степени, поэтому поддержание каждой жизни означает дополнительную нагрузку на сообщество.

С помощью тщательного отбора марсиане оставляют лишь самых сильных представителей каждого вида, а благодаря почти сверхъестественной силе предвидения они регулируют количество рождений так, чтобы просто возместить потери от смертей.

Каждая взрослая марсианка откладывает примерно тринадцать яиц в год, и те из них, которые проходят проверку по размеру и весу и особое испытание на гравитацию, должны быть спрятаны в тайниках подземных хранилищ, где температура слишком низка для того, чтобы начался процесс развития зародышей. Через год эти яйца тщательно исследуются советом из двенадцати вождей, и все, кроме одной сотни лучших, уничтожаются. Через пять лет из тысяч снесенных яиц выбирают пятьсот совершенных. Их укладывают в почти непроницаемые

для воздуха инкубаторы, чтобы созревали в солнечных лучах в последующие пять лет. Выход молоди, который я наблюдал в тот день, – типичное событие на Марсе; почти все детеныши, за исключением примерно одного процента, вылупляются за два дня. Если из оставшихся кто-то и появится на свет, то судьба таких маленьких марсиан остается неизвестной. Они никому не нужны, потому что их потомство может обрести склонность к затянувшейся инкубации, а это нарушает всю систему, установившуюся за века и позволяющую взрослым марсианам высчитывать правильное время для возвращения к инкубатору с точностью почти до часа.

Инкубаторы строятся в удаленных местах, где их едва ли могут обнаружить другие племена. Ведь если случится такая беда, то в данной общине детей не будет в ближайшие пять лет. Позднее я стал свидетелем того, что делают с чужим инкубатором.

Та община, в которую меня забросила судьба, составляла часть племени и была численностью примерно в тридцать тысяч душ. Эти марсиане кочевали между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты по гигантской безводной, или почти безводной, территории, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Штаб-квартира общины располагалась в юго-западной оконечности этого района, поблизости от пересечения двух так называемых марсианских каналов.

Поскольку инкубатор находился далеко на севере, в месте, предположительно, необитаемом и редко посещаемом, нам предстояло длительное путешествие, о чем я, конечно же, и не подозревал.

Когда мы вернулись в мертвый город, я несколько дней провел в относительном безделье. На следующий день после нашего возвращения все воины куда-то усаkali ранним утром и приехали обратно только перед наступлением ночи. Как я узнал потом, они ездили в подземное хранилище, чтобы перевезти яйца в инкубатор, который будет запечатан на протяжении пяти лет и, скорее всего, останется без присмотра и наблюдения все это время.

Подземные тайники, где яйца лежали до тех пор, пока не станут готовы к помещению в инкубатор, были расположены во многих милях к югу от него, и туда ежегодно навещался совет из двенадцати вождей. Почему марсиане не устроили хранилища и инкубаторы ближе к дому, навсегда осталось для меня загадкой, как и многое на Марсе, – неразрешенной и нерешаемой с точки зрения земных рассуждений и обычаев.

Обязанности Сола теперь удвоились, поскольку ей приходилось заботиться не только обо мне, но и о юном марсианине, мы же требовали внимания примерно поровну, а так как оба были одинаково необразованны на марсианский лад, Сола принялась обучать нас вместе.

Ее добычей стало дитя мужского пола, ростом примерно в четыре фута, очень сильное и физически безупречное; этот малыш быстро учился, так что мы весьма веселились, во всяком случае я, по поводу нашего соперничества. Марсианский язык, как уже упоминалось, довольно прост, и через неделю я мог изложить свои желания и понять почти все, что мне говорили. Равным образом я под руководством Сола развивал свои телепатические способности и вскоре ощущал практически все, что происходило вокруг меня.

Что больше всего удивляло Сола, так это мое умение с легкостью ловить телепатические сообщения других, зачастую даже те, которые мне не предназначались, но при этом никто ни при каких обстоятельствах не мог ничегошеньки прочесть в моем уме. Поначалу мне это досаждало, но позже стало радовать, потому что таким образом я получал несомненное преимущество перед марсианами.

VIII

Пленница, свалившаяся с неба

На третий день после церемонии у инкубатора все собрались ехать домой, но едва процессия выдвинулась на открытое пространство перед городом, как был отдан приказ срочно возвращаться. Зеленые марсиане, будто годами отработывавшие такой маневр, вмиг растаяли, точно туман, в широких дверных проемах ближайших зданий, и меньше чем через три минуты караван колесниц, мастодонтов и всадников просто растворился в пространстве.

Мы с Солой вошли в дом на краю города, тот самый, где я вступил в схватку с обезьянами. Желая выяснить, что послужило причиной столь поспешного отступления, я поднялся на второй этаж и выглянул в окно, выходявшее на долину и дальние холмы; и тут-то причина, заставившая зеленых марсиан так внезапно исчезнуть, стала очевидной. Огромное воздушное судно, длинное, низкое, серого цвета, неторопливо двигалось над вершиной ближайшего холма. За ним показалось еще одно, и еще, и еще, наконец два десятка кораблей повисли на небольшой высоте над землей; они медленно, величественно плыли к нам.

Над каждым судном развевалось странное знамя, а на носках была изображена необычная эмблема, сверкавшая золотом в солнечном свете и отчетливо видимая даже с того расстояния, на каком находились мы. Я мог рассмотреть фигуры, столпившиеся на передней палубе. Заметили они нас или просто глядели на заброшенный город, было трудно сказать, но в любом случае их ждала неприветливая встреча: внезапно, без предупреждения, зеленые марсианские воины открыли бешеный огонь из окон, смотревших на небольшую долину, которую так мирно пересекали огромные корабли.

И в одно мгновение все изменилось как по волшебству; флагман сделал широкий разворот в нашу сторону, его орудия ответили на выстрелы неприятеля. Корабль некоторое время двигался параллельно нашему фронту, а потом повернул назад с явным намерением совершить большой круг, чтобы снова оказаться напротив линии огня; другие суда повторили его маневр, и каждое открывало огонь. Но и с нашей стороны пальба не ослабевала, и я сомневаюсь, чтобы хоть четверть выстрелов зеленых воинов не попала в цель. Мне никогда не случалось видеть такой смертоносной точности – казалось, что при взрыве каждой пули одна из маленьких фигурок на палубах падала, а знамена и верхняя оснастка тонули в языках пламени, когда их накрывало прицельным огнем из орудий, бивших без промаха.

Словом, контратака была весьма неэффективной, и причиной тому послужила, как я узнал позже, полная неожиданность первого залпа, заставшего команды кораблей врасплох; кроме того, прицельные механизмы их орудий оказались не защищены от смертельной атаки наших воинов.

Казалось, что у каждого зеленого стрелка была своя конкретная цель, при относительно равных условиях. Например, самые меткие снайперы вели огонь по беспроводным наводящим и прицельным механизмам больших орудий на палубах кораблей, определенная часть сосредоточилась на более мелких пушках; кто-то метил в стрелков противника, кто-то – только в офицеров; некоторые подразделения выбрали мишенью членов вражеских команд на верхней палубе и на рулевых устройствах и винтах.

Через двадцать минут после первого залпа огромный флот развернулся, чтобы уйти в ту сторону, откуда появился. Несколько судов были заметно повреждены и, похоже, с трудом слушались руля, поскольку численность состава неприятеля поубавилась. Огонь с кораблей прекратился совершенно, и все усилия противника были подчинены одной цели: бегству. Наши воины ринулись на крыши зданий и проводили уходящую армаду непрерывающимся смертельным огнем.

Однако корабли вереницей скрылись за грядой холмов, и на виду осталось лишь одно с трудом передвигавшееся судно. На него пришелся основной удар. Оно, похоже, почти не поддавалось управлению, впрочем на его палубе вовсе никого не было видно. Корабль медленно отклонился от курса, снова разворачиваясь в нашу сторону самым жалким и бессмысленным образом. Воины тут же прекратили огонь, потому что стало ясно: этот корабль абсолютно бесполезен и не только не в состоянии причинить нам вред, но даже не способен ретироваться.

Когда вражеское судно приблизилось к городу, марсиане помчались по равнине навстречу ему, но оно находилось слишком высоко, чтобы кто-то мог забраться на палубу. Заняв удобный наблюдательный пост у окна, я видел на палубе тела убитых, но не мог разобрать, что это за существа, к какому они виду относятся. На корабле не замечалось признаков жизни, и он медленно дрейфовал, гонимый легким ветром в сторону юго-запада.

Судно плыло примерно в пятидесяти футах над землей, и за ним гнались все, кроме сотни воинов, которым было приказано вернуться на крыши, на случай если флот придет обратно или враг пришлет подкрепление. Вскоре стало понятно, что примерно в миле к югу от наших позиций корабль должен наткнуться на здание, и я, наблюдая за погоней, увидел, как марсианские всадники помчались вперед и спешили возле него.

Перед самым столкновением воины бросились на вражескую палубу из окон здания и с помощью огромных копий смягчили удар, а через несколько мгновений бросили абордажные крючья, и огромное судно было прижато к земле.

Привязав корабль, победители хлынули на него и обыскали от носа до кормы. Я заметил, как они осматривали мертвых матросов, явно ища признаки жизни, и вскоре несколько воинов появились из трюмного отсека, таща с собой какую-то маленькую фигурку. То существо было намного меньше зеленых марсиан, должно быть в половину их роста. Из окна я мог видеть, что идет оно прямо на двух ногах, и предположил, что это еще одно странное и уродливое порождение Марса, какого я до сих пор не встречал.

Воины спустили своего пленника на землю, а потом принялись методично грабить корабль. Эта операция заняла не один час, и потребовалось пригнать несколько повозок, чтобы погрузить добычу: оружие, амуницию, шелка, меха, драгоценности, странные каменные сосуды, некоторое количество съестных припасов и емкостей с напитками, включая фляги с водой, первые, которые я увидел с того момента, как очутился на Марсе.

Когда все до последней крошки было вынесено с корабля, воины привязали к нему канаты и повлекли судно в дальнюю часть долины, на юго-запад. Несколько марсиан забрались наверх и, как мне показалось издали, из оплетенных бутылей принялись поливать чем-то тела убитых матросов и всю палубу.

Закончив свое дело, они быстро спустились по веревкам. Последний из них обернулся и что-то бросил на палубу, после чего выждал с секунду. Когда прозрачный язык пламени взметнулся в небо, воин быстро отпрыгнул в сторону и поспешил вниз. Едва он коснулся ногами земли, как его товарищи одновременно отпустили веревки, и большое военное судно, освобожденное от груза, величественно поплыло в воздухе, превратившись в ревущий костер.

Корабль медленно дрейфовал на юго-восток, поднимаясь все выше и выше по мере того, как его деревянные части сгорали, а вес уменьшался. Я долго наблюдал за ним с крыши, пока наконец он не исчез вдали. Это зрелище вызывало самый благоговейный страх, какой только может возникнуть при виде могучего погребального костра, плывущего по воле ветров сквозь просторы марсианских небес; корабль без команды, обреченный на гибель и подвергшийся разрушению, как будто символизировал собой историю жизни странных и жестоких существ, в чьи враждебные руки бросила его судьба.

Чувствуя себя почему-то чрезвычайно подавленным, я медленно спустился на улицу. То, чему я стал свидетелем, как будто означало унижение и уничтожение неких родственных существ, а не победу зеленой орды над себе подобными. Я не понимал этого ощущения, но

не мог и избавиться от него; где-то в тайниках моей души зародилась непонятная тяга к тем неведомым врагам. Теперь я крепко надеялся, что флот вернется и отомстит зеленым воинам, столь безжалостно и беспричинно напавшим на него.

Следом за мной, как всегда, топал Вула, гончий пес; когда я вышел на улицу, ко мне стремительно подбежала Сола, словно давно и усердно меня искала. Процессия вернулась к площади, а возвращение домой было отложено; вообще-то, предполагалось, что лучше выждать целую неделю, из страха, что воздушные суда прилетят и нападут на зеленое племя.

Лорквас Птомел был слишком сообразительным и опытным воином, чтобы очутиться в ловушке на открытой равнине, с обозом и кучей детей, и потому мы остались в заброшенном городе, выжидая, пока не минует опасность.

Когда мы с Солой вышли на площадь, мои глаза узрели нечто такое, отчего все мое существо наполнилось отчаянной смесью надежды, страха, ликования и уныния, но надо всем преобладало еле уловимое ощущение облегчения и счастья; ведь когда мы приблизились к толпе зеленых марсиан, я мельком увидел захваченного на боевом корабле пленника, которого теперь грубо тащили к ближайшему зданию две зеленые марсианские женщины.

И взгляд мой упал не на что иное, как на стройную девичью фигуру, похожую на земных женщин из моей прошлой жизни. Она сначала меня не заметила, но прямо перед тем, как исчезнуть в дверях своей тюрьмы, обернулась – и ее глаза встретились с моими. У нее было овальное, невероятно прекрасное лицо с чеканными изысканными чертами и сверкающими глазами; его обрамляли завитки угольно-черных волос, свободно уложенных в странную пышную прическу. Кожа девушки слегка отливала медью, очаровательно оттеняя яркий румянец щек и великолепно очерченные губы рубинового оттенка.

Она была так же скудно одета, как и зеленые марсианки, сопровождавшие ее, то есть, кроме затейливых украшений, на ней ничего не было, и одежда не скрывала совершенства ее безупречной фигуры.

Прямо перед тем, как исчезнуть в дверях своей тюрьмы, она обернулась – и ее глаза встретились с моими.

Когда взгляд девушки остановился на мне, ее глаза расширились от изумления и она слегка шевельнула свободной рукой, сделав некий знак, которого я, конечно же, не понял.

Лишь одно мгновение мы смотрели друг на друга, а потом свет надежды и вновь вспыхнувшей отваги, озаривший ее лицо, угас, и вновь на нем возникло выражение крайнего уныния, смешанного с отвращением и презрением. Я понял, что не ответил на поданный ею сигнал, и, оставаясь в неведении относительно марсианских обычаев, все же интуитивно догадался: она взывала о помощи и защите, а мое невежество помешало мне дать ей надежду. А потом пленницу уволокли вглубь заброшенного строения, и я ее больше не видел.

IX

Я учу язык

Опомнившись наконец, я посмотрел на Солу, которая наблюдала за происходящим, и с удивлением заметил странное выражение на ее обычно непроницаемом лице. Я не знал, конечно, о чем она думала, потому что едва начал осваивать марсианский язык и выучил лишь то, что было необходимо для повседневных нужд.

Когда я подошел к дверям нашего дома, меня ожидал там странный сюрприз. Ко мне приблизился незнакомый воин, вооруженный, увешанный украшениями и всем, что полагалось по чину. Он обратился ко мне с невразумительными словами, и вид у него был одновременно уважительный и угрожающий.

Чуть позже Сола с помощью нескольких женщин подобрала небольшие по размеру браслеты и прочую амуницию, и, когда работа подошла к концу, меня принарядили как настоящего воина.

С этого момента Сола начала посвящать меня в тайны разных видов оружия, и я вместе с юными марсианами проводил каждый день по несколько часов, тренируясь на площади. Сперва мои успехи в боевом искусстве оставляли желать лучшего, но, поскольку я был знаком с подобными видами земного вооружения, мне удалось добиться необычайной ловкости в обращении с марсианским оружием, и я продвигался вперед весьма удовлетворительными темпами.

Учили меня и юных марсиан исключительно женщины, которые не только передавали молодежи опыт, касающийся личной обороны и нападения, но также занимались ремеслами. Именно они изготавливали все то, в чем нуждались зеленые марсиане, – порох, патроны, огнестрельное оружие; по сути, все ценное производилось именно женщинами. В военное время они создавали резервные части и, когда возникала необходимость, сражались даже с большим искусством и яростью, чем мужчины.

Представители же сильного пола осваивали высокие военные науки, изучали стратегию и маневрирование больших групп войск. Они издавали законы, когда это было необходимо, – новый закон по каждому непредвиденному случаю. Мужчины Марса не ограничивали себя прецедентами при отправлении правосудия. Обычаи сохранялись веками, но наказание за их несоблюдение определялось индивидуально, неким советом, состоявшим из равных преступнику по положению. Могу сказать, что у марсианской Фемиды редко случались осечки, и это казалось скорее исключением из правил. Здесь соблюдался приоритет закона над личными интересами. По крайней мере в одном отношении я назвал бы марсиан счастливыми: у них не было адвокатов.

В течение нескольких дней, последовавших за первой встречей, я не видел пленницу, а потом столкнулся с ней мимоходом, когда ее вели в большой приемный зал, где мне впервые довелось присутствовать на чествовании Лоркваса Птомела. Меня покорили резкость и жестокость стражей; их обращение с девушкой так контрастировало с почти материнской добротой Солы и почтительностью тех немногих марсиан, которые давали себе труд заметить меня.

Дважды я наблюдал, как пленница обменивалась фразами со своими конвоирами, и убедился, что они говорят на общем языке или, по крайней мере, могут понимать друг друга. Это послужило для меня новым стимулом, и я буквально осаждал Солу, желая ускорить свое образование, так что в короткий срок овладел марсианским языком вполне сносно для того, чтобы вести несложную беседу, и научился воспринимать речь со слуха.

К тому времени в нашей комнате вместе со мной, Солой, ее юным подопечным и гончей Вулой жили еще три или четыре женщины и парочка недавно вылупившихся юнцов. Перед

сном взрослые обычно болтали о том о сем, и теперь, когда мне было все понятно, я сделался весьма внимательным слушателем, хотя сам никогда в беседы не вступал и не делал замечаний.

На следующий вечер после того, как пленницу водили в зал приемов, разговор наконец-то коснулся ее, и я весь обратился в слух. Я боялся спросить Сола о прекрасной незнакомке и невольно снова и снова припоминал странное выражение, возникшее на лице моей попечительницы после той встречи. Трудно сказать, что оно означало, однако, основываясь на земных представлениях, я решил изображать безразличие к девушке, пока не выясню, как относится Сола к предмету моего внимания.

Саркойя, одна из старших женщин, что делили с нами спальню, сопровождала пленницу на той аудиенции.

– Когда наконец, – спросила у нее соседка, – мы насладимся смертной агонией краснокожей? Или наш джед Лорквас Птомел намерен придержать ее ради выкупа?

– Они решили взять ее с нами в Тарк и показать ее смерть на Больших играх перед Талом Хаджусом.

– О, и как же это будет? – поинтересовалась Сола. – Она такая маленькая и такая красивая; я надеялась, что за нее возьмут выкуп.

Саркойя и другие женщины гневно заворчали, видя проявление такой слабости со стороны Сола.

– Очень грустно, Сола, что ты не родилась миллион лет назад, – злобно произнесла Саркойя, – когда все низкие места затопляла вода, а народы были такими же мягкотелыми, как стихия, по которой они плавали. В наши дни развитие достигло такой степени, что подобные слова говорят о слабости и атавизме. Будет нехорошо, если Тарс Таркас узнает о твоих вырожденческих чувствах, и я сомневаюсь, что он снова доверится тебе, когда пойдет речь о такой серьезной миссии, как материнство.

– Не вижу ничего дурного в том, что проявила интерес к краснокожей женщине, – возразила Сола. – Она нам ничего плохого не сделала и вряд ли стала бы, если бы мы попались в ее руки. Мужчины из красного народа воюют с нами, но я всегда считала, что они попросту вынуждены отвечать на наши действия. Эти люди со всеми живут в мире и сражаются только из необходимости, а вот мы не можем ни с кем ужиться, постоянно враждуем и с соплеменниками, и с краснокожими и даже в собственных общинах вечно ссоримся друг с другом. Ох, да вокруг нас – сплошное кровопролитие, начиная с того момента, как мы выходим из яйца, и до того, как радостно бросаемся в таинственную реку Исс, темную и древнюю. Она несет нас в неведомое, но по крайней мере там не будет такого ужаса, как здесь! Воистину счастлив тот, кто рано встречает свою смерть. Говори Тарсу Таркасу что угодно, он все равно не сможет обречь меня на худшую судьбу, чем нынешнее кошмарное существование.

Этот яростный взрыв со стороны Сола так потряс остальных женщин, что они, пробормотав несколько общих слов неодобрения, погрузились в глубокое молчание и вскоре заснули. Однако сей эпизод дал мне понять: бедная пленница вызывает у моей опекунши расположение. Мне чрезвычайно повезло, что я попал именно в ее руки, а не на воспитание к другой женщине. Насколько я знал, Сола испытывает ко мне нежность, а теперь выяснилось, что она ненавидит жестокость и варварство. На нее в самом деле можно положиться. Надо попросить ее помочь мне и той девушке сбежать, если, конечно, у нас есть шанс.

Кто знает, переменит ли побег мою жизнь к лучшему? Тем не менее я готов был рискнуть, лишь бы оказаться среди себе подобных, уж больно отвратительны были кровожадные зеленые жители Марса. Правда, куда идти и каким образом передвигаться, я не представлял, точно так же как земляне не имели понятия, где находится источник вечной жизни, хотя искали его испокон веку.

Я обещал себе, что при первой же возможности доверюсь Соле и открыто попрошу ее помочь мне. Преисполнившись решимости, я закутался в шелка и шкуры и заснул без сновидений.

X

Победитель и вождь

На следующий день с самого раннего утра я пребывал в волнении. Мне предоставили большую свободу, но при одном условии: не покидать пределов города. В этом случае, пояснила Сола, я могу уходить и приходить когда захочу. Однако она предупредила, чтобы я не бродил без оружия, потому что здесь, как и в других заброшенных поселениях Марса, водились большие белые обезьяны, – с ними я столкнулся на второй день своих приключений.

К этим объяснениям Сола добавила, что Вула так или иначе пресечет попытки уйти из города, и настойчиво просила не пробуждать звериную натуру моего сторожа, слишком приближаясь к запретным территориям. По ее словам, характер у пса таков, что он доставит меня обратно в город живым или мертвым, если я буду настаивать на нарушении границ. «Причем скорее мертвым», – закончила Сола.

Этим утром я выбрал для прогулки новую улицу и вдруг обнаружил, что очутился у окраины города. Передо мной лежали низкие холмы, рассеченные узкими заманчивыми ущельями. Мне отчаянно хотелось исследовать земли, раскинувшиеся передо мной, и, подобно моим предшественникам-первооткрывателям, узнать, что лежит за вершинами холмов, закрывавших от меня вид.

Мне также пришло в голову, что это блестящая возможность испытать Вулу. Я был убежден в том, что зверь меня любит; много раз я наблюдал в нем такие проявления привязанности, каких не видел в других существах Марса, хоть в людях, хоть в животных. Как мне верилось, благодарность за то, что я дважды спас ему жизнь, перевесит его преданность долгу, возложенному на него жестокими и бесчувственными хозяевами.

Пока я приближался к границе, Вула встревоженно бежал рядом со мной, то и дело толкаясь всем телом о мои ноги. Выражение его морды было скорее умоляющим, чем яростным, и он вовсе не скалил свои огромные клыки в пугающем предупреждении. Лишенный человеческой дружбы, я завоевал изрядную привязанность Вулы и Сола и сам привязался к ним, потому что любой нормальный человек должен найти выход своим естественным чувствам. Оттого я и предполагал в этом здоровенном звере сходные потребности и был уверен, что не разочаруюсь в нем.

Я ни разу не ласкал Вулу, но теперь сел на землю и, обняв его за толстую шею, принялся его гладить и почесывать, говоря с ним на недавно освоенном марсианском языке, как говорил бы дома с собакой или с любимым из питомцев. Его отклик на мое проявление нежности оказался просто невероятным; Вула растянул губы во всю ширину, выставив напоказ весь верхний ряд клыков, и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается колли, то можете отчасти представить себе выражение морды Вулы.

Он опрокинулся на спину у моих ног, потом подпрыгнул и навалился на меня всем своим огромным весом, уронив меня на землю, потом стал скакать вокруг, как игривый щенок, который подставляет шерстку под ладонь и ждет ласки. Я не мог устоять перед комичной нелепостью этой сцены и, схватившись за бока, раскачивался взад-вперед от хохота, впервые за много дней одолевшего меня; собственно, я смеялся впервые с того самого утра, когда Пауэлл покидал наш лагерь: его лошадь неожиданно взбрыкнула, и он упал головой в горшок с фасолью.

Мой смех напугал Вулу, он перестал прыгать и с жалобным видом подполз ко мне, чтобы ткнуться уродливой головой в мои колени, и тут я вспомнил, что смех на Марсе означает пытку, страдания, смерть. Успокоившись, я погладил беднягу по голове и спине, поговорил с ним несколько минут, а потом уже хозяйским тоном велел идти за мной и встал, чтобы направиться к холмам.

Больше между нами не возникало вопроса о взаимоотношениях; Вула с того самого момента превратился в моего преданного раба, а я стал его единственным хозяином, чье слово было непререкаемо. Дорога заняла всего несколько минут, и я не нашел там ничего особенно интересного, такого, что меня бы вознаградило. В лощинах пышно цвели очень яркие и странные дикие цветы, а с первой же вершины открывался вид на гряды холмов. Они тянулись к северу, становясь все выше, и сливались с горами на довольно почтительном расстоянии. Позднее я узнал, что лишь немногие вершины на Марсе достигают четырех тысяч футов, – мое представление об их высоте оказалось относительным.

Моя утренняя прогулка имела весьма важные последствия: я добился абсолютного взаимопонимания с Вулой, на которого Тарс Таркас возложил ответственность за мою охрану. Теоретически я по-прежнему оставался пленником, но фактически был свободен – и поспешил вернуться в город, пока отступничество Вулы не обнаружили его бывшие владельцы. После этого приключения я решил больше не выходить за обозначенные границы, пока не буду окончательно готов отправиться в неведомое, ведь если меня поймают, я потеряю былую свободу и, возможно, Вулу – пса вполне могли убить.

По возвращении на площадь я в третий раз увидел девушку-пленницу. Она стояла рядом со своими охранниками перед входом в зал приемов, а когда я приблизился, бросила на меня надменный взгляд и повернулась ко мне спиной. Это был такой женский, такой земной жест! Хотя он задел мою гордость, мое сердце наполнилось чувством товарищества; так радостно было сознавать, что кому-то еще на Марсе присущи чисто человеческие порывы, принятые в цивилизованном обществе, пусть даже их проявление столь болезненно и обидно для меня.

Если бы зеленая марсианская женщина вздумала показать неприязнь или презрение, она, скорее всего, сделала бы это при помощи меча или спустив курок, но поскольку чувства марсиан в основном атрофировались, то потребовалось бы весьма серьезное оскорбление, чтобы пробудить в ней такую страсть. Сола, позвольте заметить, была неким исключением; я никогда не видел, чтобы она совершала жестокие или грубые поступки, перестала проявлять доброту и великодушие. Она и в самом деле была своеобразным «атавизмом», как говорили о ней ее подруги-марсианки, таким желанным и драгоценным приветом из прошлого, тенью любимых и любящих предков.

Пленница как будто оказалась в центре всеобщего внимания, и я остановился, чтобы посмотреть, что будет дальше. Мне не пришлось ждать долго – вскоре к зданию подошел Лорквас Птомел со своей свитой и, дав стражам знак следовать за ним вместе с девушкой, направился в зал приемов. Сообразив, что теперь у меня есть особые права, я решил рискнуть.

К тому же воины вряд ли догадывались о моем знании марсианского языка, поскольку я умолял Солу держать в тайне мои успехи, объясняя это нежеланием говорить с другими до тех пор, пока хорошо не освою все тонкости речи. Итак, я попытался войти в зал и послушать, о чем там будут говорить.

Советники сели на корточки на ступенях вокруг помоста, а внизу перед ними стояли пленница и две ее охранницы, в том числе Саркойя. Мне стало ясно, что она присутствовала при допросах накануне, почему и смогла вечером рассказать обо всем соседкам по спальне. Ее отношение к пленнице было чрезвычайно грубым и жестоким. Когда она держала девушку, то вдавливала свои недоразвитые ногти в ее тело или же выворачивала ей руку самым болезненным образом. Когда приказывали перейти с одного места на другое, Саркойя или резко дергала пленницу, или с силой толкала ее вперед. Она как будто выплескивала на это беззащитное создание всю ту ненависть, жестокость, ярость и злобу, что накопились за девять сотен лет ее жизни и питались свирепостью и беспощадностью неисчислимых поколений предков.

Вторая охранница была не так груба, потому что ею владело полное безразличие к происходящему; если бы несчастная оказалась только в ее власти, да еще и ночью, она не подвергалась бы мучениям, на нее просто перестали бы обращать внимание.

Когда Лорквас Птомел поднял голову, чтобы обратиться к пленнице, его взгляд упал на меня. Вождь тут же повернулся к Тарсу Таркасу и что-то сказал с жестом нетерпения. Тарс Таркас ответил, я не расслышал его слов, однако они заставили Лоркваса Птомела улыбнуться; после этого марсиане больше не обращали на меня внимания.

– Как тебя зовут? – спросил Лорквас Птомел у девушки.

– Дея Торис, дочь Морса Каяка из Гелиума.

– Какова была цель твоей экспедиции? – продолжил Лорквас Птомел.

– Это была чисто научная, исследовательская группа, и отправил нас отец моего отца, джеддак Гелиума, чтобы мы заново нанесли на карты воздушные течения и провели анализы плотности атмосферы, – ответила прекрасная пленница низким, хорошо поставленным голосом. – Мы не собирались сражаться, – добавила она, – наша миссия была мирной, о чем говорили и наши знамена, и цвет наших кораблей. Работа, которую мы выполняем, приносит пользу вам, так же как и нам, ведь вы отлично знаете: если бы не наш труд и не плоды наших научных разработок, здесь не осталось бы воздуха и воды даже для одной-единственной человеческой жизни. Мы веками поддерживаем запасы воздуха и воды на том же уровне, без ощутимых потерь, и всегда делали это, невзирая на грубое и невежественное вмешательство зеленого народа. Почему, ну почему вы не научитесь жить в согласии с другими? Вы же веками стремитесь к самоуничтожению, почти не поднимаясь над бессловесными существами, что служат вам! Народ без письменного языка, без искусства, без домов, без любви – вы просто жертва бесчисленных эонов властвования ужасной идеи коммуны. Владея сообщая всем, даже женщинами и детьми, вы в результате не имеете ничего. Вы ненавидите друг друга, как и всех вокруг, кроме самих себя. Вернитесь на дорогу наших общих предков, вернитесь к свету доброты и дружбы! Этот путь открыт для вас, и вы всегда найдете руки красных людей, протянутые к вам для помощи. Вместе мы можем сделать гораздо больше для восстановления нашей умирающей планеты. Внучка величайшего и самого могущественного красного джеддака просит вас об этом. Вы согласны?

Лорквас Птомел и его воины сидели молча, пристально глядя на молодую женщину еще несколько мгновений после того, как она умолкла. Что происходило в их умах, никому не ведомо, но я искренне уверен: их задела речь девушки, и если бы стоявший у власти человек оказался достаточно силен, чтобы подняться над нравами, этот момент мог бы стать началом новой прекрасной эры на Марсе.

Вот Тарс Таркас встал для ответного слова, и на его лице было такое выражение, какого я никогда не видел на лицах зеленых воинов. Оно говорило о сильной внутренней борьбе с

самим собой, с наследием, с вековыми обычаями, и, когда Тарс Таркас открыл рот, его злобные и отталкивающие черты на короткое время будто озарились светом доброты и благородства.

Но слова, готовые сорваться с его губ, так и не были произнесены, потому что какой-то молодой воин, явно ощутив рассеянность мыслей старших, внезапно спрыгнул со ступени помоста и с силой ударил хрупкую пленницу по лицу. Та упала на пол, а он поставил ногу на ее распростертое тело и, обернувшись к совету, разразился чудовищным, безжалостным смехом.

На секунду мне показалось, что Тарс Таркас сейчас убьет его, но в следующую секунду старшие воины опомнились и улыбнулись. Однако то, что они не засмеялись вслух, говорило о многом, хотя подобная жестокая выходка должна была вызвать громовой хохот с точки зрения марсианского юмора.

Должен заметить: описание этого удара вовсе не значит, что я оставался бездеятельным столь долгое время. Я, должно быть, почувствовал назревание конфликта, потому что вдруг пригнулся, как для прыжка, еле осознав свое движение, и, прежде чем увидел кулак, устремившийся к прекрасному умоляющему лицу, оказался на середине зала.

Молодой воин едва успел рассмеяться, как я уже очутился рядом. Дикарь был ростом в двенадцать футов и вооружен до зубов, но я уверен, что мог бы раскидать целую толпу в приступе безудержного гнева. Подпрыгнув, я издал предупреждающий крик и, как только марсианин обернулся, изо всех сил ударил его в лицо, а когда он выхватил меч, снова подскочил и одной ногой оперся о висевший на его поясе пистолет. Затем, вцепившись левой рукой в огромный клык воина, правой принялся колотить его в грудь.

Подпрыгнув, я издал предупреждающий крик и, как только марсианин обернулся, изо всех сил ударил его в лицо.

Он не мог воспользоваться своим коротким мечом, потому что я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и попытался это сделать вопреки местному обычаю, согласно которому в поединке нельзя применять оружие, какого нет у противника. По сути, марсианину оставалось лишь яростно вертеться в бесплодных попытках сбросить врага. При огромных

размерах тела зеленый воин вряд ли был сильнее меня, и понадобилась всего пара мгновений, чтобы он, окровавленный и бесчувственный, опустился на пол.

Дея Торис приподнялась на локте и наблюдала за схваткой расширенными изумленными глазами. Утвердившись на ногах, я подхватил ее и отнес к одной из скамей, что стояли у стен зала.

И снова никто из марсиан не помешал мне, так что я, оторвав полосу от своего шелкового плаща, попытался остановить кровь, лившуюся из носа пленницы. Вскоре мне это удалось, и оказалось, что, кроме кровотечения из носа, никаких особых повреждений девушка не получила. Когда Дея наконец смогла говорить, она положила ладонь на мою руку и, заглянув мне в глаза, сказала:

– Почему ты это сделал? Ты, который отказался даже дружески кивнуть мне в первый час моего плена? А теперь рискнул жизнью и ради меня убил одного из своих товарищей. Я не понимаю... Как странно, ты живешь среди зеленого народа, хотя у тебя тело как у людей моей расы, вот только цвет кожи другой, чуть темнее, чем у белых обезьян... Скажи, ты человек или ты больше, чем человек?

– Моя история поразительна, – ответил я, – однако она слишком длинная, чтобы рассказывать ее прямо сейчас. Более того, я сам в ней сомневаюсь и очень боюсь, что другие мне не поверят. Пока удовлетворишься этим и учти, что в данный момент я тебе друг, а если наши захватчики позволят, то еще и твой защитник, и твой слуга.

– Так ты тоже пленник? Но тогда почему у тебя оружие и знаки вождей Тарка? Как тебя зовут? Из какой ты страны?

– Да, Дея Торис, я тоже пленник, а зовут меня Джон Картер, и я из Виргинии, одного из американских восточных штатов, там мой дом; но почему мне разрешили носить оружие, я и сам не знаю, к тому же понятия не имел, что эти украшения принадлежат вождю.

Тут нас прервал подошедший воин, он держал в руках оружие, личное снаряжение и украшения, и я сразу же получил ответ на один из вопросов девушки – все части головоломки встали на свои места. Я увидел, что с тела моего противника все сняли, и во взгляде того, кто принес мне эти трофеи, прочел угрозу и уважение. То же самое произошло, когда я впервые надел марсианские знаки различия, и только сейчас мне стало ясно, что причиной тому явились мой удар, моя первая битва в приемном зале и смерть моего врага.

Да, теперь было понятно отношение марсиан к моей персоне. Я, так сказать, завоевал свои шпоры, и мне, согласно примитивному правосудию, чем всегда руководствовался зеленый народ (и что, среди прочего, побудило меня назвать Марс планетой парадоксов), были оказаны почести как победителю – вещи убитого и его статус перешли ко мне, то есть я стал одним из вождей. Именно поэтому мне впоследствии предоставили достаточно большую свободу и даже позволили находиться в зале приемов.

Я повернулся, чтобы принять амуницию поверженного воина, и заметил, что Тарс Таркас и еще несколько зеленых марсиан двинулись к нам. Взгляд Тарса Таркаса был насмешлив. Наконец он обратился ко мне:

– Ты говоришь на языке барсумиан слишком хорошо для того, кто всего несколько дней назад был глух и нем для нас. Где это ты научился, Джон Картер?

– Ты сам тому причиной, Тарс Таркас, – ответил я, – потому что дал мне наставницу, которая обладает выдающимися способностями; я должен поблагодарить за науку Солу.

– Она хорошо потрудилась, – кивнул Тарс Таркас, – но твое образование во всех других отношениях нуждается в шлифовке. Знаешь, чего бы стоила тебе твоя беспримерная опрометчивость, если бы ты не убил тех двух вождей, чьи регалии теперь носишь?

– Предполагаю, что тот, кого я не смог бы победить, расправился бы со мной, – с улыбкой ответил я.

– Нет, ты ошибаешься. Только в случае крайней необходимости, при самозащите, воин может убить пленника; нам хочется приберечь пленных для других целей, – сказал он, и на его лице отразились такие перспективы, о которых лучше было не думать. – Но кое-что может спасти тебя, – продолжил Тарс. – Если, учитывая твою доблесть, ярость и отвагу, Тал Хаджус сочтет тебя достойным служить ему, ты будешь принят в общину и станешь полноправным таркианином. Лорквас Птомел велит, чтобы к тебе проявляли заслуженное уважение, пока мы не добрались до главного жилища Тала Хаджуса. К тебе будут относиться как к вождю таркиан, но не забывай, что каждый равный тебе по положению отвечает за то, чтобы тебя благополучно доставили к нашему самому могучему и свирепому правителю. Я все сказал.

– Я тебя услышал, Тарс Таркас, – ответил я. – Как тебе известно, я не с планеты Барсум; ваши пути чужды мне, и в будущем я могу действовать только так, как привык раньше, в соответствии с тем, что мне диктует моя совесть, и по правилам моего народа. Если меня оставят в покое, я буду вести себя мирно, в противном случае пусть те барсумиане, с которыми мне придется иметь дело, уважают мои права иноземца, иначе поплатятся сполна. Но прежде всего, каковы бы ни были твои намерения относительно этой несчастной молодой женщины, давай договоримся: кто бы ни попытался в будущем нанести ей вред или оскорбление, ему сперва придется иметь дело со мной. Я понимаю, что вы не цените щедрость и доброту, но мне они дороги, и я могу убедить даже самого отважного воина в том, что эти качества совсем не ослабляют способности сражаться.

Обычно я не произносил столь длинных и напыщенных речей, но предположил, что таким образом задену чувствительную струну в груди у зеленых марсиан, и нельзя сказать, чтобы я ошибся. Моя речь явно глубоко задела их, и отношение ко мне в результате стало еще более уважительным.

Тарсу Таркасу, похоже, понравился мой ответ, но его слова прозвучали загадочно:

– А я думаю, что знаю Тала Хаджуса, джеддака Тарка.

После этого я повернулся к Дее Торис и помог ей подняться на ноги, а затем направился вместе с девушкой к выходу, не обращая внимания ни на топтавшихся рядом гарпий-охранниц, ни на вопросительные взгляды вождей. Разве я не был теперь таким же вождем? Ну, значит, я могу принять на себя ответственность. Они не стали к нам цепляться, так что Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, джентльмен из Виргинии, сопровождаемые верным Вулой, в полной тишине вышли из приемного зала Лоркваса Птомела, джеда таркиан Барсума.

XI

Дея Торис

Когда мы вышли наружу, две стражницы, которым было поручено присматривать за Деей Торис, поспешили за нами, как будто снова собирались ее конвоировать. Бедная девочка прижалась ко мне, и я почувствовал, как ее маленькие ладошки крепко стиснули мою руку. Жестом отогнав охранниц, я сообщил им, что теперь за пленницей будет приглядывать Сола, а Саркойю предупредил: ее ожидает внезапная и мучительная смерть, если она снова посмеет жестоко обращаться с Деей Торис.

Моя угроза была весьма некстати и причинила девушке больше вреда, чем пользы, потому что, как я узнал позже, мужчины на Марсе не могли убивать женщин, а женщины – мужчин. Так что Саркойя просто злобно посмотрела на нас и отправилась строить козни против меня.

Вскоре я нашел Солу и объяснил ей, что она должна опекать Дею Торис, так же как в свое время меня, и попросил найти другое жилье, где к ним не приставала бы Саркойя. А сам я собирался поселиться вместе с мужчинами.

Сола посмотрела на предметы снаряжения, которые я нес в руках и на плече.

– Ты теперь великий вождь, Джон Картер, – сказала она, – и следует выполнять твои приказы, хотя на самом деле я рада это делать при нынешних обстоятельствах. Тот мужчина, чьи знаки различия ты несешь, был молод, но он считался великим воином и благодаря своему искусству достиг места рядом с Тарсом Таркасом, который, как ты знаешь, второй после самого Лоркваса Птомела. Ты – одиннадцатый, и лишь десять вождей в этой общине превосходят тебя доблестью.

– А если я убью Лоркваса Птомела? – спросил я.

– Ты стал бы тогда первым, Джон Картер, но добиться такой чести – сражаться с Лорквасом Птомелом – можно лишь по воле совета. Впрочем, если он нападет на тебя и ты убьешь его при защите, первое место также будет за тобой.

Я засмеялся и сменил тему. У меня не было особого желания убивать Лоркваса Птомела, а еще меньше мне хотелось быть джедом таркиан.

Вместе с Солой и Деей Торис я отправился на поиски нового жилья, и мы нашли его в здании поблизости от зала приемов, в строении куда более вычурной архитектуры, чем наше прежнее обиталище. Мы также обнаружили в этом доме настоящие спальные палаты с древними кроватями, кованными, очень красивыми, — они свисали на гигантских цепях с мраморных потолков. Росписи стен поражали чрезвычайной сложностью — в отличие от фресок в других зданиях, которые я осматривал, здесь в композиции было включено множество человеческих фигур. Я увидел людей, похожих на меня самого, с куда более светлой, чем у Деи Торис, кожей. На них были изящные развевающиеся наряды, густо украшенные металлом и драгоценными камнями, а их пышные волосы отливали золотом или красноватой бронзой. Мужчины не носили бороду, оружие держали лишь немногие. Картины запечатлели этих светлогокожих и светловолосых патрициев по большей части за развлечениями.

Дея Торис в восторге хлопнула в ладоши при виде этих великолепных произведений искусства, созданных давно исчезнувшим народом, а вот Сола как будто их и не заметила.

Мы выбрали для Деи Торис и Сола эту комнату на втором этаже, окнами на площадь; вторую же, примыкавшую к первой, и еще одно помещение, сзади, решили использовать для приготовления пищи и хранения запасов. Потом я отправил Солу за постельными принадлежностями и кухонной утварью, которая могла понадобиться, пообещав, что буду охранять Дею Торис до ее возвращения.

Как только Сола ушла, Дея Торис повернулась ко мне со слабой улыбкой:

— Ну и куда бы могла побежать твоя пленница, если бы ты ее оставил, разве что следом за тобой, с мольбой о защите? И просила бы у тебя прощения за дурные мысли, которым предавалась на твой счет в последние несколько дней.

— Ты права, — ответил я, — нам обоим бежать некуда, разве что мы пустимся в бега вместе.

— Я слышала, как ты говорил с тем, кого называют Тарсом Таркасом, и думаю, что мне ясно твое положение в зеленой орде, но чего я не могу понять, так это твоего утверждения, что ты не барсумианин. Во имя моего первого предка, — продолжила она, — откуда же ты? Ты похож на нас и в то же время не похож. Ты говоришь на моем языке, но я слышала, как ты объяснял Тарсу Таркасу, что лишь недавно его выучил. Все барсумиане говорят на одном и

том же языке, от ледяного юга до ледяного севера, хотя их письменность различается. И только в долине Дор, где река Исс исчезает в затерянном море Корус, как будто звучит иная речь, но, если не считать легенд наших предков, нет никаких сведений о том, чтобы кто-нибудь из барсумиан возвращался из тех мест. И не говори мне, что ты вернулся оттуда! Если бы это оказалось правдой, они бы убили тебя самым ужасным образом; скажи, что это не так!

Ее глаза наполнились странным, таинственным светом, голос звучал умоляюще, а маленькие руки протянулись к моей груди и нажали на нее так, словно пытались выдавить отрицание из самого моего сердца.

– Мне незнакомы ваши обычаи, Дея Торис, но в моей родной Виргинии джентльмен не лжет ради собственного спасения. Я не из Дора, я никогда не видел вашу мистическую реку Исс; и затерянное море Корус все так же затеряно, насколько я могу понять. Ты мне веришь?

И вдруг меня поразила мысль о том, что я очень тревожился, желая, чтобы она мне поверила. Нет, я вовсе не боялся последствий ее убежденности в том, что я прибыл с басурмианских небес, или из их ада, или откуда-то еще. Но почему же? Отчего я беспокоился о том, что она подумает? Я посмотрел на девушку сверху вниз; ее прекрасное лицо было обращено ко мне, ее изумительные глаза открывали самые глубины ее души; и, когда мой взгляд встретился с ее взглядом, я все понял... и содрогнулся.

Похоже, и ее душу всколыхнула такая же волна чувств; девушка со вздохом отшатнулась от меня и, снова заглянув мне в глаза, прошептала:

– Я верю тебе, Джон Картер, хотя не знаю, что такое джентльмен, и никогда не слыхала о Виргинии, но на Барсуме мужчины не лгут; если они не хотят говорить правду, они просто молчат. А где же эта Виргиния, твоя родина, Джон Картер? – спросила она, и мне показалось, что мое простое имя никогда не звучало прекраснее, чем в этих безупречных устах тем давно минувшим днем.

– Я из другого мира, – пояснил я, – с великой планеты Земля, которая вращается вокруг нашего общего Солнца на соседней орбите с Барсумом – мы называем его Марсом. Как я сюда попал, не могу тебе объяснить, поскольку сам не понимаю; но теперь я здесь, и раз уж мое присутствие дает мне возможность служить Дее Торис, я этому рад.

Она пристально посмотрела на меня, и в ее взгляде читался вопрос. Что в мое заявление трудно поверить, я и сам прекрасно знал и не слишком надеялся, что девушка сочтет мои слова правдой, как бы сильно мне ни хотелось завоевать ее доверие и уважение. Я, наверное, не обязан был рассказывать ей о своем прошлом, но ни один мужчина не смог бы заглянуть в глубину этих глаз – и отказать ей в любой просьбе.

Наконец Дея Торис улыбнулась и сказала:

– Я тебе поверю, хотя и не могу этого понять. Я готова признать, что ты не из нынешних барсумиан; ты похож на нас, да, и все же отличаешься... но зачем мне ломать мою несчастную голову над таким парадоксом, когда сердце говорит: я тебе верю потому, что хочу верить!

Это была отличная логика, отличная земная женская логика, и если девушку это устраивало, я уж точно не собирался ее разубеждать. И в действительности, пожалуй, Дея выбрала единственный вариант логики, с помощью которого можно было примириться с моей проблемой. Потом мы говорили о разном, расспрашивая друг друга о том о сем. Дею Торис интересовали обычаи моего народа, и она обнаружила поразительные знания событий, происшедших на Земле. Когда же я поинтересовался, откуда ей известны столь далекие предметы, она рассмеялась и воскликнула:

– Да что ты! Каждый школьник на Барсуме имеет четкое представление о географии, а также о флоре и фауне твоей планеты, знает и ее историю – так же хорошо, как свою собственную. Разве мы не можем наблюдать за происходящим на Земле, как ты ее называешь, разве она не висит в небе у всех на виду?

Это меня ошеломило, должен признать, не меньше, чем ее смутили мои заявления; я ей так и сказал. Тогда Дея Торис в общих чертах пояснила: ее народ использовал и в течение многих веков совершенствовал устройства, которые позволяют передавать на экран безупречное изображение реальности. Таким образом, барсумиане могут наблюдать, что происходит на нашей планете и на многих звездах. Эти изображения столь подробны и отчетливы, что, когда их печатают в виде фотографий и увеличивают масштаб, можно без труда рассмотреть предметы не крупнее травинки. Позже, в Гелиуме, я видел много таких снимков, а также инструменты, с помощью которых они были получены.

– Раз вы тут хорошо знакомы с земными порядками, – спросил я, – почему же ты не признала во мне обитателя той планеты?

Дея Торис снова улыбнулась, как улыбаются любопытному ребенку.

– Потому, Джон Картер, – ответила она, – что почти каждая планета или звезда, имеющая сходные атмосферные условия с Барсумом, порождает идентичные формы жизни; более того, земные люди, почти без исключения, закрывают свои тела странными непроницаемыми кусками ткани и прячут голову под хитроумными приспособлениями, смысл которых мы не смогли понять; а ты, когда тебя нашли воины Тарка, был совершенно ничем не прикрыт и не украшен. Конечно, факт отсутствия украшений и есть серьезное доказательство того, что ты родился не на Барсуме, но вот отсутствие бесформенных покровов вызывает сомнение в твоей земной природе.

Тогда я рассказал Дее во всех подробностях о своем отбытии с Земли, объяснив: мое тело, с ног до головы облаченное во все то, что кажется марсианке нелепым, осталось на родной планете. В этот момент вернулась Сола, неся наши скудные пожитки, и привела своего юного воспитанника, который, конечно же, должен был делить жилище с женщинами.

Сола спросила, приходил ли кто-нибудь в ее отсутствие, и, похоже, весьма удивилась, услышав отрицательный ответ. Дело в том, что, когда она поднималась в наше новое жилье, ей встретилась спускавшаяся по лестнице Саркойя. Мы решили, что та, скорее всего, подслушивала, но махнули на это рукой, поскольку ничего важного вроде бы не говорилось. Разве что пообещали друг другу в будущем быть как можно осторожнее.

Потом мы с Деей Торис принялись изучать архитектуру и отделку прекрасных помещений нашего дома. Она объяснила, что создатели этой цивилизации, предположительно, процветали на Марсе более ста тысяч лет назад. Это были прародители ее расы, позже они смешались с другим древним народом, имевшим темную, почти черную кожу, и с желтолицым племенем, которое жило на планете в то же время.

Три великие ветви высших марсиан были вынуждены вступить в союз, потому что пересыхание морей заставило их искать сравнительно редкие и постоянно уменьшавшиеся плодородные области и защищаться, при новых условиях жизни, от диких орд зеленых людей.

Долгие века близкого соседства и перекрестных браков и породили расу краснокожих, прекрасной дочерью которой была Дея Торис. За длительный период трудностей, постоянных схваток между разными народностями и зелеными племенами, попыток приспособиться к изменившимся условиям на планете множество достижений цивилизации и произведений искусства, созданных светловолосыми марсианами, были утрачены. Но при нынешнем своем развитии красная раса ощутила необходимость заново открыть все то, что было безвозвратно похоронено вместе с древними барсумианами под покровом бесчисленных веков.

Древние марсиане были просвещенными, благородными и добрыми людьми, сведущими в литературе, однако во времена невзгод все архивы, записи, памятники письменности пропали. Дея Торис сказала, что город, в который мы пришли, некогда являлся центром торговли и культуры и назывался Корад. Его построили в окружении величественных вершин на берегу прекрасного залива. Сегодня от этой гавани, как объяснила Дея Торис, осталась маленькая долина к западу от города, а проход между невысокими холмами шел по старому дну моря –

некогда там был искусственно созданный канал, по которому к городским воротам подходили корабли.

Берега древних морей густо застраивались большими и малыми городами, их число было велико, и все они тяготели к океанам, а со временем передвигались вместе с уходившей водой – люди были вынуждены делать это ради собственного спасения. Вот почему возникли так называемые марсианские каналы.

Мы так увлеклись осмотром здания и нашим разговором, что опомнились, когда прошло уже больше половины дня. К реальности нас вернул посланец, доставивший сообщение от Лоркваса Птомела. Вождь повелевал мне тотчас явиться к нему. Попрощавшись с Деей Торис и Солой и приказав Вуле охранять их, я поспешил в зал приемов, где и обнаружил Лоркваса Птомела и Тарса Таркаса, сидевших на возвышении.

XII

Могучий пленник

Когда я вошел и приветствовал их, Лорквас Птомел знаком приказал мне приблизиться и, уставившись на меня огромными страшными глазами, обратился ко мне так:

– Ты пробыл с нами всего несколько дней и за это время благодаря своей отваге сумел подняться высоко. Но, как бы то ни было, ты не один из нас и не обязан быть преданным. У тебя особое положение, – продолжил он. – Ты пленник, и все же отдаешь приказы, которые следует выполнять; ты пришелец, и все же таркианский вождь; ты карлик, и все же убил могучего воина одним ударом кулака. А теперь мне доносят, будто ты строишь планы побега с другой пленницей чужой расы – девушкой, которая, по ее собственному признанию, наполовину верит, что ты вернулся из долины Дор. Даже одного из этих обвинений, будь оно доказано, окажется достаточно для твоей казни, но мы ведь обычные люди, поэтому следствие пройдет в Тарке, если так повелит Тал Хаджус. Однако, – говорил он дальше злобным гортанным голосом, – если ты сбежишь вместе с красной девчонкой, то отчитываться перед Талом Хаджусом буду я; именно мне придется предстать перед ним, и тогда либо моя правота будет доказана, либо знаки различия с моего мертвого тела отдадут более успешному воину, потому что таковы обычаи Тарка. Я никогда не ссорился с Тарсом Таркасом; вместе мы управляем самой большой из общин зеленых людей, и нам совсем не хочется сражаться друг с другом. Так что, если бы ты умер, Джон Картер, я бы только порадовался. Однако ты можешь быть убит нами без приказа Тала Хаджуса всего в двух случаях: в личной схватке при самозащите, если ты вдруг нападешь на кого-то из нас, или же при попытке к бегству. Ради справедливости я должен тебя предупредить: лишь при одном из этих условий мы сможем взять на себя эту огромную ответственность. Доставить красную девушку к Талу Хаджусу – дело величайшей важности. За тысячу лет Тарку ни разу не доставалась такая пленница: она ведь внучка величайшего краснокожего джеддака, который также является нашим величайшим врагом. Я все сказал. Красная девушка заявила, что нам чужды человеческие чувства, но мы просто искренняя, правдивая раса. Можешь идти.

Повернувшись, я покинул зал приемов. Значит, Саркойя начала нас преследовать! Я знал: донос, столь быстро достигший ушей Лоркваса Птомела, – ее рук дело. Мне припомнился разговор с Деей, мы действительно касались темы бегства и моего происхождения.

Саркойя в то время была самой старшей и самой приближенной из женщин в окружении Тарса Таркаса. И в этой роли она обладала огромной властью за троном, потому что ни один из воинов не пользовался таким доверием Лоркваса Птомела, как его лейтенант Тарс Таркас.

После встречи с вождем, вместо того чтобы выбросить побег из головы, я с новой силой предавался размышлениям на эту тему. И теперь во мне окрепла уверенность: бежать необходимо, в особенности это касается Деи Торис, поскольку очевидно, что в главной резиденции Тала Хаджуса ее ждет ужасная судьба.

Как рассказывала Сола, это чудовище было воистину олицетворением зла; вековая злоба, жестокость и зверство сгустились в нем до предела. Холодный, коварный, расчетливый, он был, в отличие от большинства его соплеменников, рабом звериной страсти к размножению, которая на их умирающей планете почти остыла в других марсианах.

Три мысли о том, что божественная Дея Торис может очутиться в когтях этого первобытного животного, я покрылся холодным потом. И мне подумалось, что будет куда лучше, если мы на крайний случай прибережем по последней пуле друг для друга, подобно храбрым женщинам в пограничных районах моей утраченной родины. Они были готовы расстаться с жизнью, лишь бы не попасть в руки индейцев.

Я брел по площади, погружившись в мрачные размышления, и тут ко мне подошел Тарс Таркас, следом за мной покинувший приемный зал. Видимо, его отношение ко мне не изме-

нилось, и он обратился ко мне так, словно мы обычным образом разошлись несколько минут назад.

– Где ты живешь, Джон Картер? – спросил он.

– Я ничего пока не выбрал, – ответил я. – Похоже, будет лучше поселиться либо отдельно, либо с другими воинами, и я как раз ждал возможности попросить у тебя совета. Как тебе известно, – улыбнулся я, – мне знакомы не все обычаи фаркиан.

– Идем со мной, – приказал он, и мы вместе направились через площадь к зданию, которое, как я с радостью увидел, примыкало к дому Сола и ее подопечных.

– Мое жилье – на первом этаже, – сообщил Тарс Таркас, – а второй целиком занимают мои воины, зато на третьем этаже и выше все свободно; ты можешь устроиться там. Я понимаю, – продолжил он, – что ты отослал Солу к краснокожей пленнице. Согласен, ведь ты говорил, что идешь своим путем, а тому, кто умеет хорошо сражаться, дозволяется многое. Если тебе вздумалось отдать свою служанку дочери джеджака, это твое личное дело, но при твоём положении полагается иметь прислугу, и в соответствии с нашими обычаями ты можешь выбрать любую женщину из свиты вождей, чьи знаки теперь носишь.

Я поблагодарил его, но заверил, что вполне могу обойтись и без помощниц, разве что еду готовить некому, и Тарс пообещал прислать ко мне стряпух. Кроме того, добавил он, эти женщины будут заботиться о моем оружии и украшениях, что совершенно необходимо. Тогда я сказал, чтобы они принесли шелка и шкуры из моих трофеев, поскольку в холодные марсианские ночи мне нечем будет укрываться.

Тарс Таркас пообещал распорядиться на этот счет и ушел. Оставшись один, я поднялся по наклонному коридору на верхние этажи, чтобы поискать подходящее помещение. Этот дом был не менее красив, чем другие, и я снова увлекся исследованиями и открытиями.

Наконец я выбрал комнату на третьем этаже, в фасадной части здания, поближе к Дее Торис, которая жила на втором этаже соседнего дома. Мне захотелось придумать средства связи, чтобы она могла подать мне сигнал – на тот случай, если ей понадобится помощь или защита.

Рядом с моей комнатой находились ванные, гардеробные, а дальше – спальни и гостиные, на всем этаже насчитывалось с десятков комнат. Окна задних помещений выходили в огромный квадратный двор, ограниченный зданиями квартала. В них теперь размещались животные, принадлежавшие воинам, что жили по соседству.

Двор полностью зарос желтыми, похожими на мох растениями, покрывавшими практически всю поверхность Марса, тем не менее многочисленные фонтаны, статуи, скамейки и похожие на перголы сооружения свидетельствовали о том, что это место было прекрасно в давно минувшие времена – когда здесь обитали светловолосые веселые люди, которых суровые и непреложные космические законы лишили не только домов, но и жизни, позволив им остаться лишь в туманных легендах потомков.

Можно было без труда представить себе роскошную марсианскую растительность, оживлявшую эту картину игрой листы и красок, и грациозные фигуры прекрасных женщин, и стройных красивых мужчин, и радостно игравших детей... сплошной солнечный свет, счастье и мир. И тяжело было осознавать, что все они исчезли, сгинули в веках тьмы и невежества, пока наконец наследственное стремление к культуре и гуманизму не подняло их потомков, смешанную расу, до того высокого положения, которое они теперь занимали на Марсе.

Вскоре мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, принесших оружие, шелка, шкуры, драгоценности, кухонную утварь, бочки с едой и напитками, причем немалое количество предметов было с воздушного судна. Похоже, все это еще недавно принадлежало тем двум вождям, которых я прикончил, и теперь, по обычаям Тарка, перешло ко мне. По моему распоряжению женщины оставили вещи в одной из задних комнат и ушли, но

вскоре вернулись с новым грузом. И на сей раз их сопровождали десять или пятнадцать девушек и детей, которые, похоже, составляли свиту обоих вождей.

Но это были не родственники, и не жены, и не слуги; взаимоотношения казались своеобразными, и поскольку на Земле не существует ничего подобного, это очень трудно объяснить и описать. Все материальное богатство принадлежало общине зеленых марсиан, кроме личного оружия, украшений и постельных принадлежностей. Только на это можно было предъявлять неоспоримые права, но запрещалось иметь вещей больше, чем того требовали личные нужды. Все излишки просто находились на хранении у той или иной персоны, и при необходимости их передавали более молодым членам общины.

Женщины и дети из свиты мужчины могли быть соединены в воинское подразделение. Он нес за них ответственность и должен был их наставлять, воспитывать, кормить – словом, удовлетворять все их потребности во время продолжительных скитаний и непрерывной войны с другими общинами и с краснокожими марсианами. Его женщины ни в каком смысле не были его женами. В языке зеленого народа вообще нет такого слова, аналогичного земному. Спаривание происходит только в интересах общины, и никак иначе, и подчинено естественному отбору. Совет вождей в каждой общине контролирует этот вопрос так же строго, как какой-нибудь владелец беговых конюшен в Кентукки отбирает производителей исключительно по науке, чтобы улучшить качества потомства в целом.

В теории это звучит неплохо, как это частенько случается с теориями, но в результате долгих веков столь противоестественной практики размножение в интересах общины привело к появлению холодных, жестоких существ, которые жили уныло, без любви и радости.

И при этом, честно говоря, зеленые марсиане в целом абсолютно целомудренны, за исключением отдельных вырожденцев вроде Тала Хаджуса; но куда лучше было бы достичь тонкого баланса человеческих черт характера, пусть даже ценой случайной потери добродетели.

Узнав, что мне, независимо от моей воли, придется принять на себя ответственность за явившихся в мой дом гостей, я выбрал лучшее из возможного. Перво-наперво я предложил им поискать себе жилье наверху, оставив для себя весь третий этаж. Затем одной девушке я приказал готовить мне простую пищу, а остальным велел вернуться к прежним занятиям. И после этого я их почти не видел, да меня это и не заботило.

XIII

Любовь на Марсе

После сражения с воздушными кораблями община еще несколько дней оставалась в городе. Возвращение домой отложили до тех пор, пока не минует опасность возвращения недруга; ведь если бы огромный обоз повозок с детьми оказался застигнутым врасплох на открытой равнине, то даже такие любители войны, как зеленые марсиане, вряд ли обрадовались бы.

В этот период бездействия Тарс Таркас ознакомил меня со многими таркианскими обычаями и приемами ведения боя, включая уроки верховой езды и управления огромными тварями, что носили на себе воинов. Эти существа, которых называли фоатами, так же опасны и злобны, как и их хозяева, но после дрессировки становятся вполне послушными и отлично служат владельцам.

Два таких животных свалились на меня после смерти воинов, чьи знаки я теперь носил, и вскоре я уже управлялся с ними не хуже местных. Объездить «коня» было совсем несложно. Если фоат не откликался с должной быстротой на телепатический приказ всадника, то его со страшной силой били между ушами рукояткой пистолета, и подобное повторялось до тех пор, пока монстр не подчинялся или не сбрасывал всадника.

В последнем случае это означало схватку не на жизнь, а на смерть между человеком и зверем. Если наездник ловко обращался с пистолетом, он мог остаться в живых и снова ездить верхом, хотя и на другой твари; если же нет, то части его растерзанного тела собирали женщины из свиты и сжигали в соответствии с обычаями Тарка.

Мой опыт общения с Вулой подтолкнул меня к эксперименту, и я решил воздействовать на моих фоатов добротой. Сначала я показал им, что сбросить меня не удастся, и даже довольно резко постучал по их головам, между ушами, чтобы утвердить свою власть. А потом постепенно завоевал их доверие точно таким же способом, какой использовал бесчисленное количество раз дома с лошадьми. Я по своей натуре умел хорошо обращаться с нашими меньшими братьями, кроме того, ласка приносила куда более продолжительные и устойчивые результаты, чем жестокость. Мое отношение к животным всегда было мягким и человеческим. И при необходимости я с куда меньшими сожалениями отнял бы жизнь у человека, чем у бессловесного и незащитного зверя.

Через несколько дней мои фоаты уже изумляли всю общину. Они таскались за мной как собачонки, терлись об меня здоровенными мордами, неловко выражая привязанность, и откликались на любую мою команду с таким рвением и пониманием, что зеленые воины начали думать, будто я обладаю особой земной силой, неведомой на Марсе.

— Как ты умудрился их заколдовать? — однажды спросил меня Тарс Таркас, увидев, как я спокойно сунул руку в пасть одного из фоатов, потому что у того между зубами застрял камень, когда он жевал похожие на мох растения во дворе моего дома.

— Добротой, — ответил я. — Видишь ли, Тарс Таркас, всякие сантименты и нежности обладают ценностью даже для воина. И в пылу битвы, равно как и на марше, я буду знать, что мои фоаты повинуются любой моей команде, а значит, смогу лучше сражаться. Я хороший воин потому, что я добрый хозяин. Твоим подчиненным тоже нужно это понять и взять на заметку мои методы. Всего несколько дней назад ты сам мне говорил: эти огромные звери из-за неустойчивости характера частенько становятся причиной того, что победа превращается в поражение, поскольку в критический момент они могут встать на дыбы и сбросить всадника.

— Покажи-ка мне, как ты добился подобных результатов, — только и сказал Тарс Таркас.

Я объяснил, по возможности подробно, свои методы тренировки, а потом он заставил меня повторить все это перед Лорквасом Птомелом и собравшимися воинами. Тот момент стал

началом новой жизни для бедных фоатов, и перед тем, как покинуть общину Лоркваса Птомела, я с удовлетворением наблюдал за появлением целого отряда послушных и усердных верховых животных. Теперь они выполняли маневры с такой точностью и быстротой, что Лорквас Птомел преподнес мне громадный золотой браслет с собственной левой ноги в знак одобрения моих заслуг перед ордой.

На седьмой день после сражения с воздушными судами Лорквас Птомел решил, что возможность новой атаки маловероятна, и мы двинулись в путь к Тарку.

В дни, предшествовавшие нашему отъезду, я почти не видел Дею Торис, потому что был очень занят, осваивая с Тарсом Таркасом искусство марсианской войны, а также объезжая своих фоатов. Я несколько раз заходил к девушке, но ее не было – то она гуляла по улицам вместе с Солой, то исследовала здания вокруг площади. Я предупредил женщин, что не следует забредать слишком далеко от дома, – есть опасность столкнуться с огромными белыми обезьянами, чья свирепость успела произвести на меня впечатление. Однако девушек всегда сопровождал Вула, а Сола брала с собой оружие, поэтому у меня не было особых причин для страха.

Вечером накануне отбытия я встретил их на широкой улице, что вела на площадь с востока. Я сказал Соле, что возьму ответственность за безопасность Деи Торис на себя, и под каким-то пустяковым предлогом отправил свою помощницу домой. Сола мне нравилась, я ей доверял, но по ряду причин желал остаться наедине с Деей Торис, в которой нашел искреннего друга. В ней воплощалось все то, что я оставил на Земле. И похоже, наш интерес был взаимным и таким же сильным, как если бы мы родились под одной крышей, а не на разных планетах, несущихся в пространстве на расстоянии в сорок восемь миллионов миль друг от друга.

В том, что Дея Торис разделяла мои чувства, я был уверен, ведь при моем приближении выражение жалкой безнадежности тут же исчезло с ее милого лица, сменившись радостной приветливой улыбкой, и она коснулась моего левого плеча маленькой бронзовой рукой, приветствуя меня по обычаю краснокожих марсиан.

– Саркойя сказала Соле, что ты стал настоящим таркианином, – сказала она, – и что я теперь не должна видаться с тобой чаще, чем с любым другим воином.

– Саркойя – первостепенная лгунья, – ответил я, – несмотря на гордое утверждение о правдивости таркиан.

Дея Торис засмеялась.

– Я знала, что ты останешься моим другом, даже когда примкнешь к общине. Воин может сменить свои знаки различия, но не свое сердце, говорят на Барсуме. Думаю, нас просто стараются разлучить, – продолжила она. – В то время, когда ты не занят своими обязанностями, кто-нибудь из старших женщин свиты Тарса Таркаса всегда устраивает так, чтобы мы с Солой очутились где-нибудь подальше. Они заставляют меня спускаться в подвалы под зданиями, чтобы я помогала там смешивать ужасный реактивный порох из радия¹ и делать жуткие снаряды. Ты знаешь, что их необходимо изготавливать при искусственном свете, потому что на солнце они взрываются? Ты замечал, что происходит с пулями, когда они попадают в цель? Они заключены в непрозрачную оболочку, которая разбивается при ударе, открывая стеклянный цилиндр, – он почти сплошной, а в его переднем конце скрыта крошечная частица радийной пудры. И в тот момент, когда на нее падает солнечный свет, пусть даже слабый, она взрывается с такой силой, что ничто не может ей противостоять. Если же ты увидишь ночную битву, то отметишь отсутствие взрывов, а вот утром, когда взойдет солнце, снаряды начнут рваться на месте боя. Но, как правило, по ночам зеленая орда стреляет другими снарядами, не самовзрывающимися.

¹ В свете последних научных открытий я использую слово «радий», потому что уверен: именно он лежит в основе марсианской смеси. В рукописи капитана Картера упоминается название этого элемента, оно присутствует в письменном языке Гелиума и пишется иероглифом, воспроизвести который было бы трудно и бессмысленно.

Хотя меня весьма заинтересовало объяснение Деи Торис об этом чудесном марсианском веществе, применяемом в военных целях, меня куда сильнее тревожила более насущная проблема – то, как зеленые марсиане обращались с Деей Торис. Я не слишком удивлялся тому, что они старались держать девушку подальше от меня, но ее заставляли заниматься опасным и тяжелым трудом, и это приводило меня в ярость.

– Они обращаются с тобой грубо, унижают тебя, Дея Торис? – спросил я, чувствуя, как в ожидании ее ответа горячая кровь моих воинственных предков закипает у меня в венах.

– Лишь отчасти, Джон Картер, – произнесла девушка. – Зеленые люди ничего не делают мне во вред, страдает разве что моя гордость. Они знают, что я – дочь десяти тысяч джеддаков, что могу проследить своих предков до того времени, когда был построен первый большой водный путь, и они, которые даже своих матерей не знают, завидуют мне. В глубине сердца они ненавидят свою отвратительную судьбу, а потому выплескивают свою жалкую злобу на меня, ведь я представляю собой все то, чего у них нет, но чего они жаждут, хотя и никогда не получают. Давай просто пожалеем их, мой вождь, – хотя нас ждет гибель от их рук, эта жалость уместна, поскольку мы выше их и они это знают.

Если бы мне тогда было известно значение слов «мой вождь», обращенных красной марсианкой к мужчине, я был бы изумлен, как никогда в жизни, но в тот момент я этого не понимал, как и многие месяцы потом. Да, мне нужно было еще многому научиться на Барсуме.

– Полагаю, смирение перед лицом судьбы – удел мудрых, Дея Торис, тем не менее надеюсь, что вскоре любой марсианин, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмеет даже косо взглянуть на тебя, моя принцесса.

При моих последних словах у Деи Торис перехватило дыхание, она уставилась на меня расширившимися глазами, а потом быстро вздохнула и со странным коротким смешком, от которого в уголках ее губ появились лукавые ямочки, покачала головой и воскликнула:

– Ты просто дитя! Великий воин и вместе с тем ребенок, едва научившийся ходить.

– И что я такого сделал? – в полном замешательстве спросил я.

– Когда-нибудь узнаешь, Джон Картер, если мы останемся в живых, но сейчас ничего не скажу. Однако я, дочь Морса Каяка, сына Тардоса Морса, выслушала тебя без гнева, – как будто разговаривая сама с собой, закончила она.

И тут же к девушке вернулось веселое, радостное настроение; она подшучивала над моей удалью таркианского вояки, столь противоречившей моему мягкому сердцу и природной доброте.

– Мне кажется, что, если тебе придется случайно ранить какого-нибудь врага, ты возьмешь его к себе домой и будешь за ним ухаживать, пока он не поправится, – со смехом сказала она.

– Но именно так и поступают на Земле, – ответил я. – По крайней мере, цивилизованные люди.

Это снова рассмешило ее. Она не могла этого понять, потому что, при всей ее нежности и женской мягкости, все же оставалась марсианкой, а для марсианина хороший враг – это мертвый враг; ведь каждый убитый противник означал, что живым достанется больше ресурсов.

Но мне было очень любопытно, что же так смутило Дею Торис пару минут назад, и потому я продолжал докучать ей, желая объяснений.

– Нет! – воскликнула Дея Торис. – Достаточно того, что ты говорил, а я тебя слушала. А когда все узнаешь, Джон Картер, я, скорее всего, буду уже мертва, и, похоже, это случится еще до того, как луна obeжит Барсум двенадцать раз, – тогда вспомни, что я тебя выслушала и... улыбнулась.

Для меня это прозвучало все равно что по-гречески, но чем усерднее я молил ее объяснить, тем более решительно она отвергала мои просьбы. И я, окончательно сдавшись, отступил.

День уже переходил в ночь, когда мы брели по широкой дороге, освещенной двумя лунами Барсума, и лишь Земля глядела на нас ярким зеленым глазом. Мы будто остались одни во всей Вселенной – и если бы это случилось, я был бы очень доволен.

Нас охватил холод марсианской ночи, и я, сбросив с себя шелковое покрывало, накинул его на плечи Деи Торис. Когда моя рука на мгновение коснулась ее, я почувствовал, как все фибры моего существа затрепетали, такой дрожи не могло бы вызвать прикосновение к другому смертному. Мне показалось, что девушка слегка склонилась в мою сторону, но я не мог быть уверен в этом. Знаю лишь то, что моя ладонь задержалась на ее плече дольше необходимого, но Дея Торис не отпрянула и ничего не сказала. Мы шли в молчании по поверхности умирающего мира, а в груди по меньшей мере одного из нас мерцало чувство, которое было старше вечности и в то же время всегда оставалось юным.

Я любил Дею Торис. Прикосновение моей ладони к ее обнаженному плечу подтвердило это, и я понял, что люблю ее с того момента, как наши взгляды впервые встретились на площади мертвого города Корад.

XIV

Смертельная дуэль

Первым моим побуждением было сказать ей о своей любви, но потом я подумал о том, что Дея Торис находится в безнадежном и зависимом положении и только я один могу немного облегчить ей тяготы плена, защитить, по мере своих жалких сил, от тысяч закоренелых врагов, ждущих ее по прибытии в Тарк. Я не мог прибавлять ей страданий или грусти, заявляя о любви, на которую, по всей вероятности, она не могла ответить. Позволь я себе такую несдержанность, жизнь Деи Торис могла бы стать невыносимой. Вдруг ей померещится, будто я решил воспользоваться ее беспомощностью и подавить ее волю? Эта мысль явилась последним аргументом, наложившим печать на мои губы.

– Почему ты так молчалива, Дея Торис? – спросил я. – Наверное, тебе лучше вернуться домой к Соле.

– Нет, – негромко ответила она. – Я счастлива здесь. Не знаю почему, но я всегда ощущаю себя счастливой и довольной, когда ты рядом со мной, Джон Картер. Ты чужак, пришелец, однако в твоём присутствии мне кажется, что я в безопасности и вскоре вернусь ко двору моего отца, его сильные руки обнимут меня и я почувствую на щеках слезы и поцелуи моей матери.

– А на Барсуме люди целуются? – спросил я, когда она объяснила мне значение произнесенного ею слова, потому что мне не приходилось слышать его раньше.

– Да, родители, братья и сестры. – А потом она добавила тихим задумчивым голосом: – И возлюбленные.

– И у тебя, Дея Торис, есть и родители, и братья, и сестры?

– Да.

– А... а возлюбленный?

Дея Торис замолчала, а я не решился повторить вопрос.

– Мужчина на Барсуме, – заговорила она наконец, – не задает женщинам личных вопросов, разве что своей матери и той женщине, за которую он сражался и которую завоевал.

– Но я сражался... – начал было я и тут же прикусил язык, отчаянно сожалея о сказанном.

Дея Торис вдруг повернулась так резко, что я едва успел остановиться, чтобы не налететь на нее, и, сбросив шелковый покров с плеч, протянула его мне, а потом, не говоря ни слова, высоко вскинув голову, с видом истинной королевы быстро пересекла площадь, направляясь к дверям своего дома.

Я не сделал попытки последовать за ней, мне было важно, чтобы она спокойно добралась до безопасного места, и, приказав Вуле сопровождать девушку, я печально побрел домой. Несколько часов я просидел, скрестив ноги, уныло размышляя над причудами судьбы, что подшучивает над несчастными смертными.

Значит, меня настигла любовь! В течение долгих лет, скитаясь по пяти континентам и окружавшим их морям, я ускользал от нее, несмотря на встречи с прекрасными женщинами

и множество благоприятных случаев, несмотря на тоску по любви и постоянное стремление найти свой идеал. И вот меня угораздило влюбиться отчаянно и безнадежно в существо из другого мира, внешне похожее на человека, но не принадлежащее к человеческому роду. Моя избранница вылупилась из яйца, и ее жизнь может продолжаться тысячу лет; у ее народа совершенно другие обычаи и идеи; ее надежды, радости, понятия о чести, добре и зле так же отличаются от моих, как мои – от взглядов зеленых марсиан.

Да, я был дураком, но я ее любил, и, хотя страдал отчаянно, как никогда, я не нашел бы любви, если бы не очутился на Барсуме. Такова уж любовь, и таков удел любящих.

Для меня Дея Торис была совершенством; она олицетворяла добродетель, и красоту, и благородство, и чистоту. Я всем сердцем, всей душой верил в это, когда в ту ночь в Кораде сидел по-турецки на шелковом покрывале, а ближайшая из лун Барсума мчалась к горизонту на западе, освещая золото, мрамор и драгоценные мозаики моей древней как мир спальни; я верю в это и сегодня, когда сижу за своим письменным столом в маленьком кабинете, чьи окна выходят на Гудзон. Двадцать лет миновало; из них десять я сражался ради Деи Торис и ее народа, а следующие десять жил воспоминаниями.

Утро нашего отъезда в Тарк было ясным и жарким, как все утра на Марсе, кроме тех шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею Торис среди отъезжавших повозок, но она отвернулась от меня, и кровь прилила к ее щекам. С глупой непоследовательностью влюбленного я молчал, а мог бы молить о том, чтобы она учла мое невежество, которое стало причиной моего проступка, и это, по крайней мере, могло бы уменьшить его тяжесть... В худшем случае я добился бы примирения, пусть даже неполного.

Мне вменялось в обязанность следить за тем, чтобы Дее Торис было удобно, и потому я заглянул в ее колесницу и поправил шелка и шкуры. Занимаясь этим, я вдруг с ужасом обнаружил, что лодыжку девушки охватывает тяжелая цепь, прикрепленная к экипажу сбоку.

– Что это значит? – воскликнул я, поворачиваясь к Соле.

– Саркойя думает, так будет лучше, – ответила та, но ее лицо выразило неодобрение подобной процедурой.

Осмотрев кандалы, я увидел, что они заперты на массивный пружинный замок.

– А где ключ, Сола? Дай его мне!

– Он у Саркойи, Джон Картер, – сказала она.

Я без лишних слов развернулся и отправился искать Тарса Таркаса. Встретив его, я тут же страстно заявил, что незачем подвергать девушку столь жестокому унижению (именно так все выглядело в моих любящих глазах).

– Джон Картер, – ответил Тарс Таркас, – у вас с Деей Торис есть возможность сбежать только во время этого путешествия. Ясно, что ты не уйдешь без нее. А ты показал себя могучим бойцом, и нам совсем не хочется связываться с тобой, поэтому мы решили удержать вас обоих самым простым способом. Я все сказал.

Я сразу же оценил всю силу его решимости и понял, что тщетно было бы пытаться разубедить его, но все же попросил, чтобы ключ забрали у Саркойи и в будущем избавили пленницу от ее преследования.

– Уж это, Тарс Таркас, ты можешь сделать в ответ на мои дружеские чувства, которые, должен признать, я питаю к тебе.

– Дружеские чувства? – откликнулся он. – Ничего подобного не существует, Джон Картер, но будь по-твоему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя оставила девушку в покое, а ключ заберу себе.

– Если только не пожелаешь, чтобы эта ответственность легла на меня, – сказал я с улыбкой.

Он долго и серьезно смотрел на меня, прежде чем заговорить:

– Дай слово, что ни ты, ни Дея Торис не попытаетесь сбежать до прибытия ко двору Тала Хаджуса, и тогда можешь взять ключ и выбросить цепи в реку Исс.

– Лучше, если ключ будет у тебя, Тарс Таркас, – ответил я.

Он улыбнулся и больше ничего не добавил, но вечером, когда мы разбивали лагерь на ночь, я увидел, как Таркас сам снимает цепь с Деи Торис.

При всей жестокости и холодности Тарсу Таркасу было присуще тщательно скрываемое чувство, он, похоже, старался подавить в себе его всплески. Не было ли это неким рудиментом человечности, доставшимся ему от предков и заставлявшим его ужасаться вырождению собственного народа?

Направляясь к колеснице Деи Торис, я прошел мимо Саркойи, и мрачный злобный взгляд, которым она меня одарила, стал для меня сладчайшим бальзамом, наградой за многие часы ожидания. Боже, как же она меня ненавидела! От нее столь ощутимо исходила ненависть, что ее можно было рубить мечом!

Несколько мгновений спустя я увидел, как Саркойя заговорила с воином, которого звали Сэд. Этому здоровенному, неповоротливому, сильному детине ни разу не доводилось убить старшего по званию, и потому он оставался о-мадом, то есть человеком с одним именем; он мог получить второе имя только вместе со знаками различия кого-нибудь из вождей. Именно благодаря этому обычаю мне достались имена тех, кого я убил, и некоторые марсиане называли меня Дотаром Соджатом – по совокупности имен двоих воинов, чьи знаки я носил, или, другими словами, тех, кто пал от моей руки в честном бою.

Пока Саркойя говорила, Сэд посматривал в мою сторону, и похоже, она весьма настойчиво подбивала его на какой-то поступок. Я почти не обратил на них внимания, но на следующий день у меня появилась серьезная причина вспомнить эти обстоятельства, а заодно оценить всю глубину ненависти Саркойи и ту энергию, с которой она готова была мстить.

Дея Торис будто не замечала меня в этот вечер, и, хотя я несколько раз окликал ее по имени, она ни разу не ответила и даже не взглянула на меня. А я поступил, как большинство влюбленных, – попытался действовать через близкого к ней человека. В данном случае это была Сола, которую я поймал в другой части лагеря.

– Что происходит с Деей Торис? – брякнул я без предисловий. – Почему она со мной не разговаривает?

Сола как будто была озадачена, словно столь странное поведение двоих людей сбilo ее с толку, но, вообще-то, так оно и было на самом деле; бедная девочка ничего не понимала.

– Она говорит, ты ее рассердил, и вряд ли скажет что-то еще, кроме того, что дочь джеда и внуку джедака унизило существо, которому не позволили бы даже полировать зубы сорока ее бабушки.

Я немножко подумал над ее словами, а потом спросил:

– А что такое сорок, Сола?

– Маленькое животное, примерно с мою ладонь. Краснокожие марсианки их держат, чтобы играть с ними, – пояснила Сола.

Я не годился даже для того, чтобы чистить зубы кошке ее бабушки! Должно быть, я стоял очень низко в глазах Деи Торис, подумалось мне, но при этом я не мог сдерживать смеха, слыша такую фигуру речи, очень обыденную и оттого очень земную. Она заставила меня затосковать по дому, ведь это прозвучало очень похоже на «недостойн чистить ее туфли». И породила во мне новую цепь размышлений. Я принялся гадать, что делают мои домашние. Я же не видел их много лет. А в Виргинии проживало целое семейство Картер, которое утверждало, что состоит со мной в близком родстве; я приходился кому-то из них двоюродным дедом или вроде того. Но мне в моем возрасте казалось чрезвычайно глупым называться дедом, пусть даже двоюродным, потому что я себя чувствовал почти мальчишкой. Однако в семье Картер была парочка малышей, которых я любил, и они считали, что на всем свете нет никого лучше дяди Джека. Я как

будто увидел их наяву, стоя там, под небом Барсума, и затосковал по ним так, как не тосковал никогда и ни по кому. Будучи по натуре бродягой, я не знал настоящего смысла слова «дом», но огромный холл Картеров всегда воплощал для меня это понятие, и теперь мое сердце устремилось к нему от холодных недружелюбных созданий, с которыми меня свела судьба. Ведь не только Дея Торис презирала меня! Я был низшим существом, по сути, ниже некуда, раз меня посчитали недостойным даже чистить зубы кошке ее бабушки; и тут мне на помощь пришло спасительное чувство юмора, я со смехом закутался в шелка и шкуры и заснул на освещенной лунами земле сном уставшего и здорового человека.

На следующий день мы снялись с места очень рано и почти до самой темноты шли без передышки. За время этого утомительного марша случились два происшествия. Около полудня мы заметили далеко справа нечто вроде инкубатора, и Лорквас Птомел отправил Тарса Таркаса проверить, так ли это. Тот взял с собой дюжину воинов, включая меня, и мы помчались по бархатному мху к небольшому сооружению.

Это действительно оказался инкубатор, но яйца в нем были очень маленькими по сравнению с теми, которые я видел в день прибытия на Марс.

Тарс Таркас спешил, внимательно осмотрел замкнутое пространство и наконец заявил, что инкубатор принадлежит зеленому племени из Вархуна и известка на стенах едва успела просохнуть.

– Они не дальше чем в дне пути от нас! – воскликнул он, и его жестокое лицо вспыхнуло жаждой битвы.

С инкубатором разобрались очень быстро. Воины пробили в стене дыру, после чего двое забрались внутрь и вскоре разбили все яйца своими короткими мечами. Потом мы снова вскочили на своих «коней» и вернулись к процессии. Во время рейда я спросил Тарса Таркаса, меньше ли ростом марсиане из Вархуна, чем их сородичи из Тарка.

– Их яйца намного мельче, чем те, что лежали в вашем инкубаторе, – добавил я.

Тарс Таркас пояснил, что яйца были только что оставлены здесь, но, подобно таркианским, они бы выросли в течение пятилетнего инкубационного периода и в итоге достигли бы тех же размеров. Это была воистину интересная информация, потому что мне всегда казалось непонятным, как марсианские женщины, пусть даже весьма крупные, могут откладывать огромные яйца, ведь я видел, как из них появлялись детеныши четырех футов ростом. Но оказалось, что едва снесенные яйца на самом деле не намного крупнее гусиных и они не начинают расти, пока не попадут на солнечный свет, поэтому у вождей не возникает сложностей при перевозке нескольких сотен яиц одновременно из первоначального хранилища в инкубатор.

Вскоре после этого случая мы остановились, чтобы дать отдохнуть животным, и на второй день стоянки произошел эпизод, достойный внимания. Я был занят тем, что освобождал от упряжи одного из фоатов, чтобы дальше ехать на втором, – мои «кони» работали по очереди. Вдруг ко мне подошел Сэд и, не говоря ни слова, изо всех сил ударил моего зверя длинным мечом.

Мне не нужно было заглядывать в справочник по марсианскому этикету, чтобы выяснить, как ответить на это. Я разъярился и чуть не пристрелил жестокого урода, но он стоял, выжидая, держа наготове длинный меч, и мне оставалось лишь выхватить свой и сойтись с врагом в честном поединке, причем полагалось пользоваться тем же оружием или чем-то поскромнее.

Таким образом, мне предоставлялся некоторый выбор: я имел право драться коротким мечом, кинжалом, топориком, а при желании даже кулаками, но запрещалось брать за огнестрельное оружие или копьё, если у противника был в руках только длинный меч.

Я выбрал такой же вариант, зная, что Сэд весьма гордится своим искусством владения мечом, а мне, раз уж я ввязался в ссору, хотелось сразить верзилу его же оружием. Схватка между нами затянулась, и продолжение марша колонны отложили на целый час. Вся община собралась вокруг нас, оставив нам для боя площадку около ста футов в диаметре.

Сэд сначала ринулся на меня, как бык на волка, но я был намного проворнее и каждый раз уворачивался. Он пронёсся мимо, получая укол моего меча сзади – в руку или в спину. Вскоре марсианин был залит кровью, сочащейся из полудюжины мелких ран, но я не мог заставить его открыться, чтобы нанести решающий удар. Потом Сэд изменил тактику и стал сражаться осторожно, с крайней ловкостью, пытаясь техникой фехтования достичь того, чего не добился грубой силой. Должен признать, он был блестящим мастером, и, если бы не моя выносливость и поразительная подвижность, порожденная слабой силой притяжения на Марсе, я мог бы не выиграть этот бой.

Некоторое время мы кружили по площадке, не нанося друг другу особого вреда; длинные прямые, похожие на иглы мечи сверкали в лучах солнца, а их звон нарушал тишину, когда они сталкивались друг с другом. Наконец Сэд, понимая, что устал сильнее, чем я, явно решил положить конец схватке с честью для себя. В тот самый момент, когда он бросился вперед, меня ослепила внезапная вспышка яркого света, я не смог вовремя отреагировать и сумел лишь вслепую отскочить в сторону в попытке избежать могучего удара меча, лезвие которого будто ощутил всеми внутренностями. Маневр не совсем удался, мое левое плечо пронзила острая боль, но при этом я, ища взглядом противника, увидел сцену, которая вознаградила меня за рану, полученную в результате временной слепоты. На колеснице Деи Торис стояли три фигуры, явно наблюдавшие за боем поверх голов таркиан, – сама Дея Торис, Сола и Саркойя, – и эта живая картина запечатлелась в моей памяти навеки.

Как раз в тот момент, когда я туда посмотрел, Дея Торис повернулась к Саркойе с яростью молодой тигрицы и что-то вышибла из поднятой руки женщины. Падающий предмет вспыхнул на солнце. И тут я понял, что ослепило меня в критический момент схватки и как именно Саркойя нашла способ убить меня, сама не нанося последнего удара. А следующий эпизод едва не стоил мне жизни, потому что на долю секунды полностью отвлек меня от противника: когда Дея Торис выбила крошечное зеркальце из руки Саркойи, та, смертельно побледнев от ярости и разочарования, выхватила кинжал и кинулась на девушку; а Сола, наша милая, преданная Сола, тут же очутилась между ними, и последним, что я увидел, был огромный нож, устремившийся к ее груди.

Я заметил, как развернулся мой враг после броска, и с неохотой вернулся к необходимости драться, однако мои мысли все же были далеко.

Мы снова и снова яростно атаковали друг друга, пока наконец я не почувствовал, как острое вражеского меча касается моей груди. Невозможно было ни уклониться от этого удара, ни парировать его, а потому я всем весом своего тела ринулся вперед, держа перед собой оружие, полный решимости хотя бы не умереть в одиночку, если уж не удастся ничего изменить. И вот сталь проникла в мою грудь, в глазах потемнело, голова закружилась, и я ощутил, как подгибаются колени.

XV

Сола рассказывает свою историю

Когда ко мне вернулось сознание – это, как выяснилось, случилось через мгновение, – я быстро вскочил на ноги в поисках своего меча и тут же нашел его. Он по самую рукоять был погружен в зеленую грудь Сэда, который лежал на коричневом мху, растущем на дне древнего моря. Я окончательно пришел в себя и ощупал вражеское оружие, пронзившее мою грудь слева, – оказалось, что лезвие лишь задело кожу и мышцы над ребрами, а потом скользнуло вверх и проткнуло насквозь мое плечо. Это произошло потому, что я все-таки вовремя уклонился в сторону и немного вниз. Моя рана оказалась болезненной, но не опасной.

Выдернув лезвие из своего тела, я вытащил и свой меч и, повернувшись спиной к уродливому трупу, пошел, чувствуя тошноту, боль и отвращение, к повозке, в которой ехала моя свита с поклажей. Марсиане гулом и аплодисментами приветствовали меня, но мне не было до них дела.

Истекая кровью, слабея с каждым шагом, я добрался до своих женщин, и те, привыкшие к подобным происшествиям, сразу перевязали мои раны, наложив на них замечательные целебные мази, – они не помогли бы разве что при смертельных ударах. Дайте марсианской женщине шанс, и смерть ступает перед ней. В результате очень скоро я почувствовал себя сносно, разве что ощущал слабость от потери крови и легкую боль, и более не испытывал мучений от ранения, которое, без сомнения, при земных методах лечения уложило бы меня в постель на много дней.

Как только марсианки закончили свою работу, я поспешил к повозке Деи Торис, где и нашел бедняжку Солу с обмотанной бинтами грудью, но явно не слишком пострадавшую от столкновения с Саркойей; кинжал этой гарпии, судя по всему, налетел на одно из металлических нагрудных украшений Сола и, скользнув, лишь слегка порезал ее.

Подойдя ближе, я увидел, что Дея Торис лежит ничком на своих шелках и шкурах и все ее маленькое тело содрогается от рыданий. Она не заметила моего присутствия и не слышала, как я разговариваю с Солой, которая стояла поодаль.

– Ее ранили? – спросил я Солу, кивком указывая на Дею Торис.

– Нет, – ответила Сола, – она думает, что ты погиб.

– И теперь некому будет чистить зубы кошке ее бабушки? – весело спросил я.

– Думаю, ты ошибаешься на ее счет, Джон Картер, – сказала Сола. – Я не понимаю ни ее, ни тебя, но уверена, что внучка десяти тысяч джедаков никогда не стала бы вот так рыдать по тому, кто не завоевал ее высшей привязанности. Это гордый народ, но правдивый, как и все эти барсумиане, и ты должен был очень серьезно ее задеть, чтобы она перестала замечать тебя, хотя сейчас и оплакивает твою смерть. Слезы – редкое зрелище на Барсуме, – продолжила Сола, – и потому мне так трудно их объяснить. Я за всю свою жизнь только и видела двоих плачущих, кроме Деи Торис; одна из них рыдала от горя, другая – от ярости. Первой была моя мать, за много лет до того, как ее убили, второй – Саркойей, когда ее сегодня оттащивали от меня.

– Твоя мать?! – воскликнул я. – Но, Сола, дитя, ты не могла знать свою матушку!

– Но я знала ее. И отца тоже, – добавила она. – Если тебе хочется услышать странную и совсем не барсумианскую историю, приходи сегодня вечером к нашей повозке, Джон Картер, и я тебе расскажу то, чего никому не рассказывала прежде. А теперь пора ехать дальше, уже подают сигнал.

– Я приду вечером, Сола, – пообещал я. – Только сообщи Дее Торис, что я жив и со мной все хорошо. Я не стану ей навязываться, а ты не говори, что я видел ее слезы. Если она захочет, то обратится ко мне сама, я же буду ждать ее решения.

Сола забралась в повозку, и та сразу тронулась, занимая свое место в общем строю, а я поспешил к ожидавшему меня феоату и поехал рядом с Тарсом Таркасом в конце процессии.

Она представляла собой весьма внушительное и даже вызывающее благоговейный страх зрелище. Через желтовато-коричневую равнину тянулись две с половиной сотни изукрашенных, ярко расписанных повозок, перед ними, по пять всадников в ряд, ехали около двухсот воинов и вождей, еще столько же марсиан в таком же строю следовали позади, а по сторонам от каравана скакали десятка два с лишним верховых. Под конвоем, кроме повозок, передвигались пятьдесят мастодонтов-тяжеловозов, это были животные, именуемые зитидарами, да еще пять-шесть сотен свободных феоатов, чтобы воины могли менять «коней». Сверкающий металл и драгоценности мужчин и женщин, нарядная упряжь зитидаров и феоатов, пестрые краски чудесных шелков и кожи придавали каравану варварское великолепие, которое заставило бы позеленеть от зависти даже восточных индусов.

Широкие колеса повозок и мягкие лапы животных не производили ни звука на мху, покрывающем морское дно; и мы продвигались вперед в полной тишине как некая гигантская фантазмагория, и молчание разве что изредка нарушал утробный рык тяжело нагруженных зитидаров или повизгивание поссорившихся феоатов. Зеленые марсиане почти не разговаривали между собой, а если и обменивались парой коротких слов, то приглушенно, и их голоса походили на далекий раскат грома.

Мы шли по бездорожью, пересекая обширное пространство мха, и мох прижимался к почве под широкими ободами колес или под лапами животных, но тут же выпрямлялся за нашими спинами, стирая след, говоривший о том, что здесь кто-то проходил. Мы с тем же успехом могли быть душами усопших, блуждающими по мертвому морю на умирающей планете. Я впервые наблюдал передвижение такой большой массы людей и животных, не поднимавшей клубов пыли и не оставлявшей следов. Дело в том, что на Марсе пыли нет вообще, лишь в распаханных областях, да и то в зимние месяцы, но даже и там отсутствие сильных ветров делает ее почти незаметной.

В эту ночь мы разбили лагерь у подножия холмов, к которым шли два дня и которые обозначали южную границу моря. Наши животные не пили в течение этого времени, но у них не было воды и прежде, а ведь они вышли из Тарка почти два месяца назад. Однако, как объяснил мне Тарс Таркас, воды им нужно совсем немного, марсианские звери могут практически обходиться одним мхом, покрывающим Барсум. В крошечных стебельках этого растения содержится достаточно влаги, чтобы удовлетворить жажду местных животных.

Разделив с женщинами ужин, состоявший из похожей на сыр еды и растительного молока, я отправился на поиски Сола и нашел ее хлопочущей над светильником. Она подняла голову при моем приближении, и ее лицо просияло радостной и приветливой улыбкой.

– Я рада, что ты пришел, – сказала она. – Дея Торис спит, и мне одиноко. Моим соплеменникам нет до меня дела, Джон Картер; я слишком не похожа на других. Моя судьба печальна, потому что я должна жить среди них, и мне иногда хочется быть настоящей зеленой женщиной, без любви и без надежды, но я познала любовь и потому растеряна. Я обещала тебе рассказать свою историю, но это, скорее, история моих родителей. Судя по тому, что я узнала о тебе и землянах, ты не сочтешь мой рассказ странным, уверена в этом, но вот среди зеленых марсиан в Тарке никто не смог бы вспомнить ничего подобного, да и в наших легендах нет похожих сюжетов.

Моя мать была довольно маленькой, то есть слишком маленькой, чтобы ей доверили долг материнства, в данном случае рост очень важен для наших вождей. И еще она была не такой холодной и жестокой, как большинство зеленых марсианок. Не слишком интересуясь их обществом, она частенько бродила по пустынным местам Тарка в одиночестве, любила сидеть среди диких цветов на ближайших холмах и мечтать. То, о чем она думала, среди нынешних таркианок могу понять я одна – разве я не дочь своей матери?

И вот там, среди холмов, она встретила молодого воина, который охранял пасущихся зитидаров и фоатов и присматривал за тем, чтобы они не разбредлись. Поначалу они беседовали на общие темы, но постепенно, когда стали видеться чаще – и, как оба понимали, совсем не случайно, – заговорили о себе, о том, что им нравится, о своих желаниях и надеждах. Она доверилась ему и рассказала об ужасном отвращении, которое испытывала к жестокости своих сородичей, к той отталкивающей, лишенной любви жизни, какую они должны были вести, а потом ожидала, что с его холодных твердых губ сорвется целая буря порицаний, но вместо того он обнял ее и поцеловал.

Они скрывали свою любовь шесть долгих лет. Она, моя мать, состояла в свите великого Тала Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином, носившим лишь собственные знаки различия. Если бы их преступление против обычаев Тарка открылось, обоим пришлось бы заплатить за это, их бы наказали на большой арене на глазах у Тала Хаджуса и огромной толпы.

Яйцо, из которого я вылупилась, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самой высокой и недоступной из полуразрушенных башен древнего Тарка. Раз в год моя мать навещала его в течение пяти долгих лет, наблюдая за процессом инкубации. Она не осмеливалась приходить чаще, потому что, чувствуя себя слишком виноватой, боялась слежки. За это время мой отец завоевал высокое воинское звание и уже носил знаки нескольких вождей. Его любовь к моей матери не угасала, он стремился достичь такого положения, при котором смог бы снять регалии с самого Тала Хаджуса и занять место правителя Тарка. Неограниченная власть позволила бы ему заявить о своих правах на мою мать и защитить свое дитя. Ведь меня убили бы, открылся вся правда.

Это была безумная мечта – добыть знаки Тала Хаджуса за пять коротких лет, но отец быстро продвигался вверх и вскоре вошел в высокий совет Тарка. Увы, его надежды спасти своих любимых разбились в прах: он получил приказ отправиться в долгую экспедицию на ледяной юг, чтобы воевать с тамошними племенами и отобрать у них шкуры. Это в обычае зеленых барсумиан; они не станут трудиться ради того, что можно отнять у других.

Он отсутствовал четыре года, а когда вернулся, все было кончено. Примерно через год после его отъезда и незадолго до того, как должна была вернуться экспедиция, проверявшая общинный инкубатор, яйцо проклянулось. Но и после этого моя мать продолжала прятать меня в старой башне, навещая лишь по ночам и одаряя всей той любовью, которую традиции общины отбирали у всех. Мать надеялась, что по возвращении проверяющих из инкубатора сумеет подселить меня к детям, предназначенным для двора Тала Хаджуса, и таким образом избежать судьбы, которая ждала бы ее после раскрытия ужасного преступления против древних законов зеленого племени.

Она поспешно учила меня языку и обычаям нашего народа и однажды рассказала мне эту историю, подчеркивая необходимость абсолютной секретности и величайшей осторожности. Мне было велено молчать, когда я займу место среди молодых таркиан, чтобы никто не предположил, что мне известно больше, нежели им. И уж конечно, я не должна была выдать привязанности к матери и упоминать о родителях. Потом, притянув меня поближе к себе, она прошептала мне на ухо имя моего отца.

И вдруг в темноте башни вспыхнул свет и появилась Саркойя; ее сверкающие злобные глаза остановились на моей застывшей от ужаса матери. Целый поток оскорблений выплеснулся на нее, и сердце моей матушки едва не остановилось. То, что Саркойя слышала всю историю, было очевидно. Выяснилось, что она давно уже заподозрила неладное, ведь моя мать по ночам подолгу уходила из своей спальни; и в эту роковую ночь Саркойя выследила ее.

Она не слыхала и не знала только одного – произнесенного шепотом имени моего отца. И потому непрерывно повторяла требование открыть имя соучастника преступления, но поношения и угрозы не могли заставить мою мать сообщить его, и ради моего спасения от бессмысленных пыток она солгала Саркойе, что это имя известно лишь ей одной и она никогда не говорила своему ребенку об отце.

Выкрикнув очередное проклятие, Саркойя поспешила к Талу Хаджусу, чтобы доложить о своем открытии. Когда она ушла, мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, совершенно скрыв от чужих глаз, спустилась вниз и помчалась со всех ног прочь, к окраине города, на юг, где находился человек, на чью помощь она не могла рассчитывать, но на чье лицо хотела взглянуть перед смертью.

Когда мы добрались до южной окраины, с моховой равнины до нас донеслись какие-то звуки – они долетали со стороны единственного перевала, ведущего к воротам. Через него могли войти в город караваны хоть с севера или юга, хоть с запада или востока. Мы различили повизгивание фоатов и ворчание зитидаров, да еще звяканье оружия, возвещавшее о приближении отряда воинов. У матери мелькнула мысль, что это возвращается мой отец, но осторожность истинной таркианки удержала ее, не дав побежать навстречу.

Спрятавшись у какой-то двери, мать ждала приближения каравана, и тот вскоре появился на улице, нарушив строй и заполонив все пространство от стены до стены. Когда процессия проходила мимо нас, в небо поднялась меньшая луна и залила своим ярким чудесным светом крыши и всю картину. Моя мать забилась глубже в спасительную тень и из своего укрытия увидела, что это не отряд моего отца, а караван, возвращавшийся с юными таркианами. План мгновенно созрел в ее уме, и, когда большая повозка проезжала мимо нас, матушка осторожно, пригнувшись, проскользнула к заднему откидному борту, прижимая меня к груди в неистовой любви.

Она знала то, о чем не догадывалась я, – что после той ночи ей никогда уже не прижать меня к сердцу и, скорее всего, мы вообще больше не увидим друг друга. В суматохе, царившей на площади, она сунула меня в толпу других детей, ведь охранявшие их в пути воины освободились от своей ответственности. Нас всех вместе загнали в огромную комнату, там женщины, которые не участвовали в походе, накормили нас, а на следующий день роздали свитам вождей.

После той ночи я больше не видела свою мать. Ее схватили воины Тала Хаджуса и подвергли самым ужасным и позорным издевательствам, лишь бы вырвать из ее уст имя моего отца, но она оставалась стойкой и верной своей любви до конца и во время одной из чудовищных пыток умерла под смех Тала Хаджуса и его вождей.

Как я позднее узнала, она сказала им, будто убила меня, чтобы спасти от такой же судьбы, как ее собственная, и бросила мое тело белым обезьянам. Одна только Саркойя не поверила ей. Вплоть до сегодняшнего дня я чувствовала, что она подозревает истину моего происхождения, но не осмеливается об этом заговорить. К тому же она не переставала гадать, кем был мой отец, я в этом убеждена.

Когда он вернулся из похода, Тал Хаджус рассказал ему об участии моей матери. Я присутствовала при этом. Ни единый мускул не дрогнул на его лице; он ничем не выдал своих чувств, только не засмеялся, когда Тал Хаджус описывал ее смертные муки. После этого отец сделался самым жестоким из всех марсиан. Я жду того дня, когда он добьется своей цели и наступит ногой на труп Тала Хаджуса. Уверена, отец просто ждет возможности осуществить свою месть, а великая любовь так же жива в его сердце, как почти сорок лет назад. Это такая же правда, как и то, что мы сидим здесь, на берегу старого как мир океана, пока все разумные люди спят, Джон Картер.

– А твой отец, Сола, сейчас здесь? – спросил я.

– Да, – ответила она, – но он не подозревает, что я его дочь, и не знает, кто выдал мою мать Талу Хаджусу. Только мне одной известно имя моего отца, и лишь я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, кто навлек страшные муки на ту, которую он любил.

Мы некоторое время сидели молча, и Сола погрузилась в мрачные мысли о своем ужасном прошлом, а я был полон жалости к несчастным существам, чьи бесчеловечные, жестокие законы привели их к жизни, полной злобы и ненависти. Наконец Сола снова заговорила:

– Джон Картер, если когда-то по холодному, мертвому дну Барсума и ходил настоящий человек, так это ты. Я могу доверять тебе, и, поскольку это знание может когда-нибудь помочь тебе, или моему отцу, или Дее Торис, или мне самой, я хочу назвать тебе имя отца, не налагая на тебя никаких обязательств. Когда придет время, скажи правду, если решишь, что так будет лучше. Мое доверие обоснованно: на тебе не лежит проклятие говорить правду и только правду, ты можешь солгать, как и любой другой джентльмен из Виргинии, если ложь спасет кого-то от тоски или страданий. Моего отца зовут Тарс Таркас.

XVI

Мы замыслиаем побег

Остаток пути до Тарка прошел без особых событий. Мы еще двадцать дней провели в дороге, пересекли два морских дна и миновали множество разрушенных городов, в основном не таких крупных, как Корад. Дважды мы переходили прославленные марсианские водные пути, или каналы, как их называют земные астрономы. Когда наш караван приближался к этим полосам возделанной почвы, вперед посылали воинов с мощными полевыми биноклями, и, если в окрестностях не рыскали большие отряды краснокожих марсиан, мы осторожно подходили к водным путям, стараясь, чтобы нас не заметили, разбивали стоянку до темноты и затем уже перебирались на другую сторону. Широкие полосы распаханной земли пересекали эту местность через равные интервалы. Один переход длился пять часов без остановки, а на другой ушла целая ночь, так что мы едва успели выбраться за высокую стену, ограждавшую поля, как над нашими головами встало солнце.

Поскольку эти полосы мы преодолевали во тьме, я не мог увидеть слишком много, разве что ближайшая луна, в ее бешеном и неустанном беге по барсумианским небесам, время от времени освещала пятна ландшафта, открывая взгляду огороженные стенами поля и низкие, хаотично разбросанные строения, очень похожие на земные фермы. Здесь было много деревьев, высаженных весьма аккуратно, и некоторые из них достигали огромной высоты; в каких-то постройках держали животных, и они, почуяв чужих, выдавали свое присутствие отчаянным визгом и храпом.

Лишь однажды нам встретился человек, и было это на перекрестке широкого белого тракта – такие пути рассекают каждый возделываемый район точно по центру, вдоль меридиана. Тот парень, должно быть, спал. Когда я приблизился к нему, он приподнялся на локте и, едва бросив взгляд на процессию, с криком вскочил на ноги, бешено помчался прочь и с ловкостью перепуганной кошки перепрыгнул через стену. Таркиане не обратили на него ни малейшего внимания; они ведь не были на тропе войны, и единственным признаком того, что парня все-таки заметили, стало ускорение шага. Караван поспешил к стене, идущей вдоль пустыни, – здесь был вход в царство Тала Хаджуса.

Мне так и не довелось поговорить хоть разок с Деей Торис, и она не подавала виду, что была бы рада видеть меня в своей повозке, а моя глупая гордость удерживала меня от попыток сближения. Я искренне верю, что в отношениях мужчины и женщины действует особая логика, прямо противоположная той, которой руководствуются джентльмены в своем кругу. Слабость и простоватость часто могут очаровать противоположный пол, тогда как боец, способный без страха встретить тысячу реальных опасностей, будет сидеть где-нибудь в углу, словно напуганное дитя.

Через тридцать дней после того, как я свалился на Барсум, мы вошли в древний город Тарк, у чьих прежних обитателей, давно забытых, зеленая орда ukrала даже имя. Тарк населяли около тридцати тысяч марсиан, и они делились на двадцать пять общин. В каждой был собственный джед и младшие вожди, но все они находились под властью джеддака Тала Хаджуса. Пять общин занимали разные районы города, и еще некоторое количество народа рассеялось по другим опустевшим поселениям древнего Марса в той области, которой управлял Тал Хаджус.

Мы вышли на огромную центральную площадь в начале дня. Никто не потруился радостно встретить прибывшую домой экспедицию. Те, кто случайно оказался поблизости, в официальном приветствии произносили имена воинов или женщин, с которыми были лично знакомы. Но когда стало известно, что отряд привел двоих пленников, интерес к вернувшимся сразу возрос, и мы с Деей Торис стали центром внимания любопытных.

Вскоре нам показали наши жилища, и все время до вечера мы устраивались на новом месте. Я поселился на широком проспекте, что шел к площади с юга, на той самой главной артерии, по которой отряд промаршировал к площади от городских ворот. Дом стоял у дальнего конца площади и был целиком предоставлен мне. Великолепная архитектура, которой славился Корад, восхищала меня и здесь, только она была еще более грандиозной и блистательной. Я и не думал, что такое возможно. К примеру, моя квартира вполне подходила для величайшего из земных императоров. Однако странные местные жители совершенно не интересовались роскошью и удобством, им важны были лишь размеры здания и внутренних покоев. Чем просторнее жилище, тем оно престижнее, считали марсиане. Именно поэтому Тал Хаджус занимал самое большое в городе здание, которое некогда наверняка было общественным, но при этом совершенно не годилось для проживания; второй по величине дом принадлежал Лорквасу Птомелу, в следующем – поселился джед ниже рангом, и так далее, до конца списка из пяти военачальников. Воины жили в домах тех вождей, к чьей свите они принадлежали, а если предпочитали автономию, могли найти собственное жилье среди тысяч свободных квартир; каждой коммуне выделялся свой сектор города. И выбор дома должен был соответствовать этому делению, хотя такое правило не распространялось на джедов, для них предназначались резиденции, выходившие на главную площадь.

Когда я наконец привел в порядок свое жилье или, скорее, присмотрел за тем, чтобы это было сделано, время уже близилось к закату, и я поспешил наружу с намерением выяснить, где расположилась Сола со своим питомцем. А еще я был полон решимости поговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости помириться, пока не отыщется способ бежать отсюда. Я тщетно искал Солу и Дею до тех пор, пока верхний край огромного красного солнца почти не исчез за горизонтом, а потом вдруг заметил уродливую голову Вулы в окне второго этажа на противоположной стороне той самой улицы, где поселился я сам, только ближе к площади.

Не ожидая приглашения, я взлетел по винтовой лестнице на второй этаж и был восторженно встречен Вулой. Пес навалился на меня всей своей тушей, едва не уронив на пол; мне подумалось, что бедолага на радостях готов меня сожрать: его пасть растянулась от уха до уха и три ряда клыков обнажились в улыбке огородного пугала.

Успокоив его несколькими словами и лаской, я огляделся в быстро наступавшей тьме, но не увидел Деи Торис и окликнул ее по имени. Из дальнего угла помещения послышался невнятный шум, и в два шага я очутился рядом с ней, съездившейся среди вороха шкур и шелков на древнем резном сиденье. Я остановился напротив, а Дея Торис встала, выпрямилась во весь рост и сказала, глядя мне прямо в глаза:

– Что нужно Дотару Соджату, таркианину, от его пленницы Деи Торис?

– Дея Торис, не знаю, чем я тебя разгневал. У меня и в мыслях никогда не было обижать ту, которую я надеялся защищать и утешать. Пусть этого не будет, раз такова твоя воля, но ты должна помочь мне при возможности устроить твой побег, и это уже не просьба, а приказ. Когда ты снова будешь в безопасности, при дворе твоего отца, ты можешь поступить со мной как пожелаешь, но с этого момента и до того дня – я твой господин и ты должна повиноваться и помогать мне.

Она смотрела на меня долго, серьезно, и мне показалось, что она слегка смягчилась.

– Я поняла твои слова, Дотар Соджат, – ответила она наконец. – Но тебя я не понимаю. Ты представляешь собой странную смесь ребенка и мужчины, дикаря и вельможи. Мне очень хотелось бы читать в твоём сердце.

– Посмотри вниз, Дея Торис: мое сердце лежит у твоих ног, там, куда оно упало в ту самую ночь в Корате, и оно будет вечно биться ради тебя, пока смерть не успокоит его.

Дея Торис сделала маленький шаг ко мне, ее прекрасные руки взлетели в странном жесте, словно что-то нащупывая.

– Что ты хочешь этим сказать, Джон Картер? – прошептала она. – Что такое ты говоришь?

– Я повторяю обещание, данное самому себе, но не следовало говорить тебе о нем, по крайней мере до тех пор, пока ты не перестанешь быть пленницей зеленых людей; а из-за твоих отношения ко мне в последние двадцать дней я уже думал, что никогда этого не скажу. Так вот, Дея Торис, я твой телом и душой и готов служить тебе, сражаться за тебя и умереть ради тебя. Лишь об одном сейчас прошу: не отвечай на мои слова – ни проклятием, ни одобрением, – пока не окажешься в безопасности среди своего народа, и не дари мне нежных чувств из благодарности, что бы я ни совершил ради тебя. Знай, я делаю все это прежде всего для себя, потому что мне доставляет радость и удовольствие быть твоим слугой.

– Я исполню твоё желание, Джон Картер, поскольку твои мотивы мне ясны; принимаю твою службу по доброй воле и охотно склоняюсь перед твоей властью; твоё слово станет для меня законом. Я дважды была несправедлива к тебе в своих мыслях и снова прошу прощения.

Далее мы повели разговор на личные темы, но его прервало появление Сола. Обычно спокойная и сдержанная, она выглядела весьма взволнованной.

– Эта ужасная Саркойя была у Тала Хаджуса, – воскликнула она, – и судя по тому, что я слыхала на площади, для вас обоих почти нет надежды!

– И что люди говорят? – спросила Дея Торис.

– Что вас бросят диким калотам (собакам) на большой арене, как только начнутся ежегодные игры.

– Сола, – заговорил я, – ты таркианка, но ненавидишь обычаи своего народа точно так же, как мы. Не составишь ли нам компанию, если мы ударимся в бег? Я уверен, что Дея Торис предложит тебе дом и защиту на своей родине, и там твоя судьба вряд ли изменится к худшему.

– Да! – воскликнула Дея Торис. – Идем с нами, Сола! Тебе будет лучше среди красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать тебе не только дом, но и любовь и привязанность, которых жаждет твоя натура и которых ты лишена среди своих сородичей. Идем с нами, Сола; мы можем уйти и одни, но тебя будет ждать нечто ужасное, если они подумают, что ты нам помогала. Я знаю, даже страх наказания не заставит тебя помешать нашему побегу, но мы хотим, чтобы и ты отправилась с нами в страну счастливых восходов. Там живут люди, которым известен смысл любви, сочувствия, благодарности. Скажи, что пойдешь, Сола, скажи, что ты согласна!

– Великий водный путь к Гелиуму пролегает всего в пятидесяти милях к югу отсюда, – негромко заговорила Сола, будто сама с собой. – Быстрый флот одолеет это расстояние за три часа; останется еще пять сотен миль до Гелиума, и в основном через малонаселенные районы. Зеленым марсианам это известно, и они погонятся за нами. Мы сможем некоторое время прятаться среди больших деревьев, но шансы на побег на самом деле очень малы. Нас будут преследовать до самых ворот Гелиума, рискуя жизнью на каждом шагу. Ты плохо знаешь моих соплеменников.

– А есть другой путь к Гелиуму? – спросил я. – Ты не могла бы нарисовать приблизительную карту местности, Дея Торис?

– Да, – кивнула она и, вынув из волос шпильку с огромным бриллиантом, начертила на мраморном полу первую карту барсумианских земель, какую я увидел.

Карту во всех направлениях пересекали длинные прямые линии, где-то они шли параллельно, а где-то сходились у огромных кругов. Линии, пояснила Дея Торис, изображали собой водные пути, круги – города, среди которых далеко на северо-западе был Гелиум. Попадались города и поближе, но Дея Торис сказала, что большинство из них недружелюбны к Гелиуму и она боится входить в них.

Наконец, внимательно изучив карту в лунном свете, уже заливавшем комнату, я показал на один из водных путей – он был обозначен далеко на севере и, судя по всему, вел к Гелиуму.

– Вот этот канал пересекает территории твоего деда? – спросил я.

– Да, – подтвердила Дея Торис, – но он находится в двухстах милях к северу от нас; мы перешли его, направляясь к Тарку.

– Никому и в голову не придет, что мы попытаемся пойти по такой далекой полосе, – сказал я, – и именно поэтому мне кажется, что это наилучший маршрут для нашего побега.

Сола согласилась со мной, и было решено, что мы покинем Тарк прямо этой ночью, то есть сразу, как только я найду и оседлаю моих фоатов. Сола поедет на одном, мы с Деей Торис – на втором; каждый из нас возьмет с собой пищи и воды по крайней мере на два дня, поскольку нельзя было слишком гнать животных.

Я велел Соле направиться вместе с Деей Торис по одной из наиболее пустынных улиц к южной границе города, где я должен был забрать их, как только смогу; потом, предоставив женщинам собирать еду, шелка и шкуры, которые нам наверняка понадобятся, я тихо спустился на первый этаж и вышел во двор, где, как обычно, животные бродили с места на место, прежде чем устроиться на ночь.

В тени здания, скрытое от лучей сияющих марсианских лун, топталось большое стадо. Зитидары издавали низкий утробный звук, а фоаты время от времени пронзительно визжали – это означало, что они злятся. Для них такое состояние было делом обычным. Но сейчас они вели себя тише, поскольку рядом не было людей, – однако стоило фоатам почуять меня, как они встревожились, и шум стал громче. Было весьма рискованно входить в загон фоатов одному, ночью, прежде всего потому, что звуки могли насторожить живущих по соседству воинов, заставив их заподозрить неладное, а также по той причине, что какое-то из огромных животных ни с того ни с сего могло броситься на меня.

Совершенно не желая дразнить их в такую ночь, когда слишком многое зависело от осторожности и быстроты, я затаился в тени, готовый в любой момент метнуться в ближайшую дверь или окно. И так я бесшумно крался к большим воротам в задней части двора, что открывались на улицу, а когда добрался до выхода, тихо позвал своих двух фоатов. Теперь я благодарил доброе Провидение за то, что оно позволило мне предусмотрительно завоевать любовь и доверие этих туповатых тварей, потому что в этот момент две огромные туши помчались ко мне, проталкиваясь сквозь окружавшее их стадо.

Они подошли и принялись тереться об меня носами, выпрашивая лакомства, которыми я всегда их вознаграждал. Я приказал двум здоровенным животным выйти, а потом тихо скользнул следом за ними, заперев за собой ворота.

Я не стал прямо там седлать фоатов или садиться верхом, а вместо того, прячась в тени зданий, тихо направился к одной довольно пустынной дороге, что вела к нужному месту, где была назначена встреча с Деей Торис и Солой. С осторожностью бестелесных духов мы с фоатами крались по тихим улицам, и, лишь увидев равнину за городом, я вздохнул полной грудью. Я был уверен, что Солу и Дею Торис по пути никто не заметит, но за себя я беспокоился, ведь вместе со мной шли два гиганта, а воин едва ли мог покинуть город после наступления темноты.

Я благополучно добрался до места встречи. Дея и Сола еще не пришли, и я решил загнать животных в вестибюль большого здания. Предположив, что кто-то из домашних задержал Солу разговорами и не позволил ей скоро уйти, я не испытывал особых опасений. Но минул почти час, а женщины не явились. Через полчаса меня уже переполняла мрачная тревога. Потом ночную тишину вдруг нарушил топот, и это явно не могли быть беглянки, тайно стремившиеся к свободе. Вскоре отряд приблизился, и я, скрываясь в черной густой тени, разглядел два десятка верховых. Проезжая мимо меня, они обменялись несколькими словами, от которых мое сердце упало.

– Он, скорее всего, договорился встретиться с ними за городом, так что...

Больше я ничего не слышал, они уже удалились, но мне хватило и этого. Наши планы были раскрыты, и с этого момента все рухнуло. Я теперь надеялся лишь на то, что сумею неза-

меченным вернуться в жилище Деи Торис и узнать, что с ней произошло, но как это сделать в компании двух огромных чудовищ, я не представлял, ведь город наверняка уже был пробужден вестью о моем побеге...

Тут мне в голову пришла идея. Зная особенности застройки в древних марсианских городах, где внутри каждого квартала был большой двор, я вслепую двинулся через темные помещения, позвав за собой фоатов. Они с трудом протиснулись через некоторые двери, но, поскольку здания на краю города проектировались с помпезностью и строились с большим размахом, фоаты все же нигде не застряли; и таким образом, мы наконец очутились во внутреннем дворе. Как и ожидалось, он сплошь зарос похожими на мох растениями. Теперь животные будут обеспечены едой и питьем до тех пор, пока я не смогу вернуться за ними и отвести их в собственное стойло. Здесь фоаты почувствуют себя так же вольготно, как в любом другом месте, и станут вести себя тихо, в чем я был уверен. Едва ли их кто-то обнаружит, потому что зеленые марсиане избегают домов на окраинах: сюда слишком часто забредают единственные существа, которых местные жители по-настоящему боятся, – большие белые обезьяны.

Сняв с фоатов седла, я спрятал их у черного входа, через который мы и попали на это «пастбище», и, освободив животных, быстро направился к зданию напротив, чей фасад выходил на другую улицу. Я немного выждал у двери, убедился, что никого поблизости нет, а потом быстро перебежал дорогу и нырнул в другой дом. Оттуда тоже был выход во двор. Вот так, тайком, я и пробирался дворами из квартала в квартал, рискуя, что меня застанут переходящим улицу, но этого не случилось, и мне удалось благополучно добраться до жилища Деи Торис.

Во внутреннем дворе, конечно же, бродили фоаты тех воинов, которые были расквартированы по соседству, сами же они ожидали моего появления, но, к счастью, я знал иной способ попасть на верхний этаж, где рассчитывал найти Дею Торис. Для начала следовало вычислить ее окна (я ведь никогда не видел этот дом со стороны двора), а затем, пользуясь преимуществом своей относительно большой силы, – подпрыгнуть вверх. Изловчившись, я ухватился за подоконник на втором этаже. Здесь, по моим предположениям, должно было находиться окно ее квартиры. Подтянувшись и прыгнув внутрь, я осторожно двинулся вперед, но, не успев дойти до дверей комнаты, различил чьи-то голоса.

Я не стал спешить, а прислушался, желая убедиться, что встречу там именно Дею Торис и что мне можно войти. Предосторожность оказалась нелишней – за дверями разговаривали мужчины, их голоса звучали низко, гортанно, а слова, которые донеслись до моего слуха, послужили весьма своевременным предупреждением. Говоривший был кем-то из вождей, и он отдавал приказ своим воинам:

– Когда он вернется в свое жилище, а вернется он наверняка, как только поймет, что она не придет на окраину города, вы четверо сразу броситесь на него и обезоружите. Вам для этого понадобится вся ваша сила, если те донесения, что пришли из Корада, правдивы. Когда вы свяжете пришельца, тащите его в подвалы под дворцом джедака и тщательно закуйте в цепи, пусть ждет там решения Тала Хаджуса. Не позволяйте ему ни с кем говорить и никого не пускайте к нему, пока не будет высочайшего указания привести его к правителю. Девушка уже в руках джедака, и пусть ее предки пожалеют ее, потому что Тал Хаджус жалости не знает. Великая Саркойя отлично потрудилась этой ночью. Я ухожу, и, если вы не сумеете его поймать, когда он появится, ваши тела упадут в холодные воды реки Исс.

XVII

Снова плен

Договорив, вождь собрался выйти из комнаты через ту дверь, возле которой я стоял, но мне незачем было ждать чего-то еще; я уже услышал достаточно, чтобы моя душа наполнилась страхом, и, тихо отступив, я вернулся во двор той же дорогой, что и пришел. План действий созрел в одну секунду; я пересек площадь и выходившую на нее с той стороны улицу и вскоре оказался во дворе дома Тала Хаджуса.

Ослепительно освещенные помещения первого этажа подсказали мне, где искать, и я, подкравшись к окнам, заглянул внутрь. Стало ясно, что добраться до нужного места будет не так легко, как я надеялся, – в комнатах, смотревших во двор, толпились мужчины и женщины. Тогда я запрокинул голову и увидел, что на третьем этаже совсем нет света, значит можно было проникнуть в здание оттуда. Мне понадобилось одно мгновение, чтобы очутиться у верхних окон, и в скором времени я скрылся в спасительной тьме.

К счастью, выбранная мною комната пустовала, и я бесшумно вышел в коридор. Где-то впереди мерцал свет, – должно быть, там была дверь. Но это оказался проход в необъятное помещение, высотой от первого этажа до купола над моей головой. Внизу в круглом зале собралось множество народа, и с одной его стороны красовалось огромное возвышение, на котором сидело на корточках самое отвратительное существо из всех, что мне доводилось видеть. У него, как у всех зеленых марсиан, были холодные, жесткие, грубые черты, вдобавок искаженные звериными страстями, которым этот монстр предавался в течение многих лет. Никаких признаков достоинства или гордости не найти было в этой скотской фигуре; огромное тело чудовища расплзлось по возвышению, подобно адскому осьминогу, и шесть его конечностей лишь подчеркивали это сходство самым ужасающим и неожиданным образом.

Но что действительно заставило меня похолодеть от ужаса, так это присутствие Деи Торис и Сола – они стояли перед правителем Тарка, а он злобно скалился, не сводя с пленниц больших выпуклых глаз и обшаривая взглядом прекрасную фигуру девушки. Дея Торис что-то говорила, но я не мог расслышать ее слов, как не мог разобрать и его ответов. Девушка выпрямилась, высоко вскинув голову, и даже из своего укрытия я сумел прочесть презрение и отвращение на ее лице; она надменно смотрела на Тала Хаджуса, не выказывая ни малейшего страха. Воистину она была гордой дочерью тысячи джеддаков каждой клеточкой своего изящного маленького тела; она выглядела такой крошечной, такой хрупкой рядом с огромными воинами, окружившими ее, но ее королевское величие превращало их в сущих карликов; принцесса была самой могучей фигурой из всех, и я искренне верил, что и они это ощущают.

Вскоре Тал Хаджус подал знак, чтобы все покинули зал и оставили пленниц наедине с ним. Подданные постепенно растворились в тени смежных с залом помещений, а Дея Торис и Сола продолжали стоять перед джеддаком Тарка.

Лишь один из вождей помедлил перед тем, как уйти; я видел, как он замер в тени мощной колонны, его пальцы нервно плясали на рукояти огромного меча, а жестокие глаза пылали непримиримой ненавистью к Талу Хаджусу. Это был Тарс Таркас, и по выражению его лица я мог читать его мысли, словно открытую книгу. Он думал о той женщине, которая сорок лет назад стояла перед этой тварью, и, если бы я мог в тот момент шепнуть некое словечко ему на ухо, с правлением Тала Хаджуса было бы покончено. Но наконец и Тарс вышел из зала, не зная, что оставляет собственную дочь на милость существа, которое ненавидел больше всего на свете.

Тал Хаджус поднялся, и я, боясь и отчасти догадываясь о его намерениях, поспешил к винтовой лестнице, что вела на нижние этажи. Никого не было поблизости, никто не мог меня

остановить, и я незамеченным добрался до главного зала и спрятался за колонной, у которой задержался Тарс Таркас. Тал Хаджус заговорил:

– Принцесса Гелиума, я мог бы выбить из твоего народа огромный выкуп, если бы вернул тебя целой и невредимой, но для меня в тысячу раз предпочтительнее увидеть, как это прекрасное лицо исказится в мучительной агонии – а она будет долгой, уж я тебе обещаю; и десяти дней такого наслаждения было бы мало, чтобы выказать ту любовь, которую я испытываю к вашей расе. Ужасы твоей смерти будут веками преследовать красный народ в ночных кошмарах; твои соплеменники будут содрогаться по вечерам, когда отцы станут рассказывать им об ужасной мести зеленых людей, о мощи и могуществе, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед пытками ты будешь один короткий час принадлежать мне, и весть об этом также долетит до Тардоса Морса, джеджада Гелиума, твоего деда, чтобы он рухнул плашмя на землю от сердечной боли. Завтра начнется пытка, а сегодня ты познаешь, как искусен Тал Хаджус!

Он соскочил с возвышения и грубо схватил Дею Торис за руку, но едва он успел коснуться ее, как я прыгнул между ними. Мой короткий меч, острый и сверкающий, был у меня в правой руке; я мог бы вонзить его в грудь монстра прежде, чем он осознал бы опасность. Я уже замахнулся перед ударом и вдруг вспомнил о Тарсе Таркасе. Несмотря на то что меня переполняли гнев и ненависть, я не смог лишить его наслаждения мстью, ради которой он жил все эти долгие тяжкие годы. Потому я просто врезал правителю кулаком в челюсть, и тот без звука рухнул на пол как мертвый.

В том же гробовом молчании я взял Дею Торис за руку и, жестом велел Соле следовать за нами, быстро повел женщин из зала на верхний этаж. Никем не замеченные, мы оказались у окна во двор, и я, сняв с себя ремни, с их помощью спустил сначала Солу, а потом Дею Торис на землю. После этого я легко спрыгнул вниз, и мы, укрываясь в тени высоких зданий, миновали двор и вернулись на тот путь, которым я шел сюда с далекой окраины города.

В конце концов нам удалось добраться до того места, где я оставил фоатов. Оседлав их, мы двинулись между зданиями к видневшейся за ними дороге. Сола ехала на одном фоате, а Дея Торис на втором, позади меня. Вскоре мы покинули Тарк и поскакали к южным холмам.

Вместо того чтобы обогнуть город и направиться на северо-запад, к ближайшему каналу, мы повернули на северо-восток и помчались по поросшей мхом пустоши, за которой, в двух сотнях опасных и утомительных миль, лежала другая большая артерия, что вела к Гелиуму.

Мы не произнесли ни слова, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие всхлипывания Деи Торис, цеплявшейся за меня и прижимавшейся своей милой головкой к моему плечу.

Наконец она заговорила:

– Если мы достигнем цели, мой вождь, Гелиум будет перед тобой в неоплатном долгу, возместить который невозможно. А в случае провала долг ничуть не станет меньше, хотя Гелиум и не узнает об этом, потому что ты спас последнюю в нашем роду от судьбы куда худшей, чем просто смерть.

Я ничего не ответил, только протянул руку назад и сжал маленькие пальцы любимой, искавшей у меня поддержки, а потом мы в молчании понеслись по желтоватому мху, освещенному луной; каждый из нас погрузился в собственные мысли. Я, наверное, мог бы радоваться и наслаждаться, если бы не обстоятельства, ведь теплое тело Деи Торис прижималось ко мне, и при всех предстоящих опасностях мое сердце пело так же бодро, как будто мы уже достигли ворот Гелиума.

Наш предыдущий план столь печально и внезапно рухнул, что теперь мы оказались без еды и питья, а оружие было только у меня. И потому мы подгоняли наших животных, что могло сказаться на них прежде, чем закончится первый этап нашего путешествия.

Скачка продолжалась всю ночь и весь день, всего несколько раз мы ненадолго останавливались для отдыха. На вторую ночь и мы, и наши фоаты были уже совершенно измучены и потому упали на мох, проспав пять или шесть часов и лишь перед рассветом двинулись в путь. Следующий день прошел в дороге, однако при всей спешке к вечеру мы не увидели вдали деревьев, которые росли у большого канала, проходящего через весь Барсум. Перед нами блеснула ужасная истина: мы заблудились.

Стало очевидным, что мы дали круг, но в какую сторону отклонились, сказать было трудно, нам не удалось сориентироваться ни по солнцу днем, ни по лунам или звездам ночью. В любом случае никаких водных путей мы не обнаружили и уже готовы были рухнуть навзничь от голода, жажды и усталости. Далеко впереди и чуть правее маячили очертания невысоких гор. И мы решили дойти до них – в надежде, что с какой-нибудь вершины сможем увидеть исчезнувший канал. Ночь наступила прежде, чем наш маленький отряд достиг цели, и мы, почти теряя сознание от слабости, упали на землю и заснули.

Рано утром меня разбудило прикосновение – чье-то огромное тело прижалось ко мне, и я, резко открыв глаза, увидел милого старину Вулу, приткнувшегося к своему хозяину, – верный пес последовал за нами по бездорожью пустыни, чтобы разделить нашу судьбу, какой бы она ни была. Обхватив его за шею, я прижался щекой к его голове, ничуть не стыдясь своей сентиментальности и слез, выступивших при мысли о его любви ко мне. Вскоре проснулись и Дея Торис с Солой, и мы решили, что сразу же двинемся к холмам.

Проехав едва ли милю, я заметил, что мой фоат начал спотыкаться и пошатываться самым жалостным образом, хотя мы и не гнали животных с полудня предыдущего дня. Внезапно он резко наклонился вбок и упал. Дея Торис и я опустились на мох рядом с ним, едва не плача; бедное создание было в ужасном состоянии и не могло подняться, хотя и избавилось от нашего веса. Сола объяснила мне, что ночная прохлада и отдых несомненно поставят его на ноги, и потому я решил не убивать фоата. Сначала я хотел это сделать, поскольку счел слишком жестоким оставлять его здесь одного умирать от голода и жажды. Освободив скакуна от упряжи и бросив ее рядом с ним, мы предоставили бедолагу его судьбе и двинулись дальше. Мы с Солой пошли пешком, посадив Дею Торис на спину фоата, хотя она того и не желала. Таким образом, удалось приблизиться к холмам еще на милю, но тут Дея Торис с высоты своего наблюдательного пункта заметила, что большой отряд верховых спускается с перевала между

вершинами в нескольких милях от нас. Мы с Солой посмотрели туда и действительно увидели несколько сотен воинов. Они направлялись на юго-запад и вполне могли миновать нас.

Это, без сомнения, была погоня, и мы вздохнули с огромным облегчением оттого, что таркиане устремились в противоположную от нас сторону. Быстро сняв Дею Торис со спины фоата, я приказал животному лечь, и мы сами тоже бросились на землю, боясь привлечь к себе внимание преследователей.

Вскоре почти все они спустились к подножию гор и пропали из виду. Но если бы таркиане задержались наверху подольше, то наверняка обнаружили бы нас. И тут, к нашему ужасу, замыкающий остановился на перевале, приложив к глазам маленький, но мощный полевой бинокль и осматривая старое морское дно во всех направлениях. Этот марсианин явно был вождем, потому что в подобных рейдах предводители всегда ехали в самом конце колонны. Когда таркианин повернулся к нам, наши сердца на миг перестали биться, и я почувствовал, как все мое тело покрылось холодным потом.

Воин вдруг замер. Наши напряженные до предела нервы готовы были лопнуть, и я сомневаюсь, что кто-то из нас дышал в те секунды, когда он рассматривал нас. А потом вождь опустил бинокль, и мы видели, как он что-то крикнул подчиненным, которые уже скрылись из глаз. Но предводитель не стал дожидаться, пока отряд присоединится к нему, а сразу бешено погнал своего фоата в нашу сторону.

У нас оставался лишь один слабый шанс, и мы должны были немедленно воспользоваться им. Вскинув к плечу мою странную марсианскую винтовку, я прицелился и коснулся кнопки, которая служила спусковым крючком; последовала резкая вспышка, взрыв, когда снаряд достиг своей цели, и пораженный вождь покатился назад со спины скакуна.

Вскочив на ноги, я заставил фоата подняться, велел Соле садиться на него вместе с Деей Торис и изо всех сил гнать его к холмам, пока сюда не примчались зеленые воины. Я знал, что женщины смогут найти временное укрытие в ущельях и оврагах. В конце концов, лучше умереть там от голода и жажды, чем попасть в руки таркиан. Сунув беглянкам два моих револьвера для защиты, я подхватил Дею Торис и усадил ее в седло позади Сола.

– До свидания, моя принцесса, – прошептал я. – Мы можем еще встретиться в Гелиуме. Я выбирался из передряг и похуже этой. – И я попытался улыбнуться, чтобы скрыть свою ложь.

– Как! – воскликнула она. – Ты разве не едешь с нами?

– Как я могу, Дея Торис? Кто-то ведь должен задержать на время этих ребят, а мне легче будет ускользнуть от них в одиночку, чем вместе с вами.

Она тут же спрыгнула с фоата и, обняв меня за шею своими милыми ручками, обернулась к Соле и произнесла с тихим достоинством:

– Беги, Сола! Дея Торис останется, чтобы умереть с мужчиной, которого она любит.

Эти слова врезались в мое сердце. Ах, я бы с радостью тысячу раз отдал жизнь только за то, чтобы услышать их снова! Увы, мне нельзя было и лишней секунды побыть в сладостных объятиях любимой, впервые прижавшись губами к ее губам... Я снова поднял Дею на спину фоата, приказав Соле удерживать принцессу силой, а потом хлопнул животное по боку и увидел, как они уносятся прочь, причем Дея Торис изо всех сил пыталась вырваться из рук Сола.

Обернувшись, я посмотрел на зеленых воинов, которые скакали по склонам в поисках своего вождя. Скоро они заметили его, а потом и меня, но в тот самый момент я открыл стрельбу, растянувшись на животе во мху. У меня было около сотни снарядов в магазине винтовки и еще сотня – в патронташе на спине, и я поливал марсиан огнем до тех пор, пока не убедился, что преследователи, явившиеся с перевала, либо убиты, либо попрытались.

Но это была лишь краткая отсрочка. Вскоре весь отряд, около тысячи человек, появился впереди; зеленые воины яростно мчались в мою сторону. Я стрелял, пока не кончились снаряды. Враги почти добрались до меня, и в эту минуту я оглянулся. Дея Торис и Сола исчезли

среди расселин. Тогда я поднялся на ноги, отбросил бесполезную винтовку и пошел прочь от холмов.

Если марсианам и доводилось когда-либо видеть искусство прыжков, так это в тот день, много лет назад; и хотя зрелище отвлекло изумленных воинов от преследования Деи Торис, но не охладило их желания поймать меня.

Они бешено гнались за мной, и вдруг моя нога застряла среди выступающих из земли кусков кварца, и я растянулся на мху. Глядя, как приближаются враги, я выхватил свой короткий меч в попытке как можно дольше защищать свою свободу, однако вскоре все было кончено. Я просто задохнулся под навалившейся на меня массой тел; у меня закружилась голова, в глазах потемнело – и я провалился в небытие.

XVIII

Заточение в Вархуне

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я очнулся. Прекрасно помню, как был удивлен тому, что до сих пор жив.

Я лежал на куче спальных шелков и шкур в углу небольшой комнаты, в которой находились несколько зеленых воинов, а надо мной склонилась уродливая древняя старуха.

Как только я открыл глаза, она обернулась к воинам со словами:

– Он будет жить, о джед!

– Это хорошо, – откликнулся тот, к кому она обращалась, встал и подошел к моей постели. – Он будет отлично выглядеть на Больших играх.

Теперь, когда я его хорошо рассмотрел, мне стало ясно, что это не таркианин, – его украшения и знаки различия не принадлежали той орде. Это был здоровенный парень со множеством шрамов на лице и груди, со сломанным клыком и без одного уха. На его шее висели человеческие черепа и соответственное количество высушенных человеческих рук.

Его упоминание о Больших играх, о которых поговаривали в Тарке, убедило меня: я прыгнул из чистилища в ад.

Обменявшись со старухой еще парой фраз (причем та заверила его, что я уже полностью готов к путешествию), джед приказал седлать скакунов и догонять главный отряд.

Меня крепко привязали к самому дикому из неукротенных фоатов Марса, и в сопровождении верховых, ехавших по обе стороны от меня и следивших, чтобы тварь подо мной не взбрыкивала, я бешено поскакал вперед. Мои раны не слишком болели, потому что их быстро исцелили чудесные мази и уколы опытной знахарки, а еще она весьма искусно перевязала и залепила пластырями все ушибы и ссадины на моем теле.

Лишь перед наступлением темноты мы догнали главный отряд и вскоре после того остановились и разбили лагерь на ночь. Меня тут же отвели к главному командиру, и тот оказался джеддаком Вархуна.

Как и джед, поймавший меня, он был покрыт ужасными шрамами и увешан человеческими черепами и высушенными кистями рук, что, похоже, отмечало самых великих воинов Вархуна, а также говорило об их чудовищной свирепости. Тут они могли бы заткнуть за пояс даже таркиан.

Этот джеддак, Бар Комас, был сравнительно молод. Отчего-то он вызывал зависть и ненависть у старшего из своих военачальников Дака Ковы, который поймал меня, и я не мог не заметить, как тот преднамеренно задевал, а то и прямо оскорблял своего командира.

Дак Кова демонстративно не стал салютовать, как то было принято, когда мы предстали перед джеддаком, а просто грубо толкнул меня вперед и воскликнул низким угрожающим тоном:

– Я привел странное существо, которое носит знаки Тарка и которого я с удовольствием увидел бы сражающимся с диким фоатом на Больших играх.

– Он умрет, если Бар Комас, твой джеддак, сочтет это нужным, – ответил молодой правитель с подчеркнутым достоинством.

– И все? – прорычал Дак Кова. – Клянусь мертвыми руками на моей шее, он умрет, Бар Комас! И даже твое плаксивое слабодушие его не спасет! О, если бы Вархуном управлял настоящий джеддак, а не какой-то мягкосердечный слабак, с которого даже старый Дак Кова мог бы сорвать знаки голыми руками!

Бар Комас мгновение-другое пристально смотрел на дерзкого вождя, и на его лице были написаны высокомерие, бесстрашное презрение и ненависть, а потом, не потрудившись взяться за оружие и не произнеся ни слова, он вдруг бросился вперед и схватил клеветника за горло.

Я ни разу не видел, чтобы два зеленых марсианских воина дрались без привычного оружия и с таким звериным бешенством. Эта картина была страшнее, чем порождение большого рассудка. Они старались выдрать друг другу глаза и оторвать уши, а их сверкающие клыки то и дело сталкивались и впивались во вражескую плоть, пока оба бойца не были исполосованы с головы до ног.

Бар Комас дрался лучше, он был сильнее, проворнее и явно умнее. И вскоре уже казалось, что схватка завершена, осталось нанести последний, смертельный удар, но тут Бар Комас поскользнулся и ослабил клинч. Возник небольшой зазор, в котором и нуждался Дак Кова, и он, бросившись всем телом на противника, вонзил свой единственный огромный клык в его пах и последним мощным усилием распорол тело молодого джеддака почти во всю длину, а его бивень застрял в челюсти Бара Комаса. Победитель и побежденный бессильно рухнули на мох, превратившись в немую огромную массу изодранной кровоточащей плоти.

Бар Комас был мертв, и лишь невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от заслуженной кары небес. Три дня спустя он уже без посторонней помощи подошел к телу Бара Комаса, которое, по обычаю, оставили там, где он упал, и, поставив ногу на шею прежнего правителя, принял на себя титул джеддака Вархуна.

Кисти рук мертвого вождя и его голова были отрезаны, чтобы пополнить коллекцию победителя, а потом женщины сожгли то, что осталось, под дикий и ужасный хохот.

Из-за ран Дака Ковы пришлось отложить дальнейший поход, целью которого было уничтожение инкубатора одной из небольших таркианских общин. Это решили сделать после игр, так что орда, около десяти тысяч числом, вернулась в Вархун.

Мое знакомство с этим жестоким и кровожадным племенем оказалось лишь робкой прелюдией к оргии, свидетелем которой мне пришлось стать в Вархуне. Ни дня не проходило без того, чтобы кто-то из членов разнообразных местных общин не столкнулся в беспощадной схватке. За один-единственный день я увидел целых восемь смертельных дуэлей.

Мы добрались до Вархуна после трех дней пути, и меня тут же бросили в какой-то подвал и крепко приковали цепями к полу и стенам. Еду мне приносили время от времени, но в крошечном мраке было не определить, сколько дней, недель или месяцев я там провел. Это было самое ужасное испытание за всю мою жизнь, и как мой ум не погрузился в чернильную тьму, до сих пор остается для меня загадкой. Подвал был полон каких-то ползучих существ; холодные, извилистые тела перебирались через меня, когда я ложился, и порой я замечал в темноте блеск злобных глаз, неотрывно следивших за мной. Из внешнего мира до меня не доносилось ни звука, а мои тюремщики не произносили ни слова, когда давали мне пищу, хотя поначалу я буквально бомбардировал их вопросами.

Наконец ненависть и отвращение, которые я испытывал к мерзким существам, заточившим меня в этом жутком месте, по каким-то непонятным причинам обратились на того единственного представителя орды Вархуна, который приближался ко мне.

Я заметил, что сторож, приносивший с собой слабо горящий факел, всегда оставлял еду на доступном для меня расстоянии и, когда наклонялся, чтобы положить все на пол, его голова оказывалась примерно на уровне моей груди. И вот, с хитростью безумца, я попытался в дальний угол подвала, когда в следующий раз услышал его шаги, и, подтянув потуже провисшую цепь, что удерживала мою руку, ожидал его появления, присев на корточки и напружинив ноги, словно хищник в засаде. Когда сторож наклонился, чтобы поставить миску на землю, я взмахнул цепью над своей головой и изо всех сил обрушил ее звенья на его череп. Марсианин без звука рухнул на пол.

Смеясь и что-то бормоча, точно какой-нибудь идиот, я упал на его распростертое тело и принялся ощупывать шею мертвеца. И наконец нашарил тонкую цепочку, на конце которой болталось несколько ключей. Стоило моим пальцам коснуться их, как ко мне внезапно верну-

лись разум и здравый смысл. Я уже не был лепечущим нечто бессвязное сумасшедшим, я стал нормальным рассудительным человеком, державшим в руках средство для побега.

Снимая цепочку с шеи моей жертвы, я посмотрел в темноту – и увидел шесть пар сверкающих глаз, которые не мигая уставились на меня. Они медленно приближались, а я так же медленно пятился от них, полный ужаса. Очутившись снова в своем углу, я съежился, выставив перед собой ладони и неотрывно глядя на жуткие глаза, пока они не замерцали над мертвым телом у моих ног. А потом они снова начали удаляться, но на этот раз с каким-то странным скрежещущим звуком и наконец исчезли где-то в темноте дальних углов подвала.

XIX

Сражение на арене

Я медленно пришел в себя и снова шагнул к трупам моего тюремщика, чтобы забрать ключи. Но когда я во мраке добрался до того места, где он упал, то, к своему ужасу, обнаружил, что тело исчезло. И тут только я понял: обладатели тех сверкающих глаз утащили мой приз, чтобы сожрать его где-то недалеко, в своих логовах; они ведь ждали дни, недели, месяцы – все то время, пока я находился в страшном заключении, и надеялись в конце концов насытиться моим мертвым телом.

Судя по всему, еды мне не приносили два дня, а потом появился новый сторож, и мое заключение продолжилось, но я уже не позволял своему рассудку утонуть в ужасе моего положения.

Вскоре после того в подвал привели другого пленника и заковали его. При тусклом свете факелов я увидел, что это краснокожий марсианин, и едва мог дожидаться ухода стражников, чтобы заговорить с ним. Когда их шаги затихли вдали, я негромко произнес марсианское приветствие: «Каор!»

- Кто ты, говорящий со мной из темноты? – спросил марсианин.
- Джон Картер, друг красных людей из Гелиума.
- Я из Гелиума, – сказал он, – но не припомню твоего имени.

И тогда я поведал ему свою историю – ту, что записана здесь, – утаив лишь свое чувство к Деи Торис. Марсианин был весьма взволнован вестями о принцессе Гелиума и, похоже, не сомневался в том, что она и Сола могли без труда добраться до безопасного места. Он сказал, что хорошо знает ту местность, поскольку перевал, откуда воины Вархуна увидели нас, был единственным по пути на юг.

– Дея Торис и Сола наверняка нашли укрытие в холмах милях в пяти от большого водного пути, не дальше, и теперь, скорее всего, им уже ничто не грозит, – заверил он меня.

Моего «сокамерника» звали Кантос Кан, он был падваром (лейтенантом) военного флота Гелиума и участвовал в злосчастной экспедиции, что попала под обстрел таркиан в тот день, когда они захватили в плен Дею Торис. Кантос Кан вкратце рассказал мне о событиях, следовавших за поражением боевых кораблей.

Сильно поврежденные, они плохо слушались руля и возвращались в Гелиум медленно, а когда пролетали мимо города Зоданга, столицы заклятых врагов красных барсумиан, на них напала вражеская эскадра, и все суда, кроме того, на котором находился Кантос Кан, были уничтожены либо захвачены. А его судно несколько дней преследовали три военных корабля зоданганцев, однако красным марсианам удалось сбежать во тьме безлунной ночи.

Корабль Кантоса Кана прибыл в Гелиум месяц спустя после пленения Деи Торис (примерно в то же время, когда мы с ней добрались до Тарка). Из команды судна, что состояла из семи сотен офицеров и рядовых, уцелело меньше десятка. И сразу же семь больших флотилий, каждая по сто могучих боевых кораблей, отправились спасать Дею Торис, и с этих огромных судов постоянно вылетали две тысячи маленьких челноков, продолжавших непрерывные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица Барсума этими флотилиями, но никаких следов Деи Торис так и не удалось обнаружить. Ее искали среди северных орд и лишь в последние несколько дней стали высылать разведку в южную сторону.

Кантос Кан управлял одним из маленьких одноместных челноков, и его, к несчастью, заметили зеленые из Вархуна, когда он обследовал их город. Храбрость и отвага этого воина завоевали мое величайшее уважение и восхищение. Он в одиночку приземлился у границы города и пешком пробирался по узким улицам вокруг площади. Два дня и две ночи он изу-

чал квартал за кварталом, заглядывая в подвалы, надеясь обнаружить горячо любимую принцессу, – но в итоге попал в руки зеленых воинов, когда уже собирался уходить, окончательно решив, что Деи Торис тут нет.

За время нашего заточения мы с Кантосом Каном познакомились ближе, и между нами зародилась теплая дружба. Однако прошло всего несколько дней, и нас вытащили из подвала ради Больших игр. Ранним утром нас отвели в огромный амфитеатр, который был выстроен не на поверхности, а заглублен в землю. Его частично завалило обломками, так что трудно было определить первоначальные масштабы этого сооружения. В нынешнем своем состоянии оно вмещало двадцать тысяч обитателей Вархуна.

Арена была громадной, но заброшенной и чрезвычайно неровной. Вокруг нее громоздились камни от разрушенных строений древнего города – чтобы не дать зверям и пленникам сбежать и очутиться среди зрителей, – а по краям стояли клетки, в которых участников бойни держали до того момента, когда наставала их очередь встретить ужасную смерть на арене.

Нас с Кантосом Каном заперли вместе в одной из клеток. В других находились дикие калоты, фоаты, бешеные зитидары, воины и женщины из других орд, а также множество странных и злобных существ Барсума, каких я до сих пор ни разу не видел. Они оглушительно рычали, ревели, визжали, а ужасающего вида любого из них было достаточно для того, чтобы даже самое храброе сердце омрачилось от безысходности.

Кантос Кан объяснил мне, что к концу дня один из пленников сможет завоевать свободу, а остальным придется умереть на арене. Победители разнообразных поединков будут сражаться друг с другом, пока в живых не останутся только двое; и выигравший схватку окажется на свободе, будь то человек или зверь. А на следующее утро в клетках появятся новые жертвы, и так далее – все десять дней Больших игр.

Вскоре после того, как нас затолкали за решетку, амфитеатр начал заполняться, и в течение часа в нем не осталось ни единого свободного места. Дак Кова, вместе с джедами и вождями, сидел в центре на большом возвышении с одной из сторон арены.

По сигналу Дака Ковы двери двух клеток распахнулись во всю ширь, и с дюжину зеленых марсианских женщин вытолкнули на середину арены. Каждой дали кинжал, а потом с другой стороны на них выпустили стаю из двенадцати калотов – диких собак.

Когда твари, рыча и роняя пену из пасти, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, не в силах смотреть на подобные ужасы. Визг и хохот зеленой орды зрителей, радовавшихся отличному зрелищу, оглушал; когда Кантос Кан сказал мне, что все кончено, я снова взглянул на арену и увидел всего трех торжествующих псов, рычавших и скаливших зубы над телами своих жертв. Марсианки показали себя отважными воительницами.

Следующим стал бешеный зитидар, которого натравили на оставшихся собак. Таким было продолжение этого кошмарного дня, длинного и жаркого.

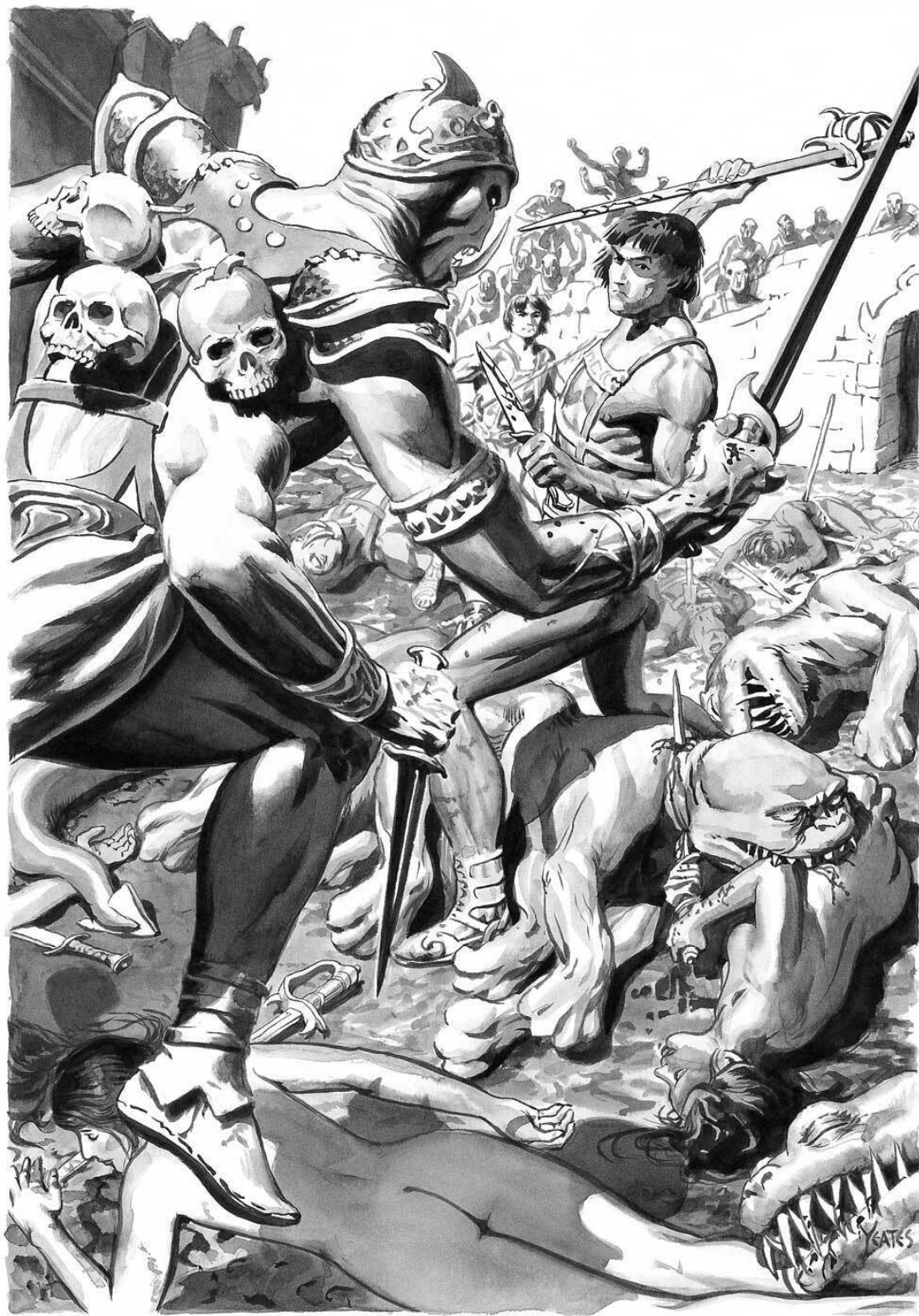
Меня заставляли драться сначала с людьми, потом со зверями, но, поскольку я был вооружен длинным мечом, превосходил своих противников в ловкости и, как правило, в силе, для меня все это выглядело детской забавой. Я снова и снова завоевывал аплодисменты кровожадной публики и к концу дня даже слышал крики, что меня нужно увести с арены и принять в орду Вархуна.

Наконец бойцов осталось всего трое – огромный зеленый воин из какой-то северной орды, Кантос Кан и я.

Те двое должны были сразиться между собой, а потом мне предстояла схватка с победителем. Оставшийся в живых получал свободу.

Кантос Кан в течение этого дня дрался уже несколько раз и, как я сам, всегда одерживал победу, но иной раз с большим трудом, в особенности когда выступал против зеленых воинов. Я все же надеялся, что он постарается совладать с последним противником, несокрушимым гигантом. Этот парень вымахал почти до шестнадцати футов, в то время как рост Кантоса Кана

не достигал и шести. Когда они двинулись навстречу друг другу, я впервые увидел особый прием марсианских воинов – трюк, благодаря которому все шансы Кантоса Кана сводились к одному-единственному броску... Очутившись примерно в двадцати футах от гиганта, он занес свой меч над головой, отведя его назад, и могучим толчком послал острием вперед. Меч пронесся, как стрела, и пронзил сердце дьявола, уложив его бездыханным на арену.

Теперь Кантосу Кану и мне предстояло сражаться друг с другом.

Теперь Кантосу Кану и мне предстояло сражаться друг с другом, но, когда мы сошлись, я шепнул ему, что нужно затянуть бой до темноты, а потом мы найдем способ сбежать. Орда явно решила, что мы трусим, зрители завывали от ярости, видя, что ни один из нас не наносит смертельного удара. Как только упали сумерки, я шепотом велел Кантосу Кану сунуть меч между моей левой рукой и боком. Он сделал это, ну а я шатнулся назад, крепко ухватившись за меч рукой, и упал на землю вместе с клинком, будто бы торчавшим из моей груди. Кантос Кан оценил мой ход и, быстро шагнув вперед, поставил ногу мне на шею и выдернул меч, тут же замахнувшись для последнего удара по горлу противника. Холодное лезвие, вместо того чтобы рассечь яремную вену, скользнуло мимо, вонзившись в песок арены. В уже наступившей темноте все были уверены, что Кантос Кан прикончил меня. Я шепнул ему, чтобы он отправился требовать заработанную свободу, а потом ждал меня в холмах к востоку от города; с этим он покинул меня.

Когда амфитеатр опустел, я осторожно заполз наверх, и, поскольку огромная котловина была расположена далеко от площади, в незаселенной части большого мертвого города, я без особых трудностей добрался до холмов.

XX

На атмосферной фабрике

Я два дня ожидал Кантоса Кана, но он так и не появился. Тогда я пешком отправился на северо-запад – в той стороне, как он мне говорил, проходил ближайший водный путь. Вся моя пища состояла из молока, которое я добывал из растений; они же давали его весьма щедро.

Я блуждал две долгие недели, шел по ночам, ориентируясь лишь по звездам, и прятался днем за крупными камнями или между холмами, гряды которых пересекал. Несколько раз на меня нападали дикие звери, странные неуклюжие существа выпрыгивали из темноты, так что я никогда не выпускал из руки длинный меч, чтобы быть готовым к атаке. Обычно моя непонятная, недавно приобретенная телепатическая сила предупреждала меня вовремя, но однажды моей шеи коснулись злобные клыки, и волосатая морда очутилась рядом с моим лицом, прежде чем я вообще осознал наличие угрозы.

Что за монстр напал на меня, я не знал, но он был большим, тяжелым и многоногим, это я ощутил. Мои руки сжали его горло до того, как он успел сомкнуть челюсти на моей шее, затем я оттолкнул его от себя и сжал словно тисками, лишая возможности дышать.

Мы лежали на земле, не издавая ни звука, и зверь изо всех сил пытался дотянуться до меня чудовищными клыками, а я удваивал усилия, выжимая из него жизнь и не подпуская к собственному горлу. Постепенно мои руки слабели в неравной борьбе, и косматая морда дюйм за дюймом снова стала приближаться ко мне, я видел горящие глаза и блестящие клыки, потом ощутил прикосновение шерсти к своему лицу и решил, что все кончено. Вдруг из окружавшей нас тьмы вырвалась некая сокрушительная глыба и ринулась на зверя, прижимавшего меня к земле. Два существа покатались по мху, кусая друг друга самым ужасным образом, но вскоре схватка завершилась, и мой спаситель встал, опустив голову над глоткой убитого монстра, чуть не отнявшего мою жизнь.

Ближайшая луна, внезапно выскочив из-за горизонта, осветила барсумианский пейзаж, и я увидел, что спас меня не кто иной, как Вула. Откуда он здесь появился и как отыскал меня? Незачем говорить, что я был рад его компании, но мое удовольствие тут же смешалось с тревогой за Дею Торис, которую пес почему-то покинул. Я был уверен, что только ее смерть могла заставить Вулу уйти, ведь я прекрасно знал, как преданно он выполнял мои приказы.

Вышла вторая луна, и в ярком свете я увидел, что от Вулы осталась одна тень, а когда он увернулся от моей ласки и принялся жадно пожирать труп, я понял, что бедняга совсем изголодался. Я и сам находился в нелучшем состоянии, но не смог заставить себя есть сырое мясо, а добыть огонь у меня не было возможности. Когда Вула покончил с едой, мы двинулись в путь. Я снова продолжил свои тяжкие и, похоже, бесконечные блуждания в надежде отыскать ускользавший от меня водный путь.

На рассвете пятнадцатого дня я с огромной радостью увидел высокие деревья, которые обозначали объект моих поисков. Около полудня мне с трудом удалось дотащить до какого-то гигантского здания высотой в две сотни футов, занимавшего, наверное, около четырех квадратных миль. В его могучих стенах не было отверстий, кроме крошечной двери, возле которой я и опустился на землю в полном изнеможении, так и не заметив вокруг признаков жизни.

Я не нашел ни звонка, ни какой-то другой возможности дать знать о своем присутствии тем, кто находился внутри, разве что маленькая круглая дырка в стене рядом с дверью могла служить этой цели. Она была диаметром примерно с карандаш, и я, думая, что это нечто вроде переговорной трубки, приложил к ней губы, чтобы позвать обитателей, – но в этот момент из отверстия раздался голос, спрашивавший меня, кто я такой, откуда и с какой целью сюда пришел.

Я объяснил, что сбежал из Вархуна и умираю от голода и усталости.

– Ты носишь знаки зеленых воинов, за тобой идет калот, и ты при этом сражался за красного человека? По виду ты ни зеленый, ни красный. Во имя девятого луча, что ты за существо?

– Я друг красных людей Барсума и голоден до смерти. Во имя человечности, впустите нас! – ответил я.

Вскоре дверь начала отодвигаться от меня, пока не углубилась в стену футов на пятьдесят, после чего остановилась и легко скользнула влево, открыв короткий узкий коридор в стене, а на другом его конце я увидел еще одну дверь, абсолютно такую же, как первая. Никого не было видно, но, как только мы переступили порог, она мягко скользнула на место за моей спиной, вернувшись на первоначальную позицию в стене строения. Во время движения двери я заметил ее огромную толщину, не меньше двадцати футов, а когда она снова незыблемо утвердилась за нашими спинами, с потолка опустились огромные стальные цилиндры, точно войдя в предназначенные для них пазы в полу.

Потом передо мной выросли вторая и третья двери, которые точно так же сначала отходили в сторону и после этого возвращались на место, и наконец я добрался до большого внутреннего помещения, где нашел еду и питье, стоявшие на большом каменном столе. Голос велел мне утолить голод и накормить моего калота, и, пока я всем этим занимался, невидимый хозяин подверг меня суровому и подробному допросу.

– Твои заявления весьма необычны, – произнес голос, завершив расспросы. – Но они явно правдивы, и столь же очевидно, что ты родом не с Барсума. Я это могу сказать по структуре твоего мозга и по странному расположению внутренних органов, а также по форме и размерам твоего сердца.

– Ты видишь меня насквозь? – воскликнул я.

– Да, я могу видеть все, кроме твоих мыслей, а будь ты барсумианином, я смог бы их прочесть.

После этого открылась дверь в дальней части помещения, и ко мне направилось нечто вроде маленькой странной мумии. Из одежды и украшений на марсианине был только небольшой золотой воротник, с которого на грудь свисал диск размером с обеденную тарелку, почти сплошь украшенный огромными бриллиантами. В его центре находился странный камень диаметром примерно в дюйм, и этот камень испускал девять четко разграниченных разноцветных лучей: семь – цветов земной радуги, а два других – неизвестных оттенков ошеломительной красоты. Я могу описать их не лучше, чем слепой человек – красный цвет. Знаю лишь одно: они были прекрасны беспредельно.

Старый марсианин сел и говорил со мной несколько часов, и самым странным в нашем общении было то, что я читал каждую его мысль, а он ни на йоту не мог проникнуть в мой ум. Мой собеседник понимал только то, что я произносил вслух.

Я не осведомил его о своих экстрасенсорных способностях, благодаря чему выяснилось очень многое. Все это весьма пригодилось мне позднее. Я никогда не узнал бы ничего подобного, догадайся собеседник о моем необычном даре, поскольку марсиане умеют безупречно контролировать свой мыслительный процесс и направлять мысли в нужное русло с абсолютной точностью.

В этом огромном здании размещались механизмы, которые производили искусственную атмосферу, поддерживающую жизнь на Марсе. Тайна процесса заключалась в использовании девятого луча, одного из двух лучей неопишуемого цвета, что исходили от огромного камня на диске старика.

Этот луч отделялся от спектра посредством точно настроенных инструментов, расположенных на крыше гигантского здания; три четверти постройки занимали резервуары, в которых и хранился девятый луч. Потом его обрабатывали электричеством или, скорее, очищали с помощью электрических вибраций и соединяли с электрическим потоком в единое целое, а то,

что получилось, перекачивали в пять основных воздушных центров планеты, где этот продукт, поступая в атмосферу, превращался в пригодный для дыхания воздух.

Мой новый друг объяснил, что в огромном здании всегда находился достаточный запас девятого луча, чтобы поддерживать нынешнее состояние атмосферы тысячу лет, и единственное, чего боялись красные марсиане, так это случайности, способной разрушить передающие смесь механизмы.

Старик повел меня во внутренние помещения, где я увидел целый ряд специальных насосов, двадцать штук, и любой из них мог сам по себе выполнять задачу снабжения Марса атмосферой; все моторы работали на радию. Уже восемьсот лет, сказал старик, он наблюдает за этими помпами, которые действуют по очереди в полную силу в течение дня, то есть примерно двадцать четыре с половиной земных часа. У старика был помощник, деливший с ним вахты. Половину марсианского года, около трехсот сорока четырех земных дней, наблюдатель проводил в одиночестве в огромном строении.

В этом огромном здании размещались механизмы, которые производили искусственную атмосферу, поддерживающую жизнь на Марсе.

Каждый красный марсианин еще в раннем детстве узнавал о важности производства атмосферного воздуха, но лишь двое знали тайну входа в гигантскую фабрику, которая была абсолютно неприступной. Толщина стен составляла сто пятьдесят футов; сверху строение защищала от воздушной атаки пятифутовая стеклянная крыша.

Единственное, чего опасались красные марсиане, так это нападения зеленых орд или какого-нибудь обезумевшего соплеменника, потому что барсумиане прекрасно понимали: существование всех форм жизни на Марсе полностью зависит от непрерывной работы этой фабрики.

Пока я следил за мыслями старика, всплыл один любопытный факт: оказалось, что наружные двери управляются телепатически. Замки были устроены так хитроумно, что двери открывались посредством определенной комбинации мысленных волн. Чтобы поэкспериментировать со своей новой игрушкой, я самым небрежным тоном спросил старика, как он умудрился открыть передо мной такие тяжелые двери, находясь во внутренних помещениях здания. И моментально в его уме возникли девять звуковых волн, но быстро исчезли, когда старик сказал, что этим секретом поделиться не может.

Но и его отношение ко мне сразу изменилось, как будто он испугался, что от неожиданности мог выдать великую тайну, и я прочел подозрение и страх в его взгляде и мыслях, хотя слова звучали по-прежнему вежливо и искренне.

Перед тем как отвести меня спать, старик пообещал дать письмо к живущему по соседству агроному, который должен был помочь мне добраться до Зоданги, ближайшего марсианского города.

– Но не говори ему, что ты связан с Гелиумом, ведь тамошние жители воюют с этой страной. У меня и моего помощника нет родины, мы принадлежим всему Барсуму, и талисман, который мы всегда носим, защищает нас в любых краях, даже среди зеленых людей... хотя мы все равно стараемся избегать встречи с ними. Ну что ж, спокойной ночи, друг мой, – добавил он. – Спи крепко и долго... да, долго.

Несмотря на то что старик любезно улыбнулся, в его мыслях не было полного доверия к незваному гостю. А потом в его уме вспыхнула картина: он стоит надо мной среди ночи, взмахивает длинным кинжалом и невнятно произносит: «Мне очень жаль, но так будет лучше для всего Барсума».

Когда он вышел из отведенной мне комнаты и закрыл за собой дверь, я не смог больше читать его мысли, что показалось мне странным, – впрочем, о телепатии я знал очень мало.

Что же мне делать? Как сбежать из этих могучих стен? Конечно, я был предупрежден и мог с легкостью убить старика, но тогда тем более не сумел бы выйти наружу. Кроме того, если бы остановились механизмы гигантской фабрики, я бы умер вместе с остальными обитателями планеты... всеми, включая Дею Торис... если она до сих пор жива. Ради других я бы и пальцем не шевельнул, но мысль о принцессе немедленно изгнала желание покончить с неприветливым хозяином.

Я осторожно открыл дверь комнаты и вместе с Вулой, тащившимся следом за мной, отправился искать исполинскую внутреннюю дверь. Мне в голову пришел дикий план: попытаться отпереть мощные запоры теми девятью мысленными волнами, которые я увидел в уме хозяина.

Крадясь по переходам, спускаясь по винтовым лестницам, я наконец добрался до огромного холла, где утром нарушил свой долгий пост. Хозяина я по пути не заметил и понятия не имел, где он скрывается ночью.

Я уже был готов дерзко войти в это помещение, как вдруг легкий шум позади заставил меня оглянуться и всмотреться в тени в глубине коридора. Прижав к себе Вулу, я скорчился в темноте.

Вскоре мимо меня проковылял старик, и, когда он вошел в слабо освещенный холл, который я только что собирался пересечь, в его руке блеснул длинный, остро заточенный кинжал. Старый марсианин думал о том, что нужно проверить помпы, поскольку это требовалось делать каждые полчаса, а потом пойти в спальню гостя и прикончить его.

Когда он миновал холл и исчез в коридоре, что вел к залу с насосами, я выбрался из своего укрытия и поспешил к огромной двери, первой из тех трех, что стояли между мной и свободой.

Сосредоточившись на массивном запоре, я воспроизвел девять мысленных волн. Я ждал, почти не дыша, и наконец тяжелая дверь сдвинулась с места, скользнула в сторону. Один за другим оставшиеся могучие порталы открывались, подчиняясь моей команде, и мы с Вулой вышли в темноту, свободные, но оказавшиеся в нелучшем положении, чем до этого, разве что теперь у нас были полные животы.

Спеша уйти подальше от грозного строения, я побежал к первому перекрестку дорог, намереваясь как можно быстрее очутиться на главной магистрали. К утру я достиг цели – предо мной высилась стена, окружающая явно обитаемое поселение.

Здесь стояли низкие осыпающиеся бетонные здания, защищенные тяжелыми надежными дверями, но сколько я ни стучал в них и сколько ни кричал, никакого отклика не дождался. Усталый и измученный бессонной ночью, я просто лег на землю, велев Вуле охранять меня.

Некоторое время спустя меня разбудил грозный рык пса, и я, открыв глаза, увидел троих краснокожих марсиан, стоявших неподалеку и целившихся в меня из винтовок.

– У меня нет оружия, и я вам не враг! – поспешил сказать я. – Я был в плену у зеленых людей, а теперь иду в Зодангу. Нам с калотом нужно всего лишь немного поесть и отдохнуть, и еще я прошу, чтобы мне показали дорогу в город.

Они опустили винтовки и подошли, чтобы вежливо положить свои правые ладони на мое левое плечо, что было в их обычае и заменяло приветствие, и тут же стали задавать мне множество вопросов обо мне самом и моих скитаниях. Потом меня отвели в дом одного из марсиан, и это оказалось совсем недалеко.

Здания, в двери которых я стучал утром, оказались складами разных припасов и фермерской продукции, а жилой дом стоял среди огромных деревьев и, как все дома краснокожих марсиан, на ночь поднимался над землей футов на сорок-пятьдесят на большой круглой металлической платформе. Она двигалась вверх-вниз силой маленького радиевого мотора, который находился в вестибюле при входе в здание. Вместо того чтобы вешать множество замков и запоров на двери своих жилищ, красные марсиане придумали механизм, позволяющий спать на безопасной высоте. У них также имелись личные средства для спуска и подъема, если им нужно было выйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.